

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

На правах рукописи

Колмаков Владимир Владимирович

**Организационно-экономические механизмы управления собственностью
на региональном уровне**

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(региональная экономика)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант
доктор экономических наук, профессор
Екимова К.В.

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	19
1.1 Сущность и организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью	19
1.2 Система управления собственностью в регионе	33
1.3 Перспективные формы организации пространственных отношений, основанные на множественных взаимодействиях.....	45
ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ.....	59
2.1 Пространственная экономика как методологическая основа управления региональной собственностью	59
2.2 Трансформация отношений собственности в рамках пространственной парадигмы	72
2.3 Экономика распределенного пользования как перспективный способ организации пространственных взаимодействий.....	88
ГЛАВА 3 ОЦЕНКА ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ	103
3.1 Анализ результатов влияния трансформации отношений собственности на экономическое пространство региона	103
3.2 Анализ целевых ориентиров управления региональной собственностью в современной системе пространственного развития Российской Федерации.....	116
3.3 Трансформация целевых ориентиров управления региональной собственностью	134
ГЛАВА 4 ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ	152
4.1 Приватизация и государственное предпринимательство как базовые механизмы реализации отношений собственности.....	152

4.2 Механизм государственно-частного партнерства в системе управления региональной собственностью	165
4.3 Влияние трансформации отношений собственности на экономическое пространство регионов	178
ГЛАВА 5 АДАПТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ.....	196
5.1 Обоснование адаптивной системы управления региональной собственностью	196
5.2 Совершенствование подходов к реализации программно-целевого управления	213
5.3 Потенциальный эффект применения сетевых механизмов организации отношений собственности в экономике распределенного пользования.....	226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	258
ПРИЛОЖЕНИЕ А (ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ) ЗНАЧЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТОВ ЛОКАЛИЗАЦИИ В РАЗРЕЗЕ ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ НА НАЧАЛО 2018 ГОДА	286
ПРИЛОЖЕНИЕ Б (ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ) ЗНАЧЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТОВ ДУШЕВОГО ПРОИЗВОДСТВА НА НАЧАЛО 2018 ГОДА	290
ПРИЛОЖЕНИЕ В (ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ) ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ НА НАЧАЛО 2018 Г.	294
ПРИЛОЖЕНИЕ Г (ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ) ЗНАЧЕНИЯ ОБЩИХ КОЭФФИЦИЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ НА НАЧАЛО 2018 Г.	300

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ключевая цель пространственного развития Российской Федерации предполагает повышение качества жизни населения и закреплена в документах стратегического планирования Российской Федерации. Поставленная цель раскрывается через формирование в регионах источников экономического роста, увеличения производительности труда и сокращения транзакционных издержек, в основе которых лежит эффективное управление факторами производства. Очевидно, что повышение качества жизни населения российских регионов потребует интенсификации использования и повышения результативности имущественного комплекса как источника экономического роста, а также поиска ответов на актуальные вызовы современности, обусловленные внешнеполитической нестабильностью, эпидемиологической обстановкой и другими факторами.

Повышение эффективности организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью является народно-хозяйственной проблемой, которая прямо и косвенно фигурирует в документах стратегического планирования Российской Федерации. Так, в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 2018 года обозначена стратегическая задача – «прорывное развитие России» – для решения которой, по словам президента, потребуются внутренние стимулы роста и наращивание экономического потенциала каждого региона как источника дополнительных ресурсов, а также повышение уровня связанности экономического пространства Российской Федерации. При этом неоднократно отмечалось, что экономический рост избыточно концентрирован в ограниченном числе центров национального и регионального масштаба, как правило, эксплуатирующих естественные конкурентные преимущества или наследие советской системы размещения производительных сил и территориально-производственных комплексов. В этой связи Стратегия пространственного развития Российской Федерации ставит задачу

«ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных центров экономического роста страны и субъектов федерации» – городов и городских агломераций, повышение экономической активности в которых, как предполагается, будет способствовать распространению пространственных эффектов и уплотнению экономического пространства. Реализация обозначенных инициатив в части целеполагания организована в форме приоритетных национальных проектов, таких как «Производительность труда и поддержка занятости», «Малое и среднее предпринимательство», «Цифровая экономика», детализируемых рядом федеральных проектов.

Основой рыночных отношений является собственность на факторы производства, а следовательно, воздействие на экономическую систему невозможно без обращения к ее базису. Задача обеспечения долгосрочной поступательной динамики социально-экономического развития регионов требует выработки и воплощения решений, связанных с актуализацией структуры воспроизводственного механизма за счет трансформации целого ряда основополагающих отношений: властно-подчинительных, трудовых, социальных и экономических, а также отношений собственности, лежащих в основе всех остальных, либо определяющих их динамику.

Не менее важный аспект – формирование новых источников экономического роста, которым может стать переход от экономики, эксплуатирующей природные ресурсы и индустриальное наследие, к экономике знаний (knowledge driven economy). Информация уже давно зачислена в состав факторов производства, однако путь от накопления информации до извлечения из нее знаний, способных формировать экономическую добавленную стоимость, еще предстоит пройти: пространственные эффекты накопления знаний целесообразно исследовать именно на региональном уровне, что также актуализирует исследование организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью.

Состоявшийся переход государственного управления социально-экономическим развитием территорий на принципы пространственного развития

во многом не решил, а лишь обострил потребность выработки организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью, способных обеспечить заявленные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации цели и приоритеты.

Выстроенная система документов стратегического планирования в практике их реализации основывается на управлении отношениями собственности, поскольку все государственные программы ориентированы на развитие имущественного базиса, повышение фондоотдачи, модернизацию и технологическое перевооружение, упрощение доступа к основным средствам и объектам интеллектуальной собственности. Следовательно, и целеполагание в системе стратегического планирования неразрывно связано с деятельной реализацией отношений собственности, управление которыми основывается на различных организационно-экономических механизмах.

Указанное выше актуализирует роль исследования и выстраивания организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью и выдвигает на передний план необходимость **решения научной проблемы**, порожденной несоответствием существующих способов реализации отношений собственности текущим и перспективным условиям хозяйствования. В первую очередь, это проявляется в увеличивающемся количестве измерений системы отношений собственности, их трансформации в новые сетевые структуры. Параллельно с этим региональная экономика и практика государственного управления социально-экономическим развитием регионов проходят этап адаптации методологии пространственной экономики, в преломлении которой казавшиеся изученными проблемы обретают новые грани, требующие исследования. В этой связи приведение организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью в соответствие с современными условиями с целью обеспечения эффективного управления пространственным развитием представляется важной народнохозяйственной проблемой.

Решение обозначенной научной проблемы может быть достигнуто через теоретическое и методическое обеспечение процесса формирования единого экономического пространства регионов посредством уточнения методологии пространственной экономики с учетом организации отношений собственности на базе сетевых форм пространственных взаимодействий. Такая постановка проблематики согласуется с рядом приоритетных задач общенационального уровня, таких как совершенствование системы стратегического планирования и управления социально-экономическим развитием российских регионов, адаптация механизмов программно-целевого управления к изменениям внешней и внутренней среды, новым институтам и формам реализации общественных отношений.

Степень разработанности научной проблемы. Вопросы управления региональной собственностью и выстраивания соответствующих отношений находятся на повестке дня исследователей достаточно продолжительное время, благодаря чему данное направление стало междисциплинарным и имеет взаимосвязи с целым рядом самостоятельных теорий и концепций.

Рассмотрению проблематики управления собственностью посвящены работы целого ряда российских ученых, отражающих неинституциональный, правовой, функциональный подходы к раскрытию категории «собственность», таких как Л.И. Абалкин, В.И. Кошкин, В.И. Лоскутов и др. Такие ученые, как А.Н. Бойко, Н.Д. Колесов и др. рассматривают собственность в качестве структурного элемента и основы экономической системы. Альтернативный подход, основанный на отказе от провозглашения главенствующей роли экономической составляющей в отношениях собственности, прослеживается в работах В.В. Круглова, Б.А. Райзберга и др.

Методологические основы пространственной экономики во многом заложены представителями зарубежных научных школ: Дж. Паэлинком, П. Нийкэмпом, Я. Тинбергеном, Т. Хагерстрандом, И. Тюненом, А. Лёшем, В. Кристаллером, А. Вебером, У. Айзардом, Ж. Будвилем и др. Российская школа пространственной экономики поддерживалась А.Г. Гранбергом, Е.Г. Анимицей,

Н.М. Сурниной, А.И. Татаркиным, А.И. Трейвишем, Г.В. Иоффе. Методологические аспекты исследования экономического пространства представлены в работах А.М. Асалиева, С.Д. Валентя, Г.Ю. Гагариной, В.И. Гришина, А.А. Мироедова, Г.Б. Клейнера, С.А. Суспицына и др. Отдельные аспекты связи экономического пространства и эволюции его свойств отражены в трудах Л.Б. Вардомского, Б.М. Штульберга, А.С. Новоселова, В.В. Климанова, Дж. Кортрайта, А.Г. Поляковой, Л.Н. Чайниковой, А.Н. Швецова и др. Новые экономические условия, под влиянием которых развивается пространственная экономика, находят отражение в работах Р.А. Абрамова, Г.М. Зинчук, С.А. Жданова, И.М. Потравного. Проблематика пространственного планирования представлена в трудах В.С. Бочко, В.Е. Рохчина и др.

Отдельные аспекты пространственного развития, связанные с вопросами взаимодействия бизнес-структур, интегрированных предпринимательских структур, предпринимательских сетей представлены в работах П.А. Балланда, П. Бека, П. Бенневорта, Л. Бёкера, К.В. Екимовой, С.М. Казанцевой, А.В. Орлова, Л.Н. Орловой, Л.Н. Рудневой, Р.Р. Сидорчука, В.А. Умнова, К. Френкена, Н.М. Чикишевой, Дж. Шор, Г. Эллисона и др.

Необходимость развития социально-экономического пространства, способствующего повышению качества жизни населения, обуславливает потребность в выявлении особенностей трансформации отношений собственности в регионах в контексте пространственной парадигмы. Инструментом трансформации отношений собственности в Российской Федерации выступила приватизация, причины, характер и итоги которой находят отражение в трудах Е.Т. Гайдара, Г.В. Гутмана, В.Г. Гребенникова.

Современные экономические условия и характерные для них тенденции обуславливают обращение исследователей к вопросам поиска инновационных подходов к управлению региональной собственностью. В контексте формирования региональной политики данный вопрос нашел отражение в работах В.Н. Лексина и Ю.И. Трещевского. Взаимосвязь параметров эффективности хозяйственной деятельности с формой собственности исследована в работах И. Гимади,

В. Добродея, а также зарубежными авторами, среди которых С. Коммандер, Дж. Нэллис, М. Шафер и др.

Эволюция отношений собственности рассматривается через спектр проблем управления социально-экономическим развитием регионов, раскрытых в работах А.А. Угрюмовой и др., социально-экономической дифференциации регионов, неравномерности пространственного развития и т.д., что обуславливает обращение к проблематике отношений собственности как основания дифференциации (Г. Мальгинов, А. Радыгин), концентрации и перераспределения регионального имущественного комплекса, реализации властно-подчинительных полномочий и иных взаимодействий между представителями публичного и частного секторов (Г. Бекер, Дж. Стиглер, Ж. Тироль, Дж. Хеллман и др.).

Новые эффекты, возникающие в экономическом пространстве, были предсказаны и описаны в работах О.В. Сагиновой, М. Грановеттера, А.И. Гретченко, М.А. Гусакова, Л.А. Данченко, Ю.В. Долженковой, С.М. Дробышевского, М. Портера, Л.М. Симоновой.

Оценка степени научной разработанности проблемы показывает, что в текущее время вопросы трансформации отношений собственности, в том числе и региональной, находятся в центре научного поиска. Вместе с тем анализ научного материала свидетельствует о том, что проблематика управления отношениями региональной собственности как фактором пространственных изменений раскрыта в недостаточной степени. Особенности трансформации отношений собственности в регионах оказывают воздействие на качество экономического пространства и меняют его характеристики. Особое влияние демонстрируют сетевые формы организации отношений собственности, что обуславливает потребность в разработке способствующих концептуальных основ и адаптационного механизма, способного направить пространственные характеристики субъектов в сторону требуемых целевых значений.

Цель исследования заключается в развитии теории и методологии формирования адаптивной системы управления региональной собственностью на основе сетевых форм пространственных взаимодействий.

Поставленная цель диссертационного исследования предопределяет решение следующих **задач**:

– уточнить понятие «региональная собственность», определить сущность и организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью;

– выявить тренды преобразований экономического пространства, обуславливающие трансформацию отношений собственности;

– определить распределенное пользование как перспективный организационно-экономический механизм управления региональной собственностью в контексте методологии пространственной экономики;

– выявить целевые ориентиры управления региональной собственностью в современной системе пространственного развития Российской Федерации и обосновать направления их изменения;

– провести анализ трансформации организационно-экономических механизмов управления собственностью в российских регионах и оценить степень её воздействия на экономическое пространство регионов;

– разработать инструментарий и обосновать преимущества модели сетевой организации экономического пространства;

– предложить адаптивную систему управления региональной собственностью и сформулировать организационно-экономические условия её функционирования в условиях смены ориентиров управления региональной собственностью.

Объектом исследования выступают организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью, а **предметом** – пространственная организация управления региональной собственностью.

Теоретическая основа исследования. В основу исследования положена пространственная парадигма, дополненная элементами системного и институционального подходов к исследованию социально-экономических процессов. Теоретико-методологическими и методическими основами диссертационной работы послужили фундаментальные концепции,

представленные в современных трудах отечественных и зарубежных ученых, нормативные документы, материалы научных и научно-практических конференций, методические разработки отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам трансформации отношений собственности, пространственного развития, формирования сетевых структуры пространственных взаимодействий и т.д.

Решение поставленных задач опирается на соответствующий методический инструментарий. В частности, использованы как общенаучные методы исследования и познания, такие как анализ, синтез, так и специфические методы экономических исследований, в числе которых экономико-математическое моделирование и прогнозирование, анализ тенденций и закономерностей, причинно-следственных связей, структурно-функциональное моделирование.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили нормативно-правовые документы, статистические данные Росстата, международных организаций и статистических агентств, аналитические материалы федеральных и региональных органов исполнительной власти, Агентства Стратегических Инициатив и других организаций.

Научная новизна исследования заключается в решении важной народнохозяйственной проблемы ускорения социально-экономического развития регионов посредством формирования адаптивной системы управления региональной собственностью, способствующей переходу к экономике знаний, и в уточнении методологии пространственной экономики посредством включения в нее эффектов усложнения характера экономического взаимодействия.

Конкретные результаты, полученные соискателем, имеющие научную новизну:

1) Уточнено понятие «региональная собственность» посредством дополнения традиционной трактовки, включающей материальные, нематериальные и финансовые активы, источниками общественных благ, в отношении которых действуют специфические режимы владения, пользования и распоряжения, а также за счет перевода объектов отношений собственности из

категории «имущество» в категорию «имущество и сопряженные обязательства». Подобное уточнение позволяет ввести в спектр системы управления региональной собственностью существующие объекты отношений. Это позволило расширить фокус системы управления региональной собственностью и увеличить состав потенциальных источников извлечения экономического эффекта. Для идентификации региональной собственности как экономического ресурса был введен термин «региональный имущественный комплекс».

2) Выявлены тренды преобразований экономического пространства, которые обуславливают расширение субъектно-объектных отношений собственности и обеспечивают их трансформацию. Выполнено развитие научного представления о сущности трансформации отношений собственности в регионе за счет перехода к многомерной интерпретации данного процесса: отношения собственности претерпевают не только субъектные трансформации, но и морфологические, интеграционные, объемные, системные и др. Данный результат расширяет горизонт управления региональной собственностью и дает возможность повышения его эффективности.

3) Рассмотрен феномен экономики распределенного пользования, как основы современного организационно-экономического механизма управления региональной собственностью, позволивший расширить методологию пространственной экономики и идентифицировать новый класс экономических эффектов пространственных взаимодействий. Дополнение и уточнение методологии пространственной экономики имело место за счет включения в ее орбиту эффектов экономики распределенного пользования, влекущих за собой усложнение характера экономических отношений.

4) Обосновано направление смены целевых ориентиров управления региональной собственностью, предполагающее смещение акцентов в применении программно-целевого подхода с традиционной специализации заданного региона на идентификацию перспективных направлений воздействия на региональный имущественный комплекс по критерию максимизации нетто-результата

экономической деятельности как способа расчета агрегированной факторной стоимости имущественного комплекса российских регионов.

Экономическая специализация региона не отвергается, но становится комплиментарной новому подходу, который подчиняет принятие решений в процессе управления региональным имущественным комплексом логике пространственного подхода, в котором экономическая стоимость – нетто-результат рассматривается как проявление перемещения ресурсов, особенно таких как знание. Для оценки эффектов смены целевых ориентиров и внедрения принципа адаптивности системы управления региональной собственностью разработан методический инструментарий оценки экономического эффекта с учетом изменения подхода к идентификации вектора и измерителей управления региональной собственностью.

5) Выполнена оценка степени воздействия трансформации отношений собственности на экономическое пространство регионов, позволяющей выявить факторы, способствующие или препятствующие пространственному развитию, а также прогнозировать динамику характеристик регионального экономического пространства под воздействием инерционных или управляемых трансформаций отношений собственности в регионах.

Адаптированный в ходе исследований пространственный подход к управлению региональной собственностью и использованный при оценке трансформации отношений собственности в регионе способствует обеспечению перехода от отраслевого или ведомственного целеполагания к многомерной системе параметров территориального планирования, в том числе в отношении управления региональным имущественным комплексом, и устранению существующего разрыва между логикой территориального стратегического планирования и пространственного развития.

б) Обоснованы преимущества и сформирована модель сетевой организации экономического пространства реализации отношений собственности с точки зрения обеспечения максимального вклада в социально-экономическую динамику региона. Возможность получения экономического эффекта обеспечивается

переходом к сетевым формам организации экономического пространства. Источником эффекта являются сетевые взаимодействия, которые позволяют субъектам осуществлять точную подстройку к наблюдаемым трансформациям отношений собственности без отставания их институционального оформления, поскольку лучшие практики, актуальные для заданных условий, получают максимально широкое распространение, вытесняя неэффективные формы реализации отношений собственности.

7) Разработана адаптивная система управления региональной собственностью, в основу которой положена трансформация партнерских организационно-экономических механизмов управления собственностью, происходящая по мере накопления их критической массы, в формы пространственных взаимодействий, существующие в виде n-мерной сети субъектно-объектных отношений. Сформированные организационно-экономические основания адаптивной системы управления региональной собственностью, в т.ч. институциональные рамки и элементы инфраструктурного каркаса системы управления региональной собственностью и пространственной организации отношений собственности, позволили обосновать направления изменений нормативно-правовой базы, регулирующей региональное развитие и вопросы реализации отношений собственности.

Основные научные результаты диссертации соответствуют следующим пунктам **Паспорта научной специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)**:

3.1. Развитие теории пространственной и региональной экономики; методы и инструментарий пространственных экономических исследований; проблемы региональных экономических измерений; пространственная эконометрика; системная диагностика региональных проблем и ситуаций.

3.9. Роль институциональных факторов в развитии региональных экономических систем. Региональные особенности трансформации отношений собственности, их влияние на структуру и эффективность функционирования и развития региональных экономических систем.

3.17. Управление экономикой регионов. Формы и механизмы взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества. Функции и механизмы управления. Методическое обоснование и разработка организационных схем и механизмов управления экономикой регионов; оценка их эффективности.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории пространственной экономики за счет систематизации организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью и экономического обоснования потенциальной эффективности сетевых форм пространственных взаимодействий, предсказанных в ряде отечественных и зарубежных исследований.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их применения в плановой и проектной деятельности, направленной на обеспечение реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года: стратегия как документ целеполагания ставит перед регионами системные задачи, детализация которых на уровне целевых индикаторов, набора мероприятий и требуемых организационно-экономических механизмов на сегодняшний день является открытым вопросом.

Полученные в ходе исследования разработки, сформулированные принципы и подходы, обоснованные альтернативные измерители экономического эффекта функционирования региональных имущественных комплексов в тесной взаимосвязи с сетевыми эффектами пространственных взаимодействий могут быть положены в основу государственных программ субъектов Российской Федерации.

Обозначенные в работе принципы функционирования экономических систем распределенного пользования как перспективного организационно-экономического механизма управления региональной собственностью позволят органам государственной власти и хозяйствующим субъектам выработать наиболее эффективные способы организации воспроизводственного процесса, способствующие решению значимой народно-хозяйственной проблемы, связанной с обеспечением ускоренной динамики социально-экономического развития за счет

дополнительного эффекта от эксплуатации регионального имущественного комплекса.

Отдельные положения диссертационного исследования и методические разработки будут востребованы в образовательном процессе при реализации программ магистратуры и аспирантуры.

Апробация результатов исследования. Основные научные положения диссертации обсуждались на ряде научных и научно-практических конференций, в числе которых, VI международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития: отраслевой и региональный аспект» (г. Тюмень, май 2019 г.), VIII и IX международная научно-практическая конференция «Абалкинские чтения» (г. Москва, май 2018 г., апрель 2019 г.), Секция «Устойчивое развитие» II международной конференции по химическим технологиям и охране окружающей среды (г. Саяны, КНР, ноябрь 2018 г.), V международная междисциплинарная научная конференция Social Sciences & Arts SGEM 2018 (г. Албена, Болгария, август 2018), III Черноморская международная научно-практическая конференция МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Севастополь, июнь 2019), IX международная научно-практическая конференции «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития» (г. Москва, февраль 2018 г.), международная научно-практическая конференция «Современные тренды развития стран и регионов-2017» (г. Тюмень, декабрь 2017 г.), IX Международный форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» (г. Москва, апрель 2017 г.), III международная научно-практическая конференция «Современная экономика и управление: подходы, концепции, модели» (г. Саратов, март 2017 г.), IV Международная научно-практическая конференция «Управленческие науки в современном мире» (г. Москва, декабрь 2016) и других конференциях, состоявшихся в г. Тюмени (май 2014 г.), г. Москве (ноябрь 2012 г., декабрь 2012 г., октябрь 2013 г.).

Некоторые аспекты диссертационного исследования были представлены на практических конференциях: Межведомственного межрегионального образовательного форума «Достояние России» (г. Москва, ноябрь 2015 г.);

Инвестиционный форум Минпромторга России, круглый стол «Роль ГЧП в развитии образования. Партнерство и диалог: государство, бизнес, общество» (г. Москва, сентябрь 2015). Ряд достижений диссертационного исследования обсуждался в ходе проведения обучающих мероприятий при подготовке Высшего резерва управленческих кадров Российской Федерации на базе ВШГУ РАНХиГС. Технология, методы и методики, разработанные в диссертации, применимы в учебном процессе в ходе преподавания дисциплин «Региональная экономика», «Управление социально-экономическим развитием», «Территориальное планирование».

Публикации. По теме диссертации автором опубликовано более 40 научных работ, в том числе 14 статей в изданиях из Перечня рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 8 статей в журналах, индексируемых Scopus и/или Web of Science, 3 монографии. Общий объем опубликованных научных работ по теме диссертации составляет 56,5 печ. л. (33,8 печ. л. – авторские), из них научные статьи в изданиях, включенных в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации – 9,17 печ. л. (6,36 печ. л. – авторские), научные статьи в изданиях, индексируемых Scopus и/или Web of Science – 7,64 печ. л. (2,79 печ. л. – авторские), монографии – 29,8 печ. л. (16,96 печ. л. – авторские).

Структура исследования. Логика и структура диссертации определяются целью и задачами исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения, списка литературы. Основной текст изложен на 303 машинописных страницах. В тексте использовано 17 рисунков, 30 таблиц. Список литературы содержит 255 источников. В первой главе исследуются теоретические основы реализации отношений собственности на региональном уровне. Во второй главе сформулированы методологические основы управления региональной собственностью и дополнена парадигма пространственной экономики за счет включения в нее эффектов экономики распределенного пользования, влекущих за

собой усложнение характера экономических взаимодействий. В третьей главе представлена оценка трансформации отношений собственности в регионах и отражено современное состояние и динамика региональных имущественных комплексов, обоснована целесообразность использования показателя нетто-результата экономической деятельности регионов и рассчитаны его значения. В четвертой главе нашли отражение сетевые структуры управления региональной собственностью, рассмотрена их эволюция от государственно-частного партнерства и сетей контрактации до феномена экономики распределенного пользования, предложен и апробирован подход к оценке потенциального экономического эффекта их применения. Пятая глава посвящена разработке адаптивной системы управления региональной собственностью с учетом трансформации партнерских форм организации отношений собственности.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

1.1 Сущность и организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью

В рамках традиционного экономического мышления собственность является одним из конституирующих элементов экономической системы, определяющих механизм её функционирования. Собственность представляет собой сложно построенную систему складывающихся в конкретно-исторической форме между разного рода субъектами экономических отношений присвоения и отчуждения средств производства и экономических благ, органически объединяющую в своей структуре владение и пользование в качестве форм присвоения, находящую свою реализацию через процесс общественного воспроизводства.

С точки зрения формы протекания эволюция отношений собственности обусловлена конвергенцией и дивергенцией форм их реализации. Их сменяемость поддерживает механизм развития общественных отношений. Периоды трансформации отношений собственности можно выделить по переходу и сменяемости этих процессов.

Дивергенция любых экономических отношений с позиции науки представляет собой возникновение диверсификации неких характерных признаков этих отношений, обеспечивающих разнообразие форм и методов их реализации, равно как и целевых функций выстраивания таких отношений. Конвергенция отношений в таком случае может рассматриваться как процесс «выравнивания» форм и способов их реализации в различных обособленных социально-экономических системах под воздействием сходных экономических или иных условий. С этих позиций можно выделить несколько периодов развития отношений собственности и обозначить их особенности.

Первый период – период становления отношений собственности ознаменовался возникновением наиболее раннего института так называемой обобществленной собственности, функция которого заключалась в обособлении и выделении границ локальных сообществ. Этот период, датируемый возникновением родоплеменных отношений, действовал в качестве обособляющей характеристики конкретного сообщества, однако не играл значимой роли в обеспечении его развития. В большей степени на данном этапе имел место процесс дивергенции.

Второй период – субъективизации отношений собственности – связан с возникновением личной и – позднее – частной собственности. Это способствовало субъективизации отношений собственности, стимулировало внутригрупповую динамику и привело, в конечном итоге, к расслоению сообществ по признаку обладания имуществом и, в первую очередь, факторами производства. В этот же период возникают институты охраны и обеспеченности права собственности.

Третий период – период расширения и появления многообразия форм собственности, а также инструментов реализации отношений собственности.

Четвертый этап характеризуется концентрацией и перераспределением объектов собственности, появлением новых интеграционных механизмов, что может быть обозначено как проявление конвергенции.

Перспективный – пятый этап, к которому человечество эволюционно подходит, связан с виртуализацией объектов и связанных с ними отношений, возникновением сетевых форм реализации отношений собственности, обезличенным владением, временным (сиюминутным) владением, «портфельлизацией» активов, профессионализацией владения и управления объектами собственности.

Распространение рыночных отношений привело к преобразованию прежде единой государственной собственности и ее разграничению по формам, в том числе с учетом уровней власти. Появилась федеральная, региональная и муниципальная собственность, каждая из которых обеспечена собственным нормативно-правовым базисом.

Региональная собственность представляет собой неоднозначный феномен, содержание которого в научных исследованиях и на практике раскрывается по-разному. На практике зачастую речь идет о применении нормативно-правовых рамок к существующим способам организации экономической деятельности и формирования ее имущественного базиса. В научном дискурсе имеет место меньшая структуризация, ограниченная выделением частного и публичного секторов как участников воспроизводственного процесса.

Реализация федеративного принципа управления российской экономикой приводит к усилению внимания к региональным аспектам, что актуализирует роль исследования вопросов управления собственностью на региональном уровне. Систематизируя подходы к определению понятия «региональная собственность», можно идентифицировать следующие три интерпретации:

- нормативный подход, который отождествляет региональную собственность с собственностью (имуществом) субъектов Российской Федерации;
 - нормативно-объективный подход, включающий в состав региональной собственности размещенную на территории региона государственную (публичную) собственность, в том числе муниципальную;
 - территориальный подход, в соответствии с которым в состав региональной собственности включается имущество всех хозяйствующих субъектов, в том числе субъектов субфедеральной собственности, расположенных на определенной территории и составляющих основу территориального хозяйственного комплекса.
- В дальнейшем для разграничения «региональной собственности» как системы отношений между экономическими субъектами и «региональной собственности» как экономического ресурса второе будет идентифицировано как «региональный имущественный комплекс». В тех случаях, когда «региональная собственность» упоминается для обозначения совокупности объектов имущества в расширительном ключе, используется термин «региональный имущественный комплекс».

Согласно нормативному толкованию, региональная собственность возникла в силу следования принципу необходимости соответствия объектного состава

характеру решаемых в регионе задач, имеющих финансовую, экономическую, социальную природу. Региональная собственность представлена сложной многоуровневой, комплексной и иерархической системой отношений, что соответствует распространенным в научной литературе представлениям о комплексности феномена государственной собственности с позиции структуры и содержания. Вообще, феномен публичной собственности – собственности публично-правовых образований – уникален с точки зрения вовлечения государства в гражданско-правовые отношения в качестве субъекта собственности. Государство как собственник выступает в качестве особым образом организованного субъекта многогранных отношений государственной собственности.

Государственная региональная собственность обусловлена федеративным устройством российского государства и по своему субъектному составу регламентирована ст. 8. Конституции Российской Федерации и пунктом 1 ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации. Она формирует имущественный базис выполнения субъектами Российской Федерации переданных им полномочий в отношении соответствующих предметов ведения. С позиции натурально-вещественного состава региональной собственности в ее нормативно-правовом представлении ее можно структурировать на земельные участки, линейные объекты инфраструктуры, дороги общего пользования, объекты культурного наследия, а также доли в капиталах хозяйственных обществ.

Формализованным измерителем роли нормативно определяемой региональной собственности в экономике субъекта Российской Федерации может стать величина доходов регионального бюджета от собственности, скорректированная на величину его затрат на содержание и поддержание объектов региональной собственности. Необходимость учета затрат обретает актуальность в периоды кризисов и обуславливает целесообразность ревизии и оптимизации расходов бюджетов, связанных с содержанием ряда объектов государственной и муниципальной собственности. Подобная постановка вопроса обеспечила

появление на свет таких категорий, как «неэффективно используемое имущество»¹, «валоризация имущества»², «продуктивное использование имущества», которые в ряде случаев определяют подход субъектов управления – органов власти региона – к распоряжению таким имуществом. Так, Ф. Таджани, А. Оппио и П. Морано³ выделяют «косвенную валоризацию» – отчуждение, под которым зачастую предполагается приватизация, а также прямую валоризацию. Можно отчасти согласиться с цитируемыми авторами в том, что отчуждение пассивной части публичного имущества (памятники архитектуры, иные объекты культурного наследия, пенитенциарные учреждения – все объекты, чьи потенциальные возможности размываются ограничениями, связанными с необходимостью их сохранить) представляет собой тупиковую ветвь развития, поскольку спрос на такие объекты ограничен объемами требуемых инвестиций в их содержание и развитие, сопутствующими обязательствами по сохранению облика, функционала и т.д., а также распространенными в частном секторе ожиданиями «распродажи» публичного имущества в случае наступления и углубления кризиса.

Необходимость осуществления расходов с целью поддержания или содержания имманентно неэффективных объектов имущества обуславливает целесообразность преобразования объекта отношений собственности из сугубо «активной» составляющей (т.е. имущественный комплекс как экономический актив) в «активно-пассивную», включающую ряд обязательств, неотделимых от триады «владение – пользование – распоряжение».

Еще один сдерживающий фактор состоит в том, что такие объекты зачастую имеют целевое предназначение, которое идет вразрез с логикой их экономические эффективного использования, тогда как перепрофилирование объектов может стать стимулом социально-экономического развития территорий. Таким образом,

¹ «Properties in disuse or underutilized» (Tajani, Oppio, Morano, 2014), включают также использование не по назначению или без самокупаемости.

² Извлечение экономической выгоды от обладания «пассивным» имуществом за счет сокращения расходов или/и формирования источника доходов.

³ Tajani, F. A model to support decision for the valorization of public properties in disuse or underutilized / F. Tajani, A. Oppio, P. Morano // Recent advances in urban planning, sustainable development and green energy. – [Eds. N. E. Mastorakis, F. Batzias, C. Guarnaccia]. – Florence, 2014. – p. 28.

процесс принятия решений об изменении назначения конкретного объекта региональной собственности должен основываться на анализе сценариев, учитывающих объемы затрат, риски и потенциальные выгоды в результате их реализации.

Решение сложившейся ситуации усматривается в рефрейминге стратегических установок: публичное имущество рассматривается как коммерциализируемый актив, то есть как «экономический ресурс, используемый для достижения определенных социальных, экономических или иных целей»¹. Будучи запущенным в массовом порядке, такой процесс позволяет параллельно решить задачу актуализации инвентарных сведений об имеющемся пассивном имущественном базисе региона; подключение общественности и бизнеса способствует расширению представлений о потенциально возможных направлениях использования конкретных объектов региональной собственности.

Перечисленные ограничения в достаточной мере обосновывают целесообразность практической реализации концепции государственного предпринимательства, то есть встраивания в воспроизводственные процессы в качестве равноправного участника, а не потребителя или конечного бенефициара. С позиции нормативно-правового регулирования российские регионы имеют следующие возможности интеграции в региональные воспроизводственные процессы:

1) включение публичной собственности в капитал хозяйствующих субъектов с получением пропорциональной вкладу доли в управлении обществом, включая возможность обретения блокирующего пакета или без такового;

2) формирование на базе публичной собственности подконтрольных хозяйствующих субъектов с присущими им ограничениями на ведение финансово-хозяйственной деятельности;

3) передача объектов собственности публично-правовых образований частному сектору в ограниченное пользование на условиях срочности, платности и

¹ Wills, P. Managing government property assets: international experiences / P. Wills. // Public Management Review. – 2009. – Vol. 11. – No. 5. – P. 725-728.

возвратности, реализованная в рамках взаимодействия региональной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества.

Внедрение перечисленных подходов способствует повышению неналоговых доходов региональных бюджетов в части доходов от использования региональной собственности. При этом не следует исключать из рассмотрения и синергетические эффекты, возникающие в результате эффективного использования частным сектором объектов региональной собственности, которые выражаются в росте налогооблагаемой базы и, следовательно, в увеличении налоговых поступлений.

Сложившиеся в регионе отношения собственности задают институциональное оформление системы, формулируя правила хозяйствования и определяя ограничения поведения экономических агентов. Управление собственностью как социокультурным феноменом приводит к формированию в общественном сознании разнообразных ценностей и предпочтений, а также дополняется общественно-политической и правовой компонентой и включает в себя многочисленные отношения экономического, социально-психологического, организационного характера. Следовательно, управление собственностью, отвечая на экономические потребности, выступает в качестве феномена и одного из основных факторов общественного развития.

В условиях информатизации, глобализации и стирания искусственно возведенных административно-территориальных границ управление собственностью претерпевает все больше количество изменений. В этом контексте стоит отметить тезис Дж. Стиглица о том, что государство и рынок соотносятся в большей степени через термин «интерактивное партнерство»¹, которое призвано производить и финансово сопровождать отдельные компоненты государственных услуг с помощью механизмов сотрудничества и конкуренции. Очевидно, что реализация государственных функций обуславливает необходимость расходования существенного объема ресурсов, что в условиях бюджетных ограничений требует

¹ Stiglitz, J. E. Redefining the Role of the State / J. E. Stiglitz // World Economics. – Vol. 2. – No. 3. – P. 45-86.

привлечения бизнеса к решению социально-экономических задач по развитию инфраструктуры в регионах.

Тенденция включения в систему управления государственной собственностью новых игроков, представленных частным сектором, усиливается, поскольку современные условия общественного развития требуют поиска консенсуса между всеми участниками, в числе которых представители различных ветвей власти, граждане, занимающие активную гражданскую позицию, и частный сектор. Успешное согласование интересов способствует получению выгоды от этого партнерства и частично решает проблему привлечения дополнительных объемов инвестиционных ресурсов.

В ходе преобразования экономического пространства меняется характер взаимодействия субъектов, что приводит к эволюции объектов, форм и способов реализации отношений собственности, а значит расширяется и состав организационно-экономических механизмов управления ими.

Под организационно-экономическим механизмом управления региональной собственностью понимается совокупность средств и методов достижения целей управляющей системы по отношению к совокупности управляемых объектов и субъектов, опирающихся на объективные экономические законы и социальные процессы в заданных институциональных условиях.

Различные формы собственности в административных границах региона в процессе экономической деятельности находятся в тесном взаимодействии и формируют целостную систему отношений, экономической характеристикой которых может выступать либо традиционно применяемая величина доходов соответствующих субъектов от использования собственности, либо более актуальная ее интерпретация в виде доходов, скорректированных на величину затрат на содержание и поддержание объектов собственности, что выводит на передний план вопрос создания добавленной стоимости. Данное обстоятельство обуславливает необходимость отказа от исключительно «активной» трактовки региональной собственности в пользу «активно-пассивной», которая расширяет традиционную триаду прав владения, пользования и распоряжения комплексом

неотчуждаемых обязательств (модернизация, содержание, текущее финансирование, предоставление доступа и т.д.), а также включает в состав регионального имущественного комплекса совокупность общественных благ и институтов, лежащих в основе их обеспечения.

Ключевая проблема управления социально-экономическим развитием регионов на сегодняшний день сводится к тому, что в условиях существующих нормативно-правовых и финансовых ограничений, субъекты управления социально-экономическим развитием имеют возможность осуществлять ограниченно эффективное управление государственным и муниципальным имуществом. Эти ограничения имеют нормативную природу (госпрограммы, планы приватизации и иные документы, ограничивающие свободу распоряжения объектами), либо обусловлены натурально-вещественным составом имущества (функциональное назначение, связь с предметами ведения) и бюджетными ограничениями. При этом иные объекты регионального имущественного комплекса находятся вне фокуса прямого управленческого воздействия, а косвенные инструменты, такие как экономические или административные рычаги и стимулы, имеют крайне ограниченный потенциал воздействия: они характеризуются адресностью, то есть незначительным охватом, в значительной степени отложенным эффектом, зависящим от степени совпадения целей региональных органов власти и обладателей соответствующего имущества.

В этой связи возникает объективная потребность включения элементов непубличной собственности в повестку дня государственного управления, равно как и необходимость выработки адекватных инструментов целеполагания и управления, гармонизирующих экономические, финансовые и прочие интересы государственного и частного сектора. Такая постановка задачи расширяет трактовку «региональной собственности» до «регионального имущественного комплекса», посредством включения в спектр управляемых объектов всего имущества, располагающегося на территории региона вне зависимости от формы собственности.

Как и всякому собственнику, государству свойственно определенное поведение, которое применительно к объектам публичной собственности может быть обобщено в несколько укрупненных организационно-экономических механизмов. Первый из них – приватизация – доминировал достаточно длительный период времени вплоть до конца первого десятилетия XXI века. Тогда на смену приватизации пришла деприватизация (огосударствление), тенденции которой набирали обороты с 2005 г., когда органы государственной власти стали консолидировать имущественный базис с целью эффективного манипулирования доходной частью бюджетов различного уровня. Таким образом, сформировался второй тип организационно-экономических механизмов, который характеризуется как государственное предпринимательство, в рамках которого публично-правовые образования выступают в качестве равноправных субъектов хозяйственных отношений, что сопровождается совершенствованием практики администрирования всего спектра объектов публичной собственности: от земельных ресурсов и недр до имущественных комплексов и финансового капитала. На фоне этих изменений происходило расширение трактовки целевой функции управления региональной собственностью посредством введения дополнительных измерений: максимизация экономического эффекта, выражающегося в росте ВРП или доходов бюджета (фактически – поиск эффективного собственника), была дополнена целью компенсировать провалы рынка и обеспечить предложение целого ряда экономических благ населению (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1 – Организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью в контексте эволюции хозяйственной деятельности

Субъектно-объектная сторона управления	Механизм	Движущая сила	Способ	Целевая функция
Субъект – эффективный собственник имущества, объект – элементы основного капитала	Приватизация / деприватизация	Накопление капитала	Переход прав собственности к наиболее эффективному собственнику	Максимизация экономического эффекта (ВРП, доходы бюджета, инвестиции в основной капитал)

Субъектно-объектная сторона управления	Механизм	Движущая сила	Способ	Целевая функция
Субъект – «государство», объект – элементы основного капитала	Государственное предпринимательство	Провалы рынка	Внесение объектов в капитал предприятий	Компенсация провалов рынка, рост доходов бюджета
Субъект – собственник имущества, объект – элементы основного капитала	Контрактация	Спрос и предложение, снижение бремени владения, доступ к дорогим активам, проблема «купить или произвести»	Обеспечение доступа к результатам эксплуатации элементов основного капитала через продукт	Максимизация экономического эффекта (рост ВРП, доходы бюджетов)
Субъект – собственник имущества и собственник финансового капитала, объект – элементы основного капитала	Государственно-частное взаимодействие	Недостаток капитала, высокие риски, минимизируемые объединением секторов.	Объединение основного и финансового капитала частного и публичного секторов	Достижение экономически или социально значимых целей
Имущество и связанные с ним обязательства	Распределенное пользование	Увеличение плотности сетей и кластеров, пространственные эффекты накопления знаний, переход к экономике знаний, данные как ресурс и фактор производства	Обеспечение доступа, снижение транзакционных издержек, задействование простаивающих мощностей	Повышение эффекта от знаний, создание стоимости (нетто-результат экономической деятельности)

Избыточное присутствие государства в качестве экономического субъекта привело к дисбалансу в производственной и инвестиционной сферах, обусловленному эффектом вытеснения, в результате чего некоторые сектора, а также значительная часть инфраструктуры, требующая условно-окупаемых вложений, оказались в качестве капиталом-дефицитных и аккумулирующих избыточное количество рисков.

Предметный интерес к вопросам развития государственно-частного партнерства возник, когда власть и общество пришли к осознанию того, что в ряде сфер общественной деятельности наметились признаки растущего отставания

качества и доступности целого ряда благ и услуг ввиду ограничений, обусловленных неразвитостью инфраструктуры. Особенно остро это проявляется в малопривлекательных с коммерческой точки зрения видах деятельности, таких как здравоохранение, образование, социальное обеспечение и т.д. Изменение идеологии дополнялось и объективными предпосылками обращения к вопросам развития государственно-частного партнерства, связанными с растущей нагрузкой на бюджетную систему и с ожиданиями реализации пессимистических прогнозных сценариев. При этом вопросы эффективного расходования бюджетных средств и повышения эффективности государственного управления в целом актуализировали задачу нахождения баланса между стратегической значимостью и текущей необходимостью реализации тех или иных проектов, особенно в социальной сфере, поскольку государство не имеет возможности тратить средства бюджета на все без исключения нужды, а все эти нужды, учитывая значительное отставание развития инфраструктуры и социальной сферы от уровня развитых стран, безотлагательные.

Таким образом, стала очевидной необходимость привлечения к решению государственных задач частного капитала, который не менее рационален в выборе объектов для инвестирования и не стремится вкладывать средства в капиталоемкие проекты с длительными сроками окупаемости, высокими рисками и весьма умеренной доходностью.

Поскольку профессионализация государственного и муниципального управления еще не завершена, усиление роли бизнеса в управлении региональным имущественным комплексом может обеспечить приток необходимых компетенций и их приложение к соответствующему объекту, ведь инвестор помимо своих денег вкладывает знания, навыки и опыт, овеществленные в лучших практиках управления производством и другими бизнес-процессами.

Мотивы вовлечения в государственно-частное партнерство у сторон могут быть несовпадающими. Так, органы власти хотят и получают решение своих задач за счет частного сектора, экономию бюджетных средств, а также достижение целей и решение задач, установленных документами стратегического планирования. На

этом фоне бизнес формирует легальные и формальные связи с государством, Эти связи капитализируются и монетизируются (через преференции, льготы и т.д.).

Возможности системы управления региональной собственностью в части стимулирования регионального развития за счет расширения диапазона режимов пользования региональной собственностью и внедрения новых форм и методов взаимодействия региональных властей и бизнеса выходят далеко за пределы контрактов между публичными и частными партнерами, решая при этом целый ряд значимых задач:

- максимизация отдачи на вложенный капитал, будь то частный или государственный, без ущерба социальной эффективности и результативности, а также достижение синергетического эффекта в социально-экономической сфере;

- обеспечение роста эффективности администрирования элементов инфраструктуры: социальной, производственной, транспортной и т.д.;

- децентрализация потоков инвестиционного капитала, а также перенаправление капитала из капиталозыбыточных секторов и видов экономической деятельности в капиталозыбыточные;

- повышение инвестиционного и инновационного потенциалов ключевых сфер экономической деятельности с целью обеспечения их соответствия текущим и перспективным потребностям рынка труда, в том числе за счет развития конкуренции на рынке капитала и технологий;

- балансировка всей совокупности хозяйственных рисков между публичным и частным секторами.

Однако теоретически высокий потенциал государственно-частного партнерства на практике оказался труднореализуемым ввиду наличия целого ряда экономических и нормативно-правовых ограничений, а также сравнительно низкой эффективности организованных таким образом инвестиций, если речь идет не об инвестициях в инфраструктуру. Следовательно, уже в момент возникновения самой идеи государственно-частного партнерства было очевидно, что у такого организационно-экономического механизма управления собственностью есть потенциал дальнейшего развития в новые механизмы, эксплуатирующие

синергетический эффект, обусловленный накоплением знаний. Одним из таких механизмов является распределенное пользование (см. табл. 1.1), сущность и содержание которого будет раскрыто в последующих частях работы.

Таким образом, современный этап становления организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью инспирирован изменениями, происходящими в способе организации хозяйственной деятельности в части обеспечения хозяйствующих субъектов средствами производства, состоящими в пересмотре подхода к организации инвестиций в основной капитал: модель владения «один актив – один пользователь» постепенно замещается моделями «один актив – много пользователей» и «один пользователь – много обладателей актива».

Помимо имманентных движущих сил, обусловленных достижениями НТП и информатизации, пересмотром подхода к составу затрат и к моделям формирования стоимости отдельного экономического субъекта, можно выделить и внешние факторы, способствующие становлению нового класса сетевых организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью, среди которых поставленная руководством страны задача выявления и задействования новых источников экономического роста, очевидно требующих принципиально нового подхода к организации взаимодействий между экономическими субъектами по поводу владения, пользования и распоряжения производственными активами.

Новые источники роста тесно интегрируются в актуальные организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью посредством разделения категорий «активы» и «имущество» и включения в экономический оборот интеллектуальной составляющей – данных и их производной – знаний. В распределенной экономике есть потенциал формирования значительного дополнительного экономического эффекта за счет интенсификации использования ресурсов, включаемых в расширенную трактовку понятия «региональная собственность», что требует модернизации системы управления ею.

Организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью также эволюционируют под воздействием целого ряда трендов и движущих сил, заслуживающих отдельного изучения. Наиболее развитый и укоренившийся механизм приватизации постепенно уступает часть своего влияния новым механизмам, эксплуатирующим синергетические эффекты партнерства и взаимодействия, допуская в экономический оборот новые формы доступа к средствам производства, описываемые феноменом экономики распределенного пользования.

1.2 Система управления собственностью в регионе

Управление региональной собственностью представляет собой целерациональную деятельность субъектов управления – региональных органов власти – по организации эффективного и результативного использования региональной собственности посредством надлежащих механизмов и инструментов, осуществляемую в интересах обеспечения позитивной динамики социально-экономического развития и развития человеческого потенциала территории.

Практика управления сложно структурированными комплексными системами, к категории которых относится и региональная собственность, свидетельствует о широком применении системного подхода для решения этой задачи. В рамках системного подхода проблемы управления региональным имущественным комплексом исследуются в неразрывной связи с иными проблемами социально-экономического развития региона, равно как и в зависимости от иных эндогенных и экзогенных детерминант, оказывающих существенное влияние на его эффективность и результативность.

Организационно-экономическая структура управления региональной собственностью строится на основе принципа системности, который, как

показывает отечественный и зарубежный опыт, является ключевым при решении проблем исследуемой предметной области. Принцип системности предопределяет выбор целевых установок и соответственно методов управления и предполагает, что система управления региональной собственностью должна рассматриваться как единое целое.

Анализируя возможности применения принципа системности применительно к управлению региональной собственностью можно выделить следующие характеристики данной системы:

1. Как и любой другой системе, ей присущ набор свойств, в числе которых целостность, связанность, структурированность, иерархичность, открытость и т.д. Это определяет ее возможность обмениваться ресурсами с внешней средой и вступать во взаимодействие с другими системами, существовать в системе федеративных властно-подчинительных отношений, формируя горизонтальные и вертикальные связи.

2. Система управления региональной собственностью относится к классу управляемых систем, что позволяет обосновывать наиболее эффективные методы и технологии управления для решения ключевых задач развития системы. Данная характеристика наилучшим образом раскрывается через свойство эмерджентности, которая представляется как принципиальная несводимость свойств системы к совокупности свойств ее элементов. Раскрывается данная характеристика через функции системы, неразрывно связанные с проблематикой целеполагания.

3. Система управления региональной собственностью принадлежит к классу динамических систем, в которых значимым является фактор времени, оказывающий влияние на состав, качество и строение системы. Динамичность проявляется в трансформации системы управления региональной собственностью, равно как и самих отношений собственности.

Следовательно, система управления региональной собственностью представляет собой динамическую систему открытого управляемого типа с присущей ей многоуровневой иерархической структурой, способной к

трансформации на основе адаптивных организационно-экономических механизмов.

Системы характеризуются множественностью их формального и логического описания. Тем не менее, несмотря на существующий плюрализм подходов к описанию систем, все возможные варианты характеризуются единым набором компонентов:

- элементный состав системы, представленный элементарными ее компонентами, совокупность и характер взаимодействия которых друг с другом и с внешней средой определяет функционал и назначение системы (субъекты, объекты, а также инструменты, процедуры и функции);

- связи системы, как внутренние, так и внешние, от которых зависит степень ее иерархичности и место в системе вышестоящего уровня;

- структура системы, представляющая собой композицию ее элементов и присущую им архитектуру;

- взаимодействие системы, характеризующееся совокупностью взаимосвязей компонентов и взаимовлияния ее свойств, проявляющееся как внутри системы, так и в отношении внешней среды. Взаимодействие системы во многом раскрывает механизм ее функционирования, а с привнесением динамического компонента и модификацией функции – механизм трансформации.

Рассмотрение системы управления региональной собственностью, как и любым сложным объектом, основывается на последовательном изложении сущности и содержания ее основополагающих компонентов.

1. Элементный состав системы.

Предложенный и обоснованный в настоящем исследовании переход к рассмотрению в качестве объекта государственного управления всего регионального имущественного комплекса требует уточнения ряда основополагающих категорий. В частности, органы государственной власти в качестве «активной» стороны имеют возможность управлять тем имуществом, которое находится в их собственности, то есть получать непосредственные доходы от их использования или приватизации, а также косвенные доходы в виде налогов

и сборов. При этом иные объекты имущества, принадлежащие частному сектору, не попадают в спектр инструментов управления прямого действия, тогда как необходимость целерационального воздействия на частный сектор с целью гармонизации его интересов с интересами региона очевидна.

Экономические и административные методы, имеющиеся в распоряжении органов государственной власти, исчерпали свой потенциал и не в полной мере соответствуют сложившимся условиям хозяйствования, и тем более – перспективным трендам. Таким образом, получается, что за рамками традиционного разрешения проблемы повышения уровня социально-экономического развития в плоскости определения более эффективного собственника в координатах «государственное или частное», в распоряжении государства имеется лишь инструментарий стратегического планирования, призванный в его лучшем виде довести до сведения всех заинтересованных сторон видение органами государственной власти ключевых характеристик функционирования социально-экономической системы, а также принципиальных способов их достижения.

Управление отношениями собственности со стороны органов государственной власти основывается на экономической политике, подкрепленной концептуальными положениями и принципами, формирующими целостный и единый каркас. Он должен не только задавать траекторию дальнейшего развития процесса, но и учитывать сложившуюся практику хозяйствования, основываясь на тщательно проработанной и аргументированной научной основе.

Принятие решений в сфере управления отношениями собственности недопустимо аргументировать субъективными представлениями отдельных политических лидеров или отдельными доктринами (даже и рыночного плана). Основой могут быть исключительно взвешенные и научно обоснованные идеи с учетом сопоставления альтернативных подходов по критерию эффективности.

Оправданным представляется суждение о том, что управление отношениями собственности должно быть подчинено определенной макроэкономической цели или решению важной народно-хозяйственной проблемы, такой как обеспечение

опережающей динамики социально-экономического развития. В таком случае эффективность управления рассматривается в контексте достижения целей и задач при соотнесении затрат на их достижение. Выполненная структуризация целей и задач управления отношениями собственности в регионе отражена в табл. 1.2.

Таблица 1.2 – Структуризация целей и задач управления отношениями собственности в регионе по уровням управления

Уровень	Ориентация управления	Задачи
Цель – повышение качества жизни населения Российской Федерации		
Стратегический уровень управления	Имеет в качестве ориентира комплексные преобразования, последствия которых будут устойчивы в долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективе; формирование адекватной и сбалансированной с точки зрения интересов государства и общества доктрины управления государственной собственностью и обеспечение возможностей ее воплощения.	<ul style="list-style-type: none"> – максимизация экономической, бюджетной, социальной, экологической эффективности эксплуатации объектов публичной собственности; – обеспечение функционирования эффективных институтов, опосредующих отношения собственности; – построение эффективных механизмов управления государственной собственностью, интегрированных в общий контекст отношений собственности корпоративного, отраслевого, национального и глобального уровня.
Тактический уровень управления	Обеспечение взаимосвязи результирующих параметров реализации доктрины государственной собственности с характеристиками качества жизни населения и динамикой человеческого капитала в рамках программно-целевого, системно-комплексного и футуро-синергетического подходов.	<ul style="list-style-type: none"> – инвентаризация и переоценка объектов публичной собственности; – аудит доходов и расходов, связанных с управлением и эксплуатацией объектов государственной собственности с позиции бюджетной эффективности; аудит программ, сопряженных с использованием объектов государственной собственности; – коммерциализация и интеграция имущественного базиса государства в хозяйственный оборот на рыночных началах; – активизация механизмов государственно-частного партнерства с целью привлечения частных инвестиций; – совершенствование законодательства на основе обобщения лучших практик и адаптации передового опыта; – обеспечение субъектной мобильности объектов государственной собственности и формирование рынка публичной собственности.

Уровень	Ориентация управления	Задачи
Оперативный уровень управления	Устранение преград и поддержание необходимых условий для эффективного осуществления отношений собственности с участием публично-правовых образований и субъектов частной собственности.	<ul style="list-style-type: none"> – актуализация информационно-аналитических ресурсов, систем мониторинга, сбора информации; – обеспечение действенного контроля над целевым использованием и денежными потоками, генерируемыми объектами государственной собственности; – формирование прогнозных характеристик и сценариев развития рынка государственной собственности с целью выработки рекомендаций по модификации стратегии и тактики управления государственной собственностью; – обеспечение запуска государственно-частных партнерств; – контроль эффективности и результативности.

Выполнение задач управления отношениями собственности в регионе опирается на механизм, обеспечивающий координацию между различными уровнями управления. Эффективность координационного механизма призвана повышать управляемость отношениями собственности и содействовать достижению условий обеспечения экономически рационального хозяйствования предприятий и организаций в регионе.

2. Структура системы.

Отношения собственности в регионе представляют собой сложно структурированную многоуровневую конструкцию. С одной стороны, отношения разворачиваются между субъектами различного уровня, чья роль и вклад в обеспечение социально-экономического развития могут значительно варьироваться, принимая во внимание существование публично-правовых образований, выступающих собственниками значительных имущественных комплексов. Этот срез отношений собственности характеризуется межсубъектными сетевыми взаимодействиями по поводу реализации или перехода совокупности вещных или обязательственных прав на объекты имущества.

С другой стороны, отношения собственности в регионах могут структурироваться по организационно-экономическим или правовым их

проявлениям, в основе которых лежит иерархия или эволюция целевых установок соответствующих акторов.

Так, если рассматривать отношения собственности как органическое единство владения, пользования и распоряжения какими-либо объектами, то формы реализации отношений могут претерпевать изменения в зависимости от специфики конкретных исторических условий, уровня социально-экономического развития, предпочтений и ожиданий ключевых или наиболее массовых собственников. Конкретным примером данного среза отношений собственности можно обозначить изменявшиеся на протяжении последних 25 лет позиции крупных хозяйствующих субъектов по поводу владения имущественными комплексами: в разное время предпочтения отдавались либо покупке, либо использованию на условиях аренды. Другим примером является политика ряда публично-правовых образований в России и за рубежом, направленная на формирование публичных имущественных комплексов с целью создания источника неналоговых доходов бюджетной системы, либо, напротив, приватизации имущественных комплексов с целью сокращения бремени расходов, связанных с владением, а также для получения единовременных доходов от реализации имущества.

Нельзя не отметить и третий уровень развертывания региональных отношений собственности, который проявляется в том, что публично-правовые образования выступают как непосредственными субъектами этих отношений, так и осуществляют косвенное управляющее воздействие на иных собственников посредством реализации политики в соответствующих сферах приложения. Так, региональные власти и органы местного самоуправления задают вектор политики управления частной собственностью, то есть выступают в качестве «соуправляющего» или «над-управляющего» субъекта, хотя и не являются вовлеченными в триаду владения, пользования или распоряжения. Для описания подобной конструкции уместными будут некоторые категории вещного права, характеризующие форму отношений между разноуровневыми субъектами по поводу одного и того же объекта собственности. Такой категорией может

выступать одна из мутаций узурфрукта или соглашения о разделе продукции: публично-правовые образования по отношению к объектам частной собственности через их собственников имеют возможность получения доли в доходе (прибыли) посредством налогов на финансовый результат, а также рентного дохода в виде налогов на имущество, в случае с которыми основанием для взимания части добавленной стоимости публично-правовым образованием является факт обладания субъектом облагаемым налогом имуществом.

3. Связи системы.

Структура системы детализируется горизонтальными и вертикальными связями, обусловленными многообразием форм собственности, закрепленных в Гражданском Кодексе Российской Федерации (частная, муниципальная, государственная, смешанная), а также их взаимодействием. Если эволюция и само многообразие форм собственности исследованы достаточно глубоко, то их взаимодействие стало предметом научного дискурса относительно недавно. Проявления этого взаимодействия многообразны также и в силу того, что каждая из форм собственности на практике усложняется благодаря целой совокупности форм и механизмов взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества.

Рост интереса к формам и механизмам взаимодействия государственного и частного секторов порождает рост работ, связанных с описанием сущностных моментов и функций данного феномена. Серьезное продвижение в этом вопросе требует формирования синтетического взгляда, аккумулирующего оценки академической среды, представителей государственной власти разного уровня, бизнеса, населения, занимающего активную гражданскую позицию. Иными словами, практика внедрения такого рода взаимодействий должна выступать предметом детальной оценки с точки зрения эффективности, барьеров и перспектив развития. Целостное восприятие форм и методов взаимодействия государственного и частного секторов, вбирающее в себя оценку роли и значения, сущности, форм, путей реализации будет способствовать созданию системы его

поддержки и развития, включающей в себя нормативно-правовое, организационно-аналитическое, институциональное, кадровое обеспечение.

Задача модернизации отечественной экономики требует применения современных инструментов в решении масштабных задач, сопряженных с рисками и потенциально низкой нормой рентабельности. Потребность повышения эффективности отечественной экономики актуализирует роль формирования совокупности условий в рамках комплексного подхода для внедрения и развития кросс-секторальных способов управления региональной собственностью, основанных на механизмах взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества, которые оказывают позитивное влияние на социально-экономическое развитие за счет ускорения развития инфраструктуры и увеличения объемов инвестиционных вложений. Они содействуют росту темпов освоения проектов и общему снижению затрат, так как для частного бизнеса невыполнение обязательств или неэффективное их исполнение влечет за собой падение прибыли.

4. Мониторинг эффективности.

Отдельным блоком в системе управления региональной собственностью целесообразно выделить подсистему мониторинга эффективности в разрезе видов экономической деятельности или секторов экономики. Данное обстоятельство продиктовано неодинаковым уровнем эффективности управления частными собственниками и публично-правовыми образованиями. Это требуется для своевременного реагирования на изменяющиеся параметры рынка посредством активизации государственно-частных партнерств, которые призваны быть промежуточным звеном, уравнивающим в разные периоды времени баланс интересов государственного собственника: сохранение контроля над стратегически значимыми объектами собственности без утраты экономической эффективности их функционирования, не прибегая к механизмам приватизации или огосударствления.

Вопрос оценки эффективности управления государственной собственностью во многом дискуссионный. Единая методика, удовлетворяющая требованиям

разного уровня пользователей, до сих пор не выработана, тогда как совокупный набор показателей, доступных для выполнения подобных оценок, достаточно широк. Эти показатели, так или иначе, присутствуют в различных программных документах в качестве измерителей прогресса или частных идентификаторов целевых функций. Применяемые на основе данных показателей подходы предполагают оценку их динамики, однако единства во взглядах насчет того, какой темп прироста считать удовлетворительным, также не наблюдается.

Автором диссертационного исследования предполагается, что универсальным критерием эффективности управления государственной собственностью может выступать продолжительность генерируемой цепочки добавленной стоимости, интегрируемая в такие измерители, как экономическая добавленная стоимость (EVA): по мере роста «центра массы» объекта региональной собственности вокруг него будут формироваться интеграционные объединения, мультиплицирующие экономический эффект и распространяющие позитивные импульсы роста человеческого капитала.

Альтернативный, а точнее дополняющий подход к оценке эффективности управления региональной собственностью лежит через измерение динамики сил связанности регионального экономического пространства (количественно измеряемая степень интенсивности хозяйственных социальных и иных взаимодействий между пространственными образованиями¹, а также через изменение конкурентоспособности территории, которая является многопараметрической категорией, включающей в себя такие характеристики, как, например, простота или сложность условий ведения бизнеса, особенности налогообложения, инвестиционный потенциал и привлекательность для инвесторов, уровень экономической и политической стабильности и т.д.

Согласно другой точке зрения, критериями эффективности регионального управления могут быть неформализованные качественные показатели приближения к образу будущего региона, среди вариантов которого могут быть

¹ Симарова, И. С. Региональная связанность как фактор формирования единого экономического пространства / И. С. Симарова // Перспективы науки. – 2013. – № 1. – С. 111.

такие, как «регион – комфортная среда обитания», «регион – налоговый паспорт» и т.д. Согласно А.Г. Поляковой, образ будущего региона рассматривается как «индивидуально воспринимаемое явление, выступающее в качестве продукта человеческой активности и представляющее комплексный результат преобразования окружающей действительности. С одной стороны, образ региона - продукт и результат видения ключевых ценностей, с другой - основа стратегии изменений, прототип региона через 5-10 лет»¹. Приближение к нему или отдаление от него может и должно выступать в качестве измерителя эффективности реализации политики управления собственностью в регионе.

В соответствии с избранными целями и измерителями эффективности должны эволюционировать и инструменты реагирования государства-собственника на изменения эффективности управления региональной собственностью. В настоящее время дилемма «приватизировать – деприватизировать» неуместна в каждом из вариантов. Современная ситуация решается в пространстве взаимодействия государства и бизнес-структур, в котором названные крайности исключаются из рассмотрения по причине сложности возникающих отношений и высокой степени динамичности ситуации в экономике: применяемый в рамках взаимодействия проектный подход позволяет однозначно распределить роли между частным и публично-правовым субъектами, таким образом на каждой стадии экстремум сил между участниками взаимодействия будет асимптотически «приближаться» к характеристикам приватизации или, напротив, к характеристикам публичной собственности, тогда как в нормальном состоянии силы будут уравниваться.

Выполненное теоретическое исследование позволяет сформулировать вывод о том, что наиболее адекватным сложившимся условиям перехода к сетевым формам организации экономических взаимодействий является подход к определению региональной собственности как объекта управления, способствующий раскрытию отношений собственности во всех измерениях:

¹ Полякова, А. Г. Vision-технология как инструмент перспективного развития региона / А. Г. Полякова // Экономический журнал. 2011. – Том 22. – № 2. – С. 12.

принадлежность имущества государственному или частному сектору, разделение управления и титула собственности, расширение состава объектов региональной собственности посредством включения связанных с этими объектами обязательств, а также источников общественных благ. Следовательно, современное толкование сводится к широкому представлению региональной собственности, определяемой как собственность расположенных и действующих на территории региона предприятий, организаций, индивидуальных предпринимателей, учреждений, органов государственной власти и местного самоуправления, собственность Российской Федерации и её субъектов, а также собственность предприятий, организаций, учреждений данного региона за его пределами. Поскольку обладание объектами региональной собственности сопряжено с целым рядом обязательств, представляется оправданным дополнение представленной трактовки региональной собственности сопутствующими обязательствами, что позволяет распространить ее на целый ряд общественных благ и отношений. Региональные органы власти как субъект отношений собственности имеют возможность оказывать прямое и опосредованное воздействие на весь региональный имущественный комплекс, в связи с чем расширенная трактовка «региональной собственности» становится в наибольшей степени соответствующей сложившимся социально-экономическим условиям и целям государственного управления.

Таким образом, расширение фокуса системы управления региональной собственностью за счет включения в состав последней помимо традиционных объектов публичной собственности, источников общественных благ, на которые распространяются специфические режимы владения, пользования и распоряжения, а также дополнение категории «имущество» сопряженными обязательствами (разграничены имущество и активы) позволяет создать актуальный теоретический каркас, обеспечивающий возможность своевременного решения важной народнохозяйственной проблемы, связанной с обеспечением ускоренной динамики социально-экономического развития и достижения востребованных ее следствий: повышения качества жизни населения, формирование базисы для стратегической конкурентоспособности региональной экономики.

1.3 Перспективные формы организации пространственных отношений, основанные на множественных взаимодействиях

Упомянутые в контексте идентификации региональной собственности организационно-экономические механизмы управления, эксплуатирующие новые принципы взаимодействия между обладателями активов и их пользователями, с теоретической точки зрения принципиально новыми не являются. Основопологающие их концепты восходят к общей теории систем и основанным на ней принципам организации многопользовательских сетей, эффективность которых возрастает по мере роста численности пользователей и частоты взаимодействий между ними, несмотря на возрастающую сложность и падающую управляемость. Таким образом, возникает необходимость более детального изучения теоретических оснований нового класса организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью, основанных на сетевых формах организации пространственных взаимодействий.

Процессы формирования сетевых пространственных образований попадают в поле зрения исследователей с момента возникновения дискуссии о том, можно ли отождествлять предпринимательские сети, возникающие локально, с географическими кластерами, особенно с теми, что являются искусственно сформированными. Аналогичным образом встает вопрос о том, является ли «сетевизация» автономным процессом или же она есть продукт кластера: отношения причинности между региональными предпринимательскими сетями и региональными производственными кластерами значимы с точки зрения ответа на вопрос о том, можно ли добиться расширения и уплотнения предпринимательских сетей, развивая кластеры, или же предпринимательские сети есть самодостаточная категория и обособленный объект управления.

Вне зависимости от терминологической идентификации, представляется оправданным отметить, что с точки зрения организации пространственных отношений, основанных на множественных взаимодействиях между

экономическими субъектами, принципиальным является именно способ организации отношений внутри пространственного образования и их экономическая основа.

В наибольшей степени изученными являются формы организации пространственных взаимодействий, именуемые кластерами. Последние десятилетия теория кластеров, сфера её применения и политика экономического развития, основанная на кластерах, занимают важнейшее место в теории и практике регионального экономического развития. Согласно теории кластеров, нахождение в составе кластера, располагающегося на определённой территории, выгодно для экономических субъектов, и эти преимущества в совокупности приводят к росту объёмов производства в регионе. Географическая близость экономических субъектов друг к другу способствует накоплению положительного эффекта, что, в свою очередь, ведёт к сокращению производственных затрат фирм за счёт агломерационной экономии, упрощения процесса обмена знаниями и, как следствие, развитию инноваций и повышению производительности. Соответственно, экономические субъекты, входящие в состав предпринимательских сетей, станут более конкурентоспособными, а регионы с эффективно функционирующими кластерами обретут предпосылки для более высоких темпов роста.

Предполагается, что кластеры имеют большое значение для понимания и стимулирования экономического роста регионов. Практикующие специалисты и разработчики экономической политики заинтересованы в поиске ответа на вопрос, как нужно действовать и что нужно предпринять, чтобы объединение преимуществ кластеров привело к экономическому росту. С учётом того, что политика управления и методы анализа, основанные на кластерах, стали частью современной политики регионального экономического развития, важно понимать динамику развития кластеров, ограничения, а также преимущества применяемых стратегий целенаправленного формирования и развития предпринимательских сетей.

Термин «экономический кластер» или «предпринимательская сеть высокой плотности» зачастую используется разными авторами в разных смыслах. Несмотря

на повсеместное использование кластерных стратегий, данное понятие не имеет единого значения. Например, М. Портер, наиболее часто цитируемый исследователь и сторонник кластерного подхода к управлению социально-экономическим развитием регионов, под экономическим кластером понимает «сконцентрированную на некоторой территории совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга компаний и организаций определённой сферы деятельности»¹. Однако определение М. Портера далеко не единственное. Исследование обширной литературоведческой базы позволяет обнаружить множество интерпретаций понятия кластера. Некоторые из них сконцентрированы только на внутренней среде экономического субъекта, а другие рассматривают данный термин в более широком смысле:

– П. Кругман: «Кластер – это метод объединения компаний, близко расположенных друг к другу, приводящий к росту прибыли за счёт эффекта масштаба, снижения затрат на транспортировку товаров и т.д.»²;

– С. Розенфельд: «Кластер – это просто концентрация взаимосвязанных крупных компаний и организаций на определённой территории с целью создания желаемого внешнего эффекта»³;

– Дж. Кортрайт: «Промышленный кластер – это группа компаний, взаимосвязанных субъектов экономической деятельности и организаций, близкое расположение которых обеспечивает им конкурентное преимущество»⁴;

– Е. Глэзер и Дж. Готтлиб: «Люди создают в городах кластеры, чтобы быть ближе к чему-то. Агломерационная экономия – это просто сокращение расходов на перемещение товаров, людей и идей»⁵;

¹ Porter, M. *Competitive Advantage. Creating and sustaining superior performance* / M. Porter. – New York: Free Press, 1998. – 558 p.

² Krugman, P. *Space: the last frontier* / P. Krugman // *Spatial economy*. – 2005. – №3. – P. 121-126.

³ Rosenfeld, S. *Industry Clusters: Business Choice, Policy Outcome, or Branding Strategy?* / S. Rosenfeld // *Journal of New Business Ideas and Trends*. – 2005. – Vol. 3. – No. 2. – P. 4-13.

⁴ Cortright, J. *Making Sense of Clusters: Regional Competitiveness and Economic Development* / J. Cortright. // *The Brookings Institution Metropolitan Policy Program Discussion Paper*, 2006. – 66 p.

⁵ Glaeser, E. *The Wealth of Cities: Agglomeration economies and spatial equilibrium in the United States* / E. Glaeser, J. Gottlieb // *Journal of Economic Literature*. – 2009. – Vol. 47. – No. 4. – P. 983-1028.

– М. Портер: «Кластеры включают в себя взаимосвязанные компании и прочие юридические лица (поставщики), каналы сбыта и потребители (спрос) и другие учреждения (исследовательские организации, университеты, образовательные учреждения и т.д.)»¹;

– А. Саксенян: «Кластеры как социальный и институциональный феномен представляют собой технологическое изменение, организации, социальные связи и другие нерыночные отношения, связанные с рынками, внутренние и внешние отношения компаний»²;

– Э. Хилл и Дж. Ф. Бреннан под конкурентоспособным промышленным кластером понимают совокупность конкурирующих фирм или учреждений, находящихся на определённой территории, функционирующих в одной отрасли и связанных с представителями других отраслей региона либо отношениями купли-продажи, либо общим резервом рабочей силы, что обеспечивает компаниям конкурентное преимущество в данной отрасли в других регионах³.

– О.В. Сагинова определяет кластеры как «устойчивые интеграционные объединения субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющие свою деятельность в рамках [заданного] сектора, расположенных в географической близости, и реализующих свою деятельность в единой цепочке создания добавленной стоимости продукции»⁴.

– Л.С. Леонтьева с соавторами определяют региональный кластер как «совокупность фирм, университетов и других организаций, связанных в определенной производственной области в определенном регионе, где синергия достигается при помощи конкуренции и кооперации между участниками»⁵.

¹ Porter, M. E. Clusters and the new economics competition / M. E. Porter // Harvard Business Review. – 1998. – Vol. 76. – No. 6. – P. 77-90.

² Saxenian, A. Regional advantage: Culture and competition in Silicon Valley and Route 128 / A. Saxenian. – Cambridge and London: Harvard University Press, 1994. – 240 p.

³ Hill, E. A methodology for identifying the drivers of industrial clusters: the foundation of regional competitive advantage / E. Hill, J. F. Brennan // Economic Development Quarterly. – 2000. – Vol. 14. – P. 65-96.

⁴ Сагинова, О. В. Управление развитием агропромышленных кластеров / О. В. Сагинова, Д. В. Завьялов, Н. Б. Завьялова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 123-136.

⁵ Леонтьева, Л. С. Региональный кластер как механизм формирования инновационного потенциала и устойчивого развития территории / Л. С. Леонтьева, А. Б. Ильин, Д. А. Шпилев // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – №1. – С. 40-43.

Обобщая представленные определения, можно разграничить сетевую и географическую концепции кластеров, которые также можно обозначить как подходы к выделению кластеров «снизу вверх» (сетевая концепция) и «сверху вниз» (географическая). Сетевая и географическая концепции кластера сопоставлены в таблице 1.3.

Таблица 1.3 – Сравнительная характеристика подходов к определению понятия «кластер»

Кластер на базе предпринимательских сетей	Кластер с позиции географической принадлежности
Не привязаны к географическим границам территорий	Географическая принадлежность участников кластера
Производство разноименной продукции	Производство одноименной продукции
Наличие множества независимых производственных (технологических) циклов различных видов продукции	Регион (территория) специализируется в производстве конкретного продукта
Минимизация транзакционных издержек	Возможность получения дополнительного конкурентного преимущества
Рост стоимости на каждом этапе формирования цепочки ценности	Возможность получения конкурентного преимущества
Взаимодействие рассматривается в рамках процессного подхода без конкретного деления на группы	Четкое выделение групп участников кластера: ключевые предприятия, поддерживающие отрасли, родственные отрасли, поставщики, потребители
Выделение «ключевого продукта» поставщика и потребителя	Фактор роста – «якорные предприятия»
Участников кластера объединяют одноименные технологии как производственного (материальные), так и непроизводственного (интеллектуальный потенциал) характера	Принадлежность участников кластера к одной отрасли

При этом очевидна общая идея. Основываясь на идеях М. Портера, Дж. Кортрайта и других авторов, можно сформулировать следующее определение: кластеры – это совокупность компаний в регионе, производящих одинаковые или смежные продукты, использующих одинаковые процессы или выполняющих одинаковые функции (управление, исследование и разработка), региональных поставщиков и потребителей данных компаний, определённых рабочих навыков (профессий), осваиваемых работниками данных фирм, государственных и

государственно-частных программ, обеспечивающих обслуживание членов кластера (например, индивидуальное обучение в техникумах), и учреждений (например, университетов, техникумов, промышленных и торговых ассоциаций, организаций государственного и частного секторов), наличие или взаимодействие которых в некоторой степени (степень взаимодействия зависит от конкретного случая) приводят к снижению затрат компаний и/или получению знаний, которые позволяют экономить на издержках, и/или к созданию продукта или развитию инноваций.

Из представленного определения справедливым представляется вопрос о разграничении сетевого определения кластера и агломерационного эффекта.

Известно, что экономия за счет агломерационных эффектов («агломерационная экономика») появляется, если хозяйствующие субъекты находятся близко друг к другу. Тогда экономия на издержках ввиду снижения производственных затрат и повышения производительности является внешним экономическим эффектом для производителей, которые находятся на одной территории. Для возникновения агломерационной экономии экономические субъекты необязательно должны сотрудничать. На этом фоне механизмы, благодаря которым достигается положительный внешний эффект, действуют одновременно, зачастую косвенно, а их влияние имеет кумулятивный эффект.

Если рассматривать кластер как модель социальных связей, то приоритет отдается социальным взаимодействиям и неформальным отношениям индивидов внутри хозяйствующих субъектов (а также с индивидами в других смежных учреждениях, таких как торговые ассоциации, университеты, исследовательские центры), которые в результате приводят к негласной передаче знаний, что способствует развитию инноваций, освоению модернизированных и продвинутых технологий, связанных с производственными процессами, маркетингом, исследованиями и т.д. Данные связи, основанные на межличностных отношениях и доверии, объединяют весь социальный капитал.

При этом в модели социальных связей географическому аспекту уделяется не столь значительное внимание, поскольку социальные связи – это форма

долговременного социального капитала, созданная (и поддерживаемая) через комбинацию социальной истории и продолжающихся коллективных действий. В этой связи сила данных отношений зависит от существующего уровня доверия, обстоятельств, упрощающих наблюдение за поведением других, лидера и/или наличия общих интересов. Многие из данных условий выполняются, если экономические субъекты расположены близко друг к другу, особенно там, где экономические отношения исторически зависели от местоположения, и/или существует экономическая база и культурные или личные связи между субъектами экономической деятельности. На эксплуатации данного принципа построены бизнес-инкубаторы и различные отраслевые и региональные объединения предпринимателей.

С учётом схожести модели социальных связей различие между кластерами и тем, что традиционно считалось агломерационной экономией кажется довольно небольшим.

Также можно предположить, что кластеры существуют во всех регионах, но не все кластеры демонстрируют высокие темпы роста. При этом, если в регионе есть кластер, состоящий из компаний, спрос на товары которых низкий или снижается, или из компаний, в производственных процессах которых основная роль отведена низкоквалифицированным работникам, вероятно, вклад в экономический рост региона будет малозначительным, вне зависимости от учреждений-партнёров.

Можно предположить, что кластеры, состоящие из однородных экономических субъектов (производителей, исследовательских центров, образовательных учреждений и т.д.), могут по-разному проявлять себя в зависимости от регионов, в которых они располагаются. Для достижения положительного эффекта функционирования географических кластеров необходимо единство стадий жизненного цикла, расположения и условий функционирования хозяйствующих субъектов. Разумеется, своё влияние оказывают характерные особенности экономики соответствующих регионов.

Также играет роль и стадия жизненного цикла главного продукта или экономического блага, производимого кластером.

В этой связи М. Портер отмечает: «присутствие производителей, поставщиков и учреждений на определённой территории само по себе создаёт потенциальную экономическую ценность, но это ещё не означает, что этот потенциал будет реализован... Многие конкурентные преимущества кластеров зависят от наличия свободного обмена информацией, понимания процессов или транзакций, создающих добавочную стоимость, готовности следовать намеченному курсу и работать с другими организациями, а также мотивации к улучшениям». Например, некоторые виды социальных отношений могут сдерживать развитие инноваций и рост. Портер утверждает, что «когда кластер применяет единообразный подход к конкуренции, зачастую встречается укрепление старых моделей поведения, подавление новых идей и возникновение трудностей, которые препятствуют улучшениям».

Необходимо также указать, что понимается под географической близостью или близким местоположением. Так, формы кластеров, требующие личного контакта, исторически предполагали географическую близость на ограниченном субрегиональном уровне, например, в центре города. Однако, благодаря развитию телекоммуникаций необходимость в непосредственной близости субъектов, составляющих кластер на субрегиональном уровне, отпала.

Важным с позиции выделения отраслевого подхода к формированию кластеров является вопрос об определении и подходах классификации кластеров. Так, среди множества критериев классификации кластеров выделяются наиболее широко применяемые в практике управления социально-экономическими системами.

Во-первых, кластеры можно классифицировать по лежащему в его основе процессу (процессам), обеспечивающему положительный эффект. В этой связи выделяют три основные модели кластерных процессов: агломерационная экономия, промышленный комплекс и социальные связи. Каждая из этих моделей приводит к разным эффектам, а одним из отличительных свойств является способ

достижения положительного эффекта: получают ли кластеры этот эффект автоматически или посредством взаимодействия¹.

Другим признаком классификации являются члены кластера. Как пишет М. Портер, «большинство кластеров включают компании, производящие конечный продукт или услугу, поставщиков необходимых ресурсов, компоненты, оборудование и обслуживающих его субъектов, финансовые организации и компании смежных отраслей». Также, в состав кластеров входят компании, обеспечивающие реализацию товара (каналы сбыта и потребители), производители сопутствующих товаров и организации, создающие инфраструктуру. Кроме того, в рамках кластера функционируют государственные и прочие организации, оказывающие образовательные, информационные услуги, обеспечивающие исследовательский процесс и техническую поддержку (университеты, научно-исследовательские центры, техникумы) и службы, устанавливающие стандарты.²

Также, кластеры можно классифицировать в зависимости от того, были ли они организованы на региональном уровне целенаправленно или же образовались естественным путём³. В широком смысле вопрос состоит в том, образован ли кластер вокруг определённой группы товаров и услуг (компания или группа компаний), определённых профессиональных навыков и знаний, которые используются во многих компаниях, определённых видов производственных процессов или функций (например, исследования и разработки, управление).

Очевидно, что в каждом случае есть своя подклассификация (промышленные сектора: автомобильное производство, машиностроение, фармацевтическая продукция, финансы, реклама и т.д.). Следовательно, уместна классификация кластеров по признаку принадлежности их ядра:

– экономический субъект, а также определённая отрасль (например, производство транспортных средств, программное обеспечение, финансы и т.д.);

¹ Gordon, I. R. Industrial Clusters: Complexes, Agglomeration and/or Social Networks? / I. R. Gordon, P. McCann // *Urban Studies*. – 2000. – Vol. 37. – No. 3. – P. 513-532.

² Porter, M. *Competitive Advantage. Creating and sustaining superior performance* / M. Porter. – New York: Free Press, 1998. – p. 99.

³ Walman, H. *Clusters and Cluster-Based Development: A Literature Review and Policy Discussion* [Электронный ресурс] / H. Walman, D. Hincapie // *George Washington Institute of Public Policy (GWIPP)*. – 2010. – p. 22.

- профессия / навыки / знания, а также специфические профессиональные сферы деятельности (например, оптика, инженерная механика и т.д.);
- функции (например, управление, исследования и разработки, реклама, финансы).

В ряде исследований содержатся доказательства того, что городские агломерации, например, начали больше специализироваться на выполнении определённой функции: головные компании чаще появляются в крупных городах, чтобы быть ближе к компаниям, оказывающим деловые услуги, в то же время производство постепенно перемещается в более мелкие поселения.

В литературе встречаются и другие классификации. Например, известна классификация промышленных районов, основанная на размере компаний, входящих в район, их внешних и внутренних связей и распределения власти среди них. Другие исследователи разделяют кластеры по уровню важности различных научных дисциплин и степени развития инноваций в компаниях кластера. Так, С. Розенфельд¹ описывает классификацию кластеров на основе эволюции процесса образования кластеров: работающие кластеры или кластеры, перевыполняющие план; латентные кластеры или кластеры, невыполняющие план; потенциальные кластеры.

М. Энрайт² выделяет кластеры по разным признакам: географические рамки, плотность, широта (диапазон горизонтально связанных компаний), глубина (диапазон вертикально связанных компаний), основа деятельности, территориальные границы продаж, сила позиции на рынке, стадия развития, сущность технологической деятельности, возможность развития инноваций и структура владения. Также, он использует несколько категорий, характеризующих степень развития кластеров: работающие кластеры, латентные кластеры, потенциальные кластеры, концептуально-ориентированные кластеры (есть поддержка государства, но для достижения желаемых результатов не хватает

¹ Rosenfeld, S. Industry Clusters: Business Choice, Policy Outcome, or Branding Strategy? / S. Rosenfeld // Journal of New Business Ideas and Trends. – 2005. – Vol. 3. – No. 2. – P. 10.

² Enright, M. Regional Clusters: What we know and what we should know / M. Enright. // Innovation Clusters and Interregional competition [eds. J. Broucker, D. Dohse, R. Soltwedel]. – NY: Springer, 2003. – P. 104.

компаний) и кластеры, выдающие желаемое за действительное (недостаток компаний и источников, обеспечивающих конкурентные преимущества).

Таким образом, «промышленный кластер» – это скорее концепция, нежели однозначный термин. Кластер состоит из компаний, экономических субъектов и организаций, которые добиваются положительного эффекта, благодаря связям и географической близости друг к другу. Идея, лежащая в основе понятия промышленного кластера, возникла много лет назад и описывалась такими терминами, как «промышленный район», «агломерация» и т.д. Однако в наши дни термин «кластер» понимают в широком смысле, в него включают взаимосвязанные экономические субъекты (поставщики ресурсов, оборудования, операторы инфраструктуры), каналы сбыта и потребителей, производителей сопутствующих товаров и компании, объединенные профессиональными навыками, технологиями или общими вложениями, а также сервисные и инжиниринговые организации, исследовательские центры, университеты, службы, устанавливающие стандарты, и прочие организации.

Для понимания сущности кластера важно отметить, что у кластерных отношений есть множество характеристик, а именно географическое положение, социальная дистанция, технологии и производственный поток. И не каждый кластер обладает всеми свойствами. При образовании кластеров важна территориальная близость: если компании находятся близко друг к другу, они добиваются положительного эффекта, которого не могут достичь компании, расположенные далеко друг от друга. Некоторые фирмы, находящиеся в одном районе, функционируют совсем не так, как предприятия-аналоги, находящиеся в других регионах.

Обеспечению роста эффективности управления имущественным комплексом субъектов, входящих в кластер, способствует сокращение физического расстояния между ними, которое уточняется следующими характеристиками:

– технологическая дистанция (насколько похожие или непохожие технологии используют две компании),

- профессиональная дистанция (насколько схожи уровни навыков работников разных компаний),
- рыночная дистанция (насколько схожи и взаимосвязаны потребители разных компаний),
- социальная дистанция (уровень и виды связей между менеджерами и работниками разных компаний)¹.

Следовательно, важными представляются три характеристики кластеров: жизненный цикл (существование, появление и потенциал), связи («покупатель-поставщик» или рабочая сила) и географический охват. Учитывая многообразие компаний и факторов, стимулирующих образование кластеров, неудивительно, что разные кластеры функционируют в разных географических масштабах. Это создаёт большую проблему для статистического анализа в привязке к территории: объекты собственности могут располагаться за пределами данного региона, оставаясь подконтрольными соответствующим субъектом, что обуславливает необходимость учета дополнительно создаваемых эффектов и повышения управляемости всей системы. При использовании одной географической единицы для изучения кластеров с большим количеством компаний может оказаться, что эта единица подходит для оценивания одних кластеров, но не подходит для оценивания других. При этом ввиду глобализации, аутсорсинга и перемещения капитала и рабочей силы между регионами, кластеры нужно анализировать скорее в межрегиональном контексте, а не региональном.

Ещё одна характеристика кластеров – это отношения между участниками кластера. Главный вопрос заключается в том, должны ли участники знать, что они являются членами кластера, чтобы он существовал. Многие кластеры могут функционировать, даже если компании и экономические агенты не знают этого. В других случаях компании знают своих коллег и специально создали формальные и неформальные механизмы сотрудничества².

¹ Cortright, J. Making Sense of Clusters: Regional Competitiveness and Economic Development / J. Cortright. // The Brookings Institution Metropolitan Policy Program Discussion Paper, 2006. – P. 4.

² Benneworth, P. Where Is the Value Added in the Cluster Approach? Hermeneutic Theorizing, Economic Geography, and Clusters as a Multiperspectival Approach / P. Benneworth, N. Henry // Urban Studies. – 2004. – Vol. 41. – No. 5/6. – P. 1018.

В качестве промежуточного итога необходимо отметить, что предпринимательские сети и их частные случаи – промышленные и производственные кластеры – формируют экономическую основу повышения эффективности эксплуатации региональных имущественных комплексов благодаря агломерационным эффектам, сокращению издержек и наращиванию интенсивности взаимодействий, движимых формированием и накоплением социального капитала. Именно социальный капитал позволяет формировать и эффективно использовать новый класс объектов региональной собственности – знания, а также увеличивать результативность использования «традиционных» ресурсов за счет снижения транзакционных издержек, связанных с риском контрагента. Последнее позволяет оформить такие сложно измеримые категории как доверие и репутация во вполне осязаемый экономический ресурс, обеспечивающий приращение добавленной стоимости.

Рассмотренные в данной части работы организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью, наличие которых констатируется благодаря очевидным их проявлениям, требуют более детального исследования на предмет специфических их особенностей и выявления факторов, способствующих и препятствующих смене приоритетов в практическом использовании этих механизмов.

Многокомпонентная система управления региональной собственностью также проявляет ряд признаков, обуславливающих необходимость ее преобразования для приведения ее в соответствие с расширенным составом управляемых объектов региональной собственности. Потребность в трансформации также продиктована вызовами, с которыми сталкиваются российские регионы по мере повышения роли «интеллектуальной составляющей» в валовом региональном продукте. В этой связи требуется исследование и систематизация направлений и способов трансформации отношений собственности, а также факторов, тенденций и движущих сил, обуславливающих происходящие преобразования организационно-экономического механизма управления региональной собственностью в сторону перспективных форм

организации пространственных отношений, основанных на множественных взаимодействиях экономических субъектов. Особенности локализации этих отношений также определяют потребность в адаптации новой методологии – методологии пространственной экономики – для решения поставленных исследовательских задач и для включения фактически наблюдаемых социально-экономических феноменов в контекст теории и практики управления пространственным развитием.

ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

2.1 Пространственная экономика как методологическая основа управления региональной собственностью

Ключевым в пространственной экономике является понятие «пространство» и вытекающее из него понятие «экономическое пространство». Интерпретация концепта «пространство» чрезвычайно важна для наук социально-экономического профиля. Во многом это связано с изменениями объектно-предметной области региональной экономики (и ее прародительницы – экономической географии) и с её движением в сторону пространственной экономики. При этом разработка методологических основ данного научного направления неизбежно приводит к необходимости идентифицировать сущность категории «пространство», поскольку зачастую оно ассоциируется с одной из базовых философских концепций, с тех пор как античные философы обратили свое внимание на данную проблематику.

В экономической науке категория «экономическое пространство» занимает прочные позиции в исследовательском дискурсе, благодаря чему в совокупности научных воззрений не прибавляется единогласия, а сама проблема, напротив, дополняется новыми трактовками и концепциями. Систематизация подходов к интерпретации экономического пространства позволяет условно обобщить известные трактовки в два обобщенных философских подхода: реляционный и субстанциальный, – которые противостоят в разрешении вопроса о наличии объективной взаимосвязи и обусловленности между пространством и его материальным наполнением.

Выполненный автором в ходе исследования с использованием анализа социальных сетей разбор практики употребления термина «пространство» позволил установить, что доминантной коннотацией, определяющей

ассоциативно-образные составляющие концепта «пространства», является фразеологизм «личное пространство». Именно он формирует самый обширный кластер. На втором месте по частоте упоминания в современном дискурсе квазипубличного общения располагается локативная интерпретация пространства и ее частные коннотации (воздушное пространство, жилое пространство, внутреннее пространство чего-либо, пространство как место действия). Менее распространенными являются метафорические номинации рассматриваемого концепта, применяемые для придания дискурсу эмоциональной окраски или выражения эмпатии¹. Представленный плюрализм красноречиво подчеркивает необходимость концептуального определения категории «экономическое пространство» в целях исключения вероятности использования ненаучного дискурса в нормотворческой деятельности и при подготовке документов стратегического планирования. Так, например, ранние проекты Стратегии пространственного развития Российской Федерации получили значительную порцию критики именно за использование некорректного подхода к определению экономического пространства.

Несмотря на то, что термин «пространство» прочно вошел в практику как общеупотребимый термин, его истоки лежали глубоко в философии и за рамками данной науки пространство долгое время не рассматривалось вплоть до фундаментального переосмысления основ географии, благодаря которой пространственный фактор получил дальнейшее распространение в социальных и гуманитарных науках как хронологическое начало, обуславливающее наличие причинно-следственных связей между самим пространством и его поэлементным составом. Следствием такого развития взглядов на сущность пространства стали экономические выводы, положенные К. Риттером в основу экономической географии². А. Геттнер, в свою очередь, считал, что само пространство вторично

¹ Более подробно см.: Колмаков, В. В. Экспериментальный подход к интерпретации концептов на основе принципов big data (на примере концепта "пространство") / В. В. Колмаков, А. Г. Полякова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 146-149.

² Стрелецкий, В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Известия РАН. Серия географическая. – 2003. – №2. – С. 114-120.

по отношению к его наполнению, от которого зависит степень локализации и разнообразия различной человеческой деятельности¹. Позднее, в конце 70-х гг. XX века, У. Тоблер пришел к заключению, что локализация обуславливает повышение частоты взаимодействий, которая зависит напрямую от расстояния между объектами: чем ближе объекты, тем выше между ними степень связанности. Последнее применимо и к связанности отдельных пространственных образований.

Философское толкование пространства сохраняется во многих науках, наряду с отказом от чисто географической его интерпретации. Вместе с тем происходит переосмысление роли пространственного фактора и его вклада в обеспечение динамики различных процессов и явлений, будь то экономических или общественных. В этом проявляется междисциплинарный характер рассматриваемого концепта, объединяющего географию, экономику, культурологию, социологию, политику и другие области познания воедино.

Именно обращение к категории пространство в философском ключе с учетом его многопараметричности стало основой создания пространственной экономики, так как именно данное свойство позволяет исследователям выявлять новые синергетические эффекты за счет ухода от восприятия пространства исключительно как физического ареала. Сегодня пространственная экономика представляет собой область экономических исследований, сосредоточенную на исследованиях экономических эффектов, обеспечиваемых спецификой расположения экономической активности под воздействием факторов удаленности, мобильности и величины транспортных издержек. Экономическое пространство определяется исследователями по-разному в зависимости от поставленных задач и гипотез. Спектр определений варьируется от отождествления с территорией вообще или искусственно обозначенным ареалом («регионом» в одной из трактовок) до иерархической динамической суперсистемы, обладающая потенциалом саморазвития и самоорганизации (по определению

¹ Геттнер, А. География, ее история, сущность и методы / А. Геттнер. – Л.; М., 1930. – 416 с.

Н.М. Сурниной¹), в которой разворачивается определённая экономическая активность. Во многих исследованиях экономическое пространство связывается с протяженностью взаимодействий между акторами во времени².

В современном дискурсе, особенно в нормативно-правовом, широко распространена упрощенная трактовка рассматриваемой категории как физического пространства, как это сделано, например, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, которая оперирует термином «пространственная организация экономики» применительно к фактическому и перспективному размещению производительных сил.

Повод для дискуссии сохраняется до сих пор в вопросе о том, является ли пространство фактором развития или всего лишь объясняющей характеристикой. Решению этого вопроса посвящены исследования влияния свойств пространства на социально-экономическое развитие регионов, а также оценке пространственных эффектов, возникающих в процессе диффузии инноваций. В этом ключе выделяются работы ученых Уральской школы региональной и пространственной экономики Е.Г. Анимицы и Н.М. Сурниной, в основе которых лежат работы А.Г. Гранберга. Зарубежные авторы также обеспечивают значимый вклад в разработку пространственной компоненты экономических и социологических исследований. Их работы можно условно разделить на две большие категории. Первая группа исследований стремится построить модели пространственных взаимодействий с максимальной степенью приближения к описанию реальности, тогда как вторая имеет своей целью описание эволюции или движения пространств от одного состояния к другому.

Длительное время считалось, что основой дифференциации территорий выступает их наделённость факторами производства, результирующая в производстве товаров и услуг. В рамках пространственной экономики формируется понимание возможности принятия в качестве критерия дифференциации

¹ См.: Сурнина, Н. М. Региональное развитие: смещение пространственных приоритетов и измерителей / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина // Известия УрГЭУ. – 2015. – № 5 (61). – С. 69-75.

² См., например: Замятин, Д. Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии / Д. Н. Замятин. – Смоленск : Ойкумена, 1999. – 256 с.

трансформационных характеристик, к числу которых относятся не только количественные, но и качественные переменные, как то готовность к изменениям, адаптационные способности, наличие интеллектуального, воспроизводственного и иного потенциала. Таким образом, внимание привлекает не только материально-вещественная и информационная структура, но и характер взаимодействия компонент. В этом ключе связанность между составляющими пространственной структуры может во многом предопределять экономический результат и приведет к тому, что регионы, условно обладающие одинаковой ресурсной базой, будут демонстрировать различающиеся результаты экономической деятельности.

Вместе с тем, нельзя не признать, что одинаковых по хозяйственным характеристикам территорий не существует: они отличаются по размеру, наличию природных ресурсов и специализации, интенсивности хозяйственной деятельности, уровню развития человеческого капитала. Объединяющим их началом является масштабный воспроизводственный цикл, отражающий модифицированный процесс расширенного воспроизводства, специфика которого заключена в сетевом характере взаимоотношений. При этом, именно свойства пространства, обуславливающие его качественные характеристики, выступают основой изменения динамики социально-экономического развития. Например, уровень связанности экономического пространства определяет возможности формирования синергетического эффекта на территории и выступит как основа для пространственных трансформаций.

Ключевым фактором выделения региона в экономике страны является общность институциональных характеристик, как то традиции, культура, истории, язык и пр. Тем не менее, в научной дискуссии широко представлены альтернативные подходы к выделению и описанию региона, имеющие должное обоснование и примеры их практической реализации. Вместе с тем, очевидно, что большее «внутреннее сцепление» экономического пространства демонстрирует не столько институциональная общность, сколько выраженность пространственных свойств. При этом развитие институциональных характеристик выступает одной из проекций, обуславливающих связанность экономического пространства.

Следовательно, изменение критерия определения границ и оснований для дифференциации приводит к тому, что выделение регионов и их типология строится не столько по принципу единства материально-информационной базы территории, сколько по выраженности пространственных свойств, способных трансформировать условия хозяйствования в экономические продукты и в добавленную стоимость, являющуюся базисом дальнейшего повышения уровня и качества жизни населения регионов.

Распространение предметоцентристского подхода в пространственной парадигме привело к широкому распространению моделей точечного и локального характера, а мерой измерения пространства стали транспортные издержки. Подобное сужение пространственной парадигмы приводит к ряду методологических отклонений:

- 1) Территория отождествляется с масштабом административного воздействия и ограничивается физическими или формально установленными границами. Распространение сферы влияния пространства за пределы административных границ не рассматривается и не выступает в качестве критерия перспективной оценки территориального развития

- 2) Связанность пространства определяется исключительно уровнем развития транспортных сетей, в то время как институциональная связанность, зависящая не только от удаленности объектов, остается без внимания. Транспортные сети выступают в качестве важнейших элементов транспортной инфраструктуры региона. Их расположение, протяженность, доступность и особенности размещения обуславливают развитие экономической деятельности и задают архитектуру пространственного распределения объектов в регионе. На транспортных коридорах строится формирование программ развития регионов. Однако транспортная сеть не является единственной мерой пространственной связанности территорий, особенно в свете значительно ускоряющегося информационного обмена и развития широкополосных каналов телекоммуникации.

Поскольку экономическое пространство многопараметрично, транспортный фактор определяет один из его параметров. В этой связи представляется целесообразным рассматривать не только связанность через призму удаленности объектов друг от друга, сколько с позиций наличия институциональных предпосылок к взаимодействию. Очевидно, что разработка рекомендаций по повышению уровня связанности за счет изменения конфигурации пространства на базе трансформаций невозможна без оценки пространственного взаимодействия объектов и распределения социально-экономических процессов и явлений на территории.

Трансформация отношений собственности через призму пространственной экономики обретает новые черты, заслуживающие более детального изучения. В таком случае в дополнение к иным видам, отношения собственности могут претерпевать и пространственные трансформации, природа которых обусловлена спецификой пространственной экономики, выступающей актуальной методологической основой изучения социально-экономических процессов.

Свойства экономического пространства описаны достаточно широко, при этом список свойств постоянно пополняется благодаря отечественным и зарубежным исследователям. В числе наиболее широко обсуждаемых свойств экономического пространства необходимо отметить следующие:

- антропоцентричность или «человекомерность»¹ экономического пространства: свойства и структура определяются характером отношений людей, их интересами и целевыми установками;
- иерархичность пространственной организации и сетевой характер связей и взаимоотношений;
- нелинейность динамики пространственного развития с элементами мультипликативной цикличности;
- способность к самовоспроизведению в меньших масштабах, нередко именуемая как «фрактальность», которая обеспечивает возникновение импульсов

¹ Сурнина, Н. М. Региональное развитие: смещение пространственных приоритетов и измерителей / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина // Известия УрГЭУ. – 2015. – № 5 (61). – С. 69-75.

самоорганизации внутри пространственных ядер и их периферии, клонируя и создавая подобные воспроизводственные механизмы;

– стремление к интеграции и прочим взаимодействиям с другими пространствами в результате действия пространственных сил связанности, аналогичное химическому понятию валентности;

– дискретизация регионального экономического пространства и уплотнение ядер социально-экономической активности, сопровождающееся увеличением массы производственного ядра и разрежением периферии, а также возникновением межпространственных – «блуждающих» акторов.

В логике признания пространственной экономики научным направлением, исследующим процессы и результаты деятельности субъектов пространственного развития (пространственных образований), можно обозначить ряд основополагающих закономерностей, которые коррелируют с обозначенными в данном диссертационном исследовании трендами преобразований экономического пространства: формирование одноранговых и разнородных сетей взаимодействия экономических субъектов (акторов), присутствие внутренних источников экономического роста и саморазвития, в том числе основанных на знаниях, интенсификация пространственных эффектов перетока знаний и технологий по мере уплотнения экономической активности, зависимость регионов от перетока знаний и иных ресурсов из других регионов.

В работе Р. Капелло пространственный эффект (эффект пространственного перелива) определяется как ситуация или совокупность условий, при которых динамика экономического роста одного региона стимулирует рост в других регионах, не обязательно географически сопряженных, через сетевые взаимодействия между акторами. В основе этих взаимодействий лежит товарный обмен, а также перемещение факторов производства – труда и капитала. Развивая данную мысль, можно предположить, что пространственный эффект может быть отрицательным: ситуация, когда экономический рост одного более развитого региона не подпитывает сателлиты, создавая каскады валовой добавленной стоимости, а, напротив, оттягивает на себя создаваемую в других регионах

стоимость. Подобную ситуацию можно именовать эффектом гравитационного колодца.

Эмпирическое доказательство наличия гравитационных колодцев (не в физическом понимании этого термина) может быть построено с использованием экономических параметров, разброс величины которых охватывает не только положительную, но и отрицательную область значений. В этом смысле традиционные показатели экономического роста не являются подходящими, поскольку отрицательные значения могут возникать только из динамических характеристик, таких как абсолютное или относительное изменение.

Объективность пространственных структур порождает феномен «поля» – тех позиций, в которых распределены в пространстве сами его акторы. Поле – это часть экономического пространства, которое определяется различием статусов, позиций акторов, система отношений между статусами индивидов, это структурированное пространство позиций. Таким образом, встроенные в сеть позиций индивиды (субъекты) действуют в этих пространственных «ячейках» в соответствии с объективными «регулярностями» этих ячеек, каждая из которых отличается от других ячеек (полей), но в целом подчиняющимся одним и тем же структурам, и с общими взаимодействиями или практиками, которые характерны для данного экономического пространства. Набор критической массы в проявлении этих эффектов результировал в возникновение феномена экономики распределенного пользования, которая стала эклектической конструкцией, несущей в себе весь спектр позитивных и негативных воздействий на региональную экономическую систему с преобладанием первых.

В последние годы экономика распределенного пользования росла в геометрической прогрессии. Некоторые теоретики считали наблюдаемый процесс реакцией экономики на кризисы и неопределенность, другие – эффективной стратегией сокращения производственных затрат предприятиями реального сектора. Тем не менее, обширный практический опыт и многочисленные теоретические объяснения позволяют сделать вывод о том, что распределенное использование стало самостоятельным экономическим явлением, значительно

меняющим экономический ландшафт и некоторые фундаментальные принципы производства, такие как факторная зависимость стоимости от владения активами, характера их использования или способности ими распоряжаться.

Сказанное позволяет утверждать, что методология пространственной экономики является надлежащей при определении исследовательских позиций в отношении описанных ранее процессов формирования предпринимательских сетей и возникающих на этой основе экономических феноменов.

В последнее десятилетие пространственные эффекты (*spatial spillover effects*) исследуются в рамках пространственной парадигмы все более глубоко, так как они выступают в качестве исключительно экзогенного фактора, создавая некомпенсируемые преимущества для их бенефициаров, то есть такие, обретение которых не сопряжено с дополнительными издержками со стороны получателя. В литературе описаны различные виды пространственных эффектов – эффект распространения знаний (*knowledge spillover*), технологий (*industry spillover*) и роста (*growth spillover*), каждый из которых скрывает различные экономические механизмы трансмиссии импульсов развития от «ресурсоизбыточного» субъекта к другому субъекту.

Именно передача части потенциала развития от ресурсоизбыточного субъекта менее развитым как основа пространственных эффектов формирует основу функционирования экономики распределенного пользования – принцип эксплуатации избыточной производственной мощности недозагруженного материального актива. В нормальных условиях использования одного объекта имущества одним эксплуатантом избыточная мощность превращает активы в пассивы при условии наличия эксплуатационных расходов и расходов в связи с приобретением и владением. С другой стороны, производители, использующие производственную мощность на 100 %, сталкиваясь с временным увеличением спроса, вынуждены либо инвестировать в расширение основных производственных фондов, чтобы воспользоваться возможностями роста, либо игнорировать эти возможности. Распределенное пользование активами является экономически оправданным, потому что субъекты избегают необходимости

инвестировать в дорогостоящие активы, которые используются не на полную мощность, тогда как они могут увеличить свой доход, «нанимая» недооцененные активы, бывшие в употреблении: предпочтение оплачивать активы или услуги по факту пользования или по требованию, вместо владения активами на постоянной основе или пользования услугами в рамках долгосрочных рамочных соглашений.

Таким образом, в рамках экономики распределенного пользования предполагается организация совместного использования ресурсов, которая капитализирует свободные мощности и улучшает результаты бизнеса за счет совместного использования материальных и нематериальных активов – обеспечивает быструю, эффективную и многопараметрическую стыковку спроса и предложения неполностью задействованных активов или компетенций в рамках сетевой организации пространственных взаимодействий.

Выполненное исследование широкого спектра нормативных источников и научно-исследовательских публикаций позволило определить экономику распределенного пользования как совокупность пространственных экономических отношений между акторами по поводу предоставления временного доступа к материальным активам, имеющим избыточную для данного актора производственную мощность, в том числе за вознаграждение, и способ организации взаимодействий между одноранговыми акторами по поводу использования избыточной мощности, заключенной в имеющихся у актора активах и востребованной другими акторами.

Очевидно, что данный феномен может быть объяснен и поставлен в рамки надлежащего теоретико-методологического каркаса именно в свете пространственной парадигмы.

Актуальное направление развития теории пространственной экономики состоит в выработке принципов, теоретических положений и надлежащего инструментария исследования воздействия сетевых структур, лежащих в основе нового типа организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью, на параметры социально-экономического развития.

Представляется оправданным расставить отправные точки дальнейшего исследования отдельных положений пространственной экономики как методологической основы управления региональной собственностью. Необходимо отметить, что применимость пространственной методологии к исследованию феномена экономики распределенного пользования в региональном экономическом пространстве определяется совокупностью предпосылок, вытекающих из степени интеграции хозяйствующих субъектов в сети пространственных взаимодействий. Таким образом, основу экономики распределенного пользования формирует сетевой характер взаимодействий, обеспечивающий множественность участников транзакций, благодаря чему происходит сокращение удельных затрат и транзакционных издержек, а также возникают иные положительные эффекты.

Поскольку пространственная экономика предполагает исследование взаимодействий экономических субъектов и следующих за этим явных и неявных экономических эффектов, представляется целесообразным систематизировать некоторые категории экономических пространств и возникающих в них предпринимательских сетей в соотношении с источниками эффектов и целевыми критериями, развитие которых будет представлено в дальнейшей части работы (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1 – Характеристики экономического пространства во взаимосвязи с потенциальным экономическим эффектом

Характеристика	Источник эффекта	Целевой критерий
Пространственная близость (физическое расстояние)	Интенсификация взаимодействий	Транспортные издержки как функция расстояния и времени $\rightarrow \min$
Технологическая близость (общность знаний и технологий)	Переток знаний и инноваций, удешевление доступа к технологиям	Скорость и стоимость коммуникации $\rightarrow \min$
Организационная близость	Трансфертное ценообразование	Снижение издержек и упрощение доступа к капиталу
Институциональная близость	Снижение административного бремени	Количество однородных участников сети $\rightarrow \max$

Характеристика	Источник эффекта	Целевой критерий
Социальная близость	Синергия человеческого капитала и потенциала	Количество однородных участников сети → max
Наполненность (популяция)	Интенсификация взаимодействий, перераспределение рисков	Количество участников → max
Центральность	Аккумуляция знаний, репутационный бонус (гудвилл)	Количество прямых связей → max
Интенсивность взаимодействий	Нетто-результат экономической деятельности → max, VaR → min	Количество транзакций → max
Плотность	Снижение альтернативной стоимости установления контакта	Количество прямых связей – > max, количество участников → max

Практическое проявление, обуславливающее целесообразность обращения именно к пространственной методологии, заключается в упоминаемом разными исследователями наблюдении: когда плотные и тесно связанные предпринимательские сети достигают требуемой интенсивности взаимодействия, они становятся важными структурами для создания и сохранения необходимого разнообразия знаний – нового класса объектов собственности, не охваченного «традиционным» подходом к управлению региональной собственностью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интеграция хозяйствующих субъектов в сети и последующее уплотнение этих сетей, а также учет данных свойств в методологии пространственной экономики имеет потенциал обеспечения экономической эффективности и результативности функционирования регионального имущественного комплекса. При этом вопрос о характере организации сетевых взаимодействий между акторами сегодня разрешается на примере многочисленных новых феноменов, в числе которых «зонтичный» термин «шеринг-экономика» или «экономика совместного использования», также известная как «экономика распределенного пользования».

Поскольку актуальные организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью опираются на высокоплотные сети экономических взаимодействий, обеспечивается возможность практической реализации феномена экономики распределенного пользования и формируется новый класс эффектов, которые могут выступать в качестве значимого фактора

регионального социально-экономического развития. Потребность всестороннего исследования новых факторов социально-экономического развития обуславливает ограниченную применимость методологического каркаса региональной экономики и требует обращения к экономике пространственной.

2.2 Трансформация отношений собственности в рамках пространственной парадигмы

Институциональное оформление отношений собственности является результатом длительного процесса их становления и развития. Эволюция отношений собственности не была уникальной в общенаучном смысле. На ранних исторических этапах отношения собственности выступали фактором обособления одной общности людей от другой. На более поздних этапах имущественное разделение стало основой стратификации людей внутри сообществ, наделяя одних возможностями подчинения себе других. Современное многообразие форм и способов организации данных отношений, тем не менее, не дает оснований для выводов о невозможности дальнейшего их развития.

Отношения собственности и их материально-вещественный – имущественный базис формируют значимый срез экономического пространства, определяющий характер и динамику его преобразования. Таким образом, можно предположить существование подпространства отношений собственности в экономическом пространстве. Это подпространство распространяет свое влияние на существующие структуры и институты, определяя особенности социально-экономической формации и вектор динамики развития производительных сил на данном историческом этапе, равно как и характер отношений между субъектами в политической, социальной и иных сферах.

Одним из результатов воздействия подпространства отношений собственности на экономическое пространство является возникновение множества

субъектов, наделенных правами собственности и иными вещными правами в отношении регионального имущественного комплекса, формирующих воспроизводственное ядро экономического пространства региона и определяющих динамику социально-экономического, политического, культурного развития.

На развитие отношений собственности в регионе оказывают влияние описанные ранее свойства пространства, а также характеристики, присущие конкретному региону, проявляющиеся в статике и в динамике. Одним из таких свойств является дихотомичность его роли в национальном и глобальном воспроизводственном процессе, происходящая из предложенной А.Г. Гранбергом концептуализации региона как квази-корпорации или квази-государства. В частности, регион как открытая система может быть самодостаточным лишь в некоторой ограниченной степени, что с одной стороны определяет его конкурентную специализацию, но с другой стороны обуславливает необходимость его участия в межрегиональном и ином обмене, делая его «зависимым» от иных регионов, а также от надстоящих публично-паровых образований (в случае Российской Федерации – федеральные органы исполнительной власти). Следовательно, региональный имущественный комплекс, равно как и отношения, складывающиеся по поводу владения, пользования и распоряжения им, также становится амбивалентной категорией, которая выступает «причиной» или источником воспроизводства благ регионом и его конкурентной специализации, а также следствием успехов и неудач экономической политики региональных властей.

Регионы также обладают свойством наследственности, которое распространяется на характер выстраиваемых управленческих структур, институтов и систем отношений. Например, территории Российской Федерации, расположенные близ границ с балтийскими государствами или странами Центральной и Восточной Европы, в некоторой степени унаследовали или заимствовали практики выстраивания и реализации социально-экономических отношений, в том числе отношений собственности.

Другим аспектом наследственности является трансляция культурного кода и связанных с ним обычаев и регулярных практик, которые в настоящем определяют динамику отношений собственности применительно к региональному имущественному комплексу, затрагивая интересы всех категорий собственников. Так, в ряде регионов Северного Кавказа вопросы регулирования прав собственности на землю в существенной степени подвержены влиянию так называемого адатного права, то есть права, основанного на традициях и обычаях.

Экономические субъекты стремятся наращивать свой имущественный базис, руководствуясь широким спектром мотивов – начиная с исключительно экономических (имущество как воспроизводственный базис и фактор конкурентоспособности) и заканчивая политическими (имущество как инструмент влияния). Для этих целей они, вполне закономерно, вступают в различные взаимодействия с другими экономическими субъектами, образуя разветвленные сетевые структуры, проекции которых традиционно раскрываются в n-мерной системе координат отношений собственности, включающих помимо прочего «государственное – частное», «совместное – единоличное», «полное – ограниченное» и другие способы реализации этих отношений. Сформированная таким образом сеть пространственных взаимодействий находится в процессе постоянной трансформации, обуславливая тем самым преобразование экономического пространства за счет формирования новых связей, групп субъектов, новых объектов собственности и преобразования имеющихся.

Подобное преобразование экономического пространства выступает в качестве весомого фактора развития социально-экономической системы. В таком случае правомерно вести речь об эластичности экономического пространства под влиянием изменений отношений собственности. Базовыми измерителями эластичности экономического пространства следует рассматривать широко описанные метрики, такие как связанность, плотность и т.д.

В контексте исследуемой проблематики важны не только свойства пространства, но и его наполненность, структура и механизм внутреннего

взаимодействия. Так, например, в исследовании О.С. Чернявской выделены три аспекта исследования пространства¹:

– пространство взаимодействия акторов (при этом внимание уделяется близости / удаленности акторов друг от друга в процессе взаимодействия, а также значению пространства с позиции учитываемых критериев его ценности для членов социума;

– иерархическое пространство, структурируемое статусами экономических акторов;

– пространство как место расположения тел (физически осязаемое).

Принятый П. Бурдьё подход к определению пространства как общности акторов, наделенных активными свойствами или ключевыми компетенциями, обеспечивающими их возможность удовлетворять собственные потребности и реализовывать свои интересы, оперирует понятием «капитал», который раскрывается как некий воспроизводственный базис и – главное – как источник властно-подчинительных отношений между акторами. Последние, в свою очередь, вступают в различные отношения с целью сформировать или реализовать свое конкурентное преимущество, а значит получить более широкие возможности для наращивания своего капитала и его производных, включая благосостояние. При этом справедливым будет замечание о том, что социально-экономические отношения между акторами являются не единственным наполнением пространства, однако эти отношения формируют его структуру в силу своей объективности. В логике П. Бурдьё, разворачивающиеся между экономическими субъектами различные отношения подчинены логике «двойного структурирования»: экономические и иные отношения объективны, однако распределение потенциалов между субъектами не равномерно, что и обуславливает существование конкурентной борьбы между акторами, которая не имеет логического завершения, а значит стремится нарушить первичную структуру.

¹ Чернявская, О. С. Теории социального пространства / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2008. – № 2(10). – С. 170.

Проводя аналогию, можно сказать, что наличие у экономических субъектов неких общих или специфических интересов, удовлетворение которых подкреплено имущественным базисом, обеспечивает социально-экономическую динамику отношений, складывающихся на основе кооперации или конкурентной борьбы за право обладания «капиталом». Таким образом, отношения собственности на «капитал» формируют динамическую структуру взаимодействий акторов, способствующих преобразованию экономического пространства, которое также следует признать объективно существующим, поскольку оно выступает в качестве производной от человеческой активности. Следовательно, постоянная трансформация отношений собственности обуславливает преобразование экономического пространства по причине несоответствия интересов акторов, а также их эволюции.

Таким образом, описанные отношения между акторами подпитывают механизм социально-экономического развития, значит, трансформация отношений собственности может рассматриваться как источник экономического роста.

Сказанное выше позволяет охарактеризовать процесс трансформации отношений собственности как процесс переопределения ролей и статусов различных акторов за счет наращивания имущественного потенциала, равно как и за счет диверсификации существующего имущественного базиса в пользу повышения его производительности, эффективности или иной отдачи, которую конкретный субъект рассматривает в качестве ключевого параметра.

Эксплуатация выявленных в ходе диссертационного исследования источников экономического эффекта, заложенного в перспективные конструктивные тренды социально-экономического развития, формулирует запрос на трансформацию отношений собственности в рамках регионального имущественного комплекса.

Преобразовываясь, региональный имущественный комплекс расширяется за счет присоединения источников общественных благ к традиционно рассматриваемым в данном контексте активам. Следовательно, такое направление видоизменения отношений собственности определяет преобразования в структуре

воспроизводственного механизма социально-экономической системы. В этой связи целесообразно более детальное рассмотрение направлений и способов трансформации отношений собственности в теории и на практике.

Трансформация – многоаспектный и междисциплинарный термин. В наиболее распространенном контексте она синонимична преобразованию, которое может быть обусловлено эндогенными факторами и процессами, так и внешним воздействием, например, управляющего субъекта на объект управления. Трансформация объекта распространяется на его внутреннюю структуру и внешние проявления (размер, форму), и, как следствие, затрагивает его функционал, добавляя или исключая некоторые возможности объекта, цель функционирования или назначение. Вопрос о том, следует ли признавать трансформацией экстенсивное или интенсивное развитие некоторого социально-экономического объекта, является дискуссионным, тогда как единство во взглядах по вопросу признания изменений в результативности функционирования объекта в качестве валидного критерия трансформации в целом достигнуто.

Экономическая трансформация рассматривается в качестве процесса, который имеет логическое завершение и может лишь условно быть структурирован по стадиям в привязке к изменениям экономической конъюнктуры или иным макроэкономическим процессам. Очевидно, что направления и промежуточные результаты экономической трансформации в среднесрочной и долгосрочной перспективе представляют вполне предметный интерес для органов государственного управления социально-экономическим развитием, особенно на региональном уровне. Данная необходимость обусловлена существующим уровнем пространственной асимметрии, несовпадающими трендами динамики выпуска, потребления, инвестиций, уровня цен и других параметров, характеризующих социально-экономическое развитие регионов. С другой стороны, актуальные представления об особенностях экономической трансформации, подкрепленные надлежащим инструментарием управления, могут способствовать повышению эффективности регионального управления.

В контексте проблематики настоящего исследования представляет интерес развитие научного представления о сущности трансформации отношений собственности в регионе, в связи с чем необходимо рассмотреть частные проявления концепта трансформации применительно к преобразованиям отношений собственности на уровне регионов.

Трансформация отношений собственности является значимым экономическим процессом, который определяет характер и динамику социально-экономического развития регионов и более крупных экономических систем. Воздействие трансформации отношений собственности на экономическое развитие является предметом многочисленных исследований. Так, в зарубежных исследованиях конца 90-х годов XX века значительное внимание было уделено вопросам воздействия трансформации отношений собственности на широкий спектр социально-экономических переменных, при этом результаты исследований достаточно неоднозначны.

Не менее важными представляются исследования, посвященные измерению и оценке влияния трансформации отношений собственности на деятельность предприятий, несмотря на значительную вариацию полученных результатов. В частности, Дж. Браун и соавторы¹ доказали на примере стран соцлагеря, что проведенная в них приватизация способствовала росту производительности и эффективности предприятий в среднем на 5-12 %, хотя и признают, что в разрезе исследованных ими стран имеют место различия, обусловленные страновой спецификой и иными факторами. В числе причин наблюдаемой неоднородности результатов они установили незначительное воздействие со стороны размера предприятий, степени их технологизации, а также финансовой независимости, тогда как значительный вклад в вариацию результатов обеспечили такие параметры, как доля приватизируемого капитала предприятия (удваивание производительности в случае приватизации 51 %-100 % капитала и практически

¹ Brown, J. D. Where Does Privatization Work? Understanding the Heterogeneity in Estimated Firm Performance Effects [Электронный ресурс] / J. D. Brown, J. S. Earle, Á. Telegdy // GMU School of Public Policy Research Paper No. 15-6, 2015. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2547819> (дата обращения: 02.12.2020)

полное отсутствие эффекта в результате приватизации миноритарных пакетов с сохранением контроля в руках государства), концентрация собственности, а также макроэкономическое окружение.

Примечательно, что в цитируемой работе и во многих других исследованиях трансформация отношений собственности рассматривается в плоскости перераспределения прав на объекты имущественного комплекса между государственным и частным секторами. В этой связи механизм трансформации отношений собственности предстаёт в качестве набора целевых установок и соответствующих им инструментов, призванных обеспечить определенные доли публичного и частного владения региональным имущественным комплексом, а эволюция отношений собственности идет по пути выработки средств и способов организации совместного владения, владения без утраты контроля и т.д. Описанный подход представляется неактуальным и в определенном смысле однобоким.

В современных условиях оправданным будет выделение нескольких измерений трансформации отношений собственности, одним из которых является морфологическая (или видовая) трансформация, в рамках которой возникают интегративные конструкции форм реализации рассматриваемых отношений.

Так, морфологические трансформации отношений собственности включают в себя следующие виды:

- 1) «агглютинация» отношений собственности, то есть образование в экономическом пространстве новых способов реализации отношений собственности за счет присоединения к «традиционным» формам отличительных свойств, характеристик или ограничений других имущественных отношений. Например, отношения публичной собственности под воздействием различных трансформаций образовали целый ряд деривативов, таких как «оперативное управление», «хозяйственное ведение», доверительное управление и т.д., наделив их рядом характеристик частной собственности. Следовательно, агглютинативные трансформации отношений собственности способствует формированию производных категорий.

2) «фузия» отношений собственности предполагает стирание границ между отдельными их формами с последующим возникновением новых комплексных форм и способов их реализации, примером которых может выступать публично-частное партнерство и иные формы и механизмы взаимодействия региональной власти и бизнес-структур, которые сегодня рассматриваются в качестве инструмента согласования интересов органов государственной власти, населения и бизнеса, создающие новую конфигурацию отношений между всеми участниками процесса. Выступая в качестве компонента внутренней политики, взаимодействие государственного и частного секторов доказало свою эффективность во многих странах в деле развития инфраструктуры и реализации социально значимых проектов. Исследование динамики экономических отношений с точки зрения пространственной экономики дает основания утверждать о происходящем укрупнении и усложнении связей и отношений между субъектами и объектами, тогда как современная их организация опирается на государство и корпорации. Практические исследования показывают положительный опыт использования инновационных механизмов взаимодействия при реализации социально-экономических задач во многих сферах.

Предпосылкой возникновения новых форм и механизмов взаимодействия региональной власти и бизнес-структур является рост потребности в капитале, знаниях и опыте построения бизнес-процессов, которые имеются в распоряжении частного сектора, но недоступны или ограниченно доступны органам государственной власти и местного самоуправления – субъектам управления имущественными комплексами и другими объектами собственности. Основной целью взаимодействия, таким образом, является увеличение качества инфраструктуры и ее развитие. Поскольку именно инфраструктурные проекты характеризуются наиболее высоким мультипликативным эффектом в воспроизводственном процессе, взаимодействие власти и бизнес-структур выступило флагманом посткризисного восстановления в странах ОЭСР, будучи положенным в основу программы оживления экономики в свете глобального экономического спада. Санирующая роль взаимодействия власти и бизнес-

структур была дополнена тремя основными направлениями, по которым сегодня реализуется большинство таких проектов во всем мире: устойчивое развитие, энергоэффективность и развитие человеческого потенциала. С точки зрения конкретных целей таких проектов следует отметить радикальное снижение объемов потребления энергии или иных ресурсов, снижение объемов выбросов и повышение степени их очистки, вторичная и третичная переработка сырья и отходов и т.д. Конкретные достижения действующих проектов взаимодействия власти и бизнес-структур включают в себя привлечение средств в НИОКР, изменение структуры финансирования научных исследований в сторону увеличения доли частного сектора.

Еще одной предпосылкой возникновения и распространения новых форм и механизмов взаимодействия региональной власти и бизнес-структур является заинтересованность публично-правовых образований в эффективной эксплуатации человеческого капитала, чему способствует налаживание устойчивого взаимодействия с местными сообществами на принципах инсайдерского участия, недоступных для государственного сектора, несмотря на то, что именно он призван выступать выразителем мнения общества.

Также следует отметить, что взаимодействие региональной власти и бизнес-структур небезосновательно рассматривается в качестве инструмента, обеспечивающего возможность реализации конституционных прав граждан на участие в управлении объектами государственной или муниципальной собственности на основе консолидации, интеграции и кооперации. На фоне существующей критики казенных предприятий и хозяйственных обществ с государственным участием такое взаимодействие рассматривается в качестве наиболее приемлемой альтернативы, балансирующей экономическую целесообразность и основы конституционного строя.

Немаловажным следствием реализации фузионных трансформаций отношений собственности в регионах является рост степени вовлеченности малого предпринимательства в региональный воспроизводственный процесс опосредованно через субподряд с крупным бизнесом, участвующим в реализации

форм и механизмов взаимодействия региональной власти и бизнес-структур. Широкое распространение такая практика получила в сфере жилищно-коммунального хозяйства, где малый бизнес берет на себя посредническую или исполнительскую функцию, тогда как интегратором, в чьем ведении находятся соответствующие инфраструктурные объекты, являются региональные органы власти, которые выполняет функцию балансодержателя, эксплуатанта и центра прибыли. Аналогичные примеры могут быть выделены в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, промышленного производства, строительства и т.д.

3) «диффузия» отношений собственности, как обмен свойствами различных форм собственности при сохранении их идентичности по мере размывания границ, характерна для процессов либерализации или, напротив, ужесточения режима владения, пользования и распоряжения, распространяющегося на конкретную категорию субъектов. В качестве примера можно рассматривать имевшую место либерализацию имущественных отношений применительно к объектам государственной (муниципальной) собственности, находящимся в ведении учреждений и иных видов некоммерческих публично-правовых образований.

4) функциональные трансформации отношений собственности связаны с изменением роли этих отношений, а также отдельных форм их реализации в процессе социально-экономического развития. Отношения собственности в определённых обстоятельствах и условиях могут выступать балансирующим механизмом, который обеспечивает активизацию воспроизводственного потенциала за счет ресурсов того сектора экономики, который в данных условиях является более «жизнеспособным», исправляя тем самым возникшие системные противоречия сложившейся структуры собственности в регионе. В этом смысле отношения собственности проявляют коинтеграцию различных форм, особенно на уровне структуризации публичной собственности по уровням её принадлежности – федеральная, региональная и муниципальная. Каждая из названных форм собственности способна компенсировать «провалы» другой, равно как и частной собственности, по аналогии с эконометрической моделью коррекции ошибок

(ЕСМ), в рамках которой краткосрочные отклонения динамики одной системы (формы собственности) корректируются в соответствии с долгосрочными трендами другой системы (формы собственности), обеспечивая относительное динамическое равновесие.

5) качественные трансформации отношений собственности в регионах предполагают широкий спектр изменений состава и структуры имущественного комплекса, степени его износа, модернизации, степени соответствия современным и перспективным трендам социально-экономического развития и научно-технического прогресса. Среди других параметров качественной трансформации отношений собственности можно упомянуть равномерность и справедливость распределения имущественного комплекса между субъектами.

6) объемные трансформации отношений собственности связаны с изменением их динамики, выраженной в количестве сделок (транзакций) и иных операций за определенный период времени. Очевидно, что ускорение или замедление рассматриваемой динамики может выступать индикатором трансформаций более высокого уровня.

7) системные трансформации отношений собственности в регионе, обусловленные изменениями политического курса, общественного строя, проявляются в изменениях показателей склонности экономических субъектов к владению на праве собственности, к консолидации имущества или, напротив, склонности к «уклонению» от титула собственника в силу экономических или иных мотивов. В основе системных трансформаций лежат общественно-политические и экономические события, которые влияют на возможность наличия и реализации отношений собственности как таковых. Историческими примерами таких событий могут служить отмена крепостного права, массовая приватизация, открытая или «тихая» национализация и т.д. Частным случаем системной трансформации отношений собственности можно рассматривать трансформацию объекта и предмета этих отношений. Так, например, собственность как экономическая категория может выступать не только как право владения, пользования и распоряжения, но и как совокупность обязанностей по созданию, содержанию и

финансированию имущественного комплекса или – в широком контексте – источников социальных и экономических благ, в число которых могут быть включены такие, как пенсионное и социальное обеспечение, здравоохранение, образование, оборона и охрана правопорядка и т.д. Таким образом отношения собственности в современной интерпретации выходят на иной уровень: они рассматриваются не только применительно к «экономическим активам», но и к «источникам» социальных благ, прав, основам конституционного строя, таким как власть, правосудие и т.д. Здесь уместно привести пример стран Северной Европы, где прорабатываются вопросы разгосударствления целого ряда публичных полномочий, таких как выдача паспортов и миграционный контроль, пожарная охрана, охрана правопорядка, частично – правосудие и разрешение споров, причем в секулярной плоскости.

Направления и промежуточные результаты экономической трансформации в среднесрочной и долгосрочной перспективе представляют интерес для органов управления социально-экономическим развитием регионов, что обусловлено существующим уровнем пространственной асимметрии, несовпадающими трендами динамики выпуска, потребления, инвестиций, уровня цен и других параметров, характеризующих социально-экономическое развитие регионов. Следствием экономической трансформации является перманентное преобразование экономического пространства, движимое рядом трендов, в основе которых лежат преобразования институтов, адаптация новых технологий, социальная инженерия, информатизация и другие общецивилизационные процессы.

Выполненное исследование научного и научно-практического дискурса, посвященного наиболее актуальным способам и направлениям преобразования регионального экономического пространства, позволяет констатировать наличие целого ряда конструктивных и деструктивных трендов, которые отражают наиболее очевидные и значимые на данном этапе общецивилизационные процессы.

Среди деструктивных трендов, которые фактически являются факторами риска, подталкивают региональные экономические системы к наращиванию

устойчивости и стратегической конкурентоспособности и обеспечивают преобразование экономического пространства регионов, а также обеспечивают преобразование отношений собственности, выделяются следующие:

- развитие сетей прямых контрактов между разноуровневыми субъектами без надзора со стороны регулирующих органов, реализуемое благодаря диджитализации, децентрализации расчетов, возникновению финансовых суррогатов и шеринга систем доставки;

- внедрение разрушительных (disruptive) технологий, угрожающих целому ряду предприятий в определённых видах экономической деятельности;

- кризис базовых институтов и рост числа порождённых ими институциональных ловушек, урегулированию которых уделяется значительное количество ресурсов;

- распространение негативных проявлений цифровизации: физическое отсутствие бизнеса в юрисдикции региона, снижение видимости бизнеса для регулятора, неконтролируемые электронные финансовые потоки, что размывает налогооблагаемую базу по НДС и налогу на прибыль, то есть подрывает финансовую обеспеченность регионов;

- изменение состава и структуры активов компаний по мере возрастания роли нематериальных активов, за чем также следует снижение налогооблагаемой базы и непрозрачность бизнеса для регулятора.

Объединяющим началом этих трендов является сокращение доходной базы регионов, а значит и экономического потенциала региональных экономических систем.

Перечисленные деструктивные тренды отчасти компенсируются конструктивными трендами, которые можно рассматривать в качестве актуальных источников дополнительного экономического эффекта. В их числе:

- нарастание экономической активности без физического присутствия в регионе, от чего, тем не менее, выигрывают не все регионы;

– диджитализация активов, товаров и услуг, обеспечивающая значительно более быстрые темпы оборачиваемости и перераспределения, а значит и более высокий уровень результативности экономической деятельности;

– рост потребности в капитале, знаниях и опыте построения бизнес-процессов, стимулирующих развитие человеческого капитала и потенциала;

– формирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости, обеспечивающих масштабирование экономической активности и возникновение пространственных эффектов (spatial spillover effects), благоприятно воздействующих на социально-экономическое развитие регионов-бенефициаров таких эффектов;

– трансформация данных в стоимость и полноценное становление данных фактором производства и источником конкурентных преимуществ благодаря эффектам трансформации данных в знания;

– изменение архитектуры взаимосвязей между участниками экономической деятельности.

Заслуживающим особого внимания трендом, сочетающим в себе черты конструктивного и деструктивного, является «сетевизация» и формирование инфраструктуры распределенного пользования активами и благами, основанной на принципах совместного доступа к средствам производства по мере возникновения потребности в них. Именно формирование региональных сетей пространственных взаимодействий несет в себе источник потенциального экономического эффекта, который проявляется в виде прироста экономической добавленной стоимости в результате кластеризации, увеличения плотности и интенсификации экономических транзакций между одноуровневыми и разноуровневыми акторами. Указанные эффекты достигаются за счет перетока знаний и инноваций, а также за счет упрощения доступа к материальным и финансовым ресурсам.

В наиболее обобщенном виде экономическую основу эффекта распространения сетевых форм пространственных взаимодействий формирует снижение транзакционных издержек и издержек титульного собственника, а также расширение доходной базы отдельного субъекта. Таким образом, акторы

выигрывают от наличия избыточных связей между своими непосредственными соседями, потому что это увеличивает скорость и вероятность доступа не только к рынкам и ресурсам, но и к информации, основанной на совокупном «отраслевом» знании, в результате чего обеспечивается еще целый ряд экономических эффектов.

Таким образом, современное научное представление о сущности трансформации отношений собственности в регионе характеризует данный феномен как многомерный процесс преобразования субъектно-объектных отношений между элементами региональной воспроизводственной системы по поводу наиболее результативного использования объектов регионального имущественного комплекса. Следовательно, трансформация отношений собственности в регионе должна рассматриваться через призму многомерной интерпретации процесса и расширенного толкования объектов региональной собственности, что расширяет горизонт и повышает эффективность управления региональной собственностью.

Происходящие трансформации отношений собственности на уровне регионов характеризуются наличием целого ряда специфических черт, тогда как объединяющей характеристикой выступают проблемы, с которыми сталкиваются экономические субъекты при реализации отношений собственности. При этом традиционные представления о трансформации отношений собственности в системе координат «государственное – частное» нуждаются в уточнении, в связи с чем в настоящем исследовании предложена и описана расширенная классификация видов трансформации отношений собственности на уровне регионов. Ключевым моментом современных тенденций трансформации отношений собственности является не поиск «эффективного собственника» или «эффективного субъекта управления», а идентификация способа наиболее продуктивного использования регионального имущественного комплекса на основе современных форм и механизмов взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества. Таким образом, в исследовании было обеспечено развитие научного представления о сущности трансформации отношений собственности в регионе за счет перехода к

многомерной интерпретации данного процесса. Выявлены тренды преобразований экономического пространства, которые обуславливают расширение субъектно-объектных отношений собственности и обеспечивают их трансформацию.

2.3 Экономика распределенного пользования как перспективный способ организации пространственных взаимодействий

Трансформация приводит к возникновению новых способов реализации пространственных взаимодействий. Современный этап трансформации отношений собственности обобщенно реализуется в виде такого организационно-экономического механизма как распределенное пользование.

Повышение результативности и эффективности региональных имущественных комплексов должно обеспечиваться посредством трансформации, влекущей за собой практическую эксплуатацию экономического эффекта от повышения производительности труда. На практике это предполагает многостороннюю оптимизацию процессов для сокращения издержек и повышения конкурентоспособности. Однако рост конкурентоспособности отдельных хозяйствующих субъектов всё больше зависит от технологических факторов, основанных на использовании высоких технологий и инноваций. Таким образом, современный этап развития региональных имущественных комплексов характеризуется существенной и возрастающей зависимостью отдельных хозяйствующих субъектов адаптировать знания и технологии, а также получать доступ к ним.

Следовательно, достижение обозначенных целей роста производительности труда ставится в зависимость не столько от наличия у хозяйствующих субъектов доступа к финансовым ресурсам, сколько от развития региональных или межрегиональных информационно-технологических платформ, опосредующих переток капитализируемых знаний и доступ к материальным активам.

В последнее время все большее внимание уделяется пониманию того, как сети влияют на эффективность хозяйствующих субъектов. В ряде исследований доказывалось, что сочетание кластеризации и наполненности сети положительно влияет на результативность и производительность большинства её членов: рост плотности сети и её связанности обеспечивает мультипликативный эффект в части количества транзакций, создающих экономическую добавленную стоимость, и обратный эффект в части величины удельных транзакционных издержек. Эта логика способствовала углублению понимания процессов кластеризации и иных сетевых эффектов, возникающих при интенсификации взаимодействия между экономическими субъектами.

Известно, что характеристики сети, такие как центральность или удаленность, способны оказывать влияние на эффективность отдельных организаций, что обусловлено сетевыми эффектами перетока знаний, инноваций и т.д.

Зачастую региональная сеть хозяйствующих субъектов рассматривается как независимая переменная с заданной структурой и заданными позициями действующих лиц. При этом недостаточно внимания уделяется основным механизмам формирования взаимоотношений экономических субъектов и оценке экономических последствий ускорения или замедления внутрисетевой динамики. Несмотря на то, что различные исследования способствовали выявлению закономерностей изменения отношений в организационных сетях, механизмы изменения связей все еще остаются малоизученными.

В ряде работ раскрываются экономические аспекты влияния отдельных характеристик организаций на выбор формы сотрудничества. Установлено, что важным фактором роста экономической эффективности отдельных участников и всей сети является способность предприятий адаптировать инновации. Восприимчивость к инновациям определяется степенью географической и технологической близости хозяйствующих субъектов. Однако данные измерения близости всё дальше отходят от их традиционного понимания по мере распространения технологических платформ и развития транспортных сетей.

Помимо существенных причин, таких как снижение транспортных расходов или обеспечение использования одних и тех же технологических платформ, существуют тесные связи между географической близостью и распространением знаний, описанные и предсказанные еще до революции интернета, социальных сетей и шеринговых платформ¹.

Факторы пространственной близости во взаимосвязи с сетевыми эффектами получили дальнейшее рассмотрение в теории кластеризации и связанности экономических субъектов внутри сети. В ряде исследований был дан ответ на вопрос о том, влияет ли структура межкорпоративной сети отраслевого уровня на скорость создания и распространения интеллектуального капитала и как можно воздействовать на данный процесс с целью его ускорения или перенаправления в случае необходимости. Положительные возможности в данном случае относились к воздействию на такие параметры сети, как плотность и связанность. Плотность – структурная переменная, которая выражает идею о том, что при установлении каждого отношения существует альтернативная стоимость, и чтобы принять решение о начале взаимодействия, организации должны руководствоваться другими структурными, индивидуальными или близкими силами, которые компенсируют эти затраты. Для описания данного эффекта исследователями был введен термин кластеризация.

М. Шиллинг и К. Фелпс полагают, что плотность сети и густота кластеров создает пропускную способность, позволяя быстро распространять большие объемы информации и материальных ресурсов, в то время как связанность (кратчайший путь до другого субъекта) обеспечивает возможность использования разнообразных источников информации². Данные авторы доказывают, что сочетание кластеризации и охвата положительно влияет на результативность и производительность большинства членов сети организаций.

¹ Audretsch, D. B. R&D Spillovers and the Geography of Innovation and Production / D. B. Audretsch, M. P. Feldman // American Economic Review. – 1996. – No. 86. – P. 630-640.

² Schilling, M. A. Interfirm collaboration networks: The impact of large-scale network structure on firm innovation / M. A. Schilling, C. C. Phelps // Management Science. – 2007. – Vol. 53. – No. 7. – P. 1113-1126.

Кластеризация обеспечивается несколькими движущими силами, в числе которых выделяются две основных – комплиментарность и идентичность. Вполне закономерно, что организации, имеющие одинаковый рыночный профиль или иные параметры, обеспечивающие их сходство, имеют больше шансов наладить взаимодействие или столкнуться с вынужденной необходимостью контактировать со своими «горизонтальными» партнерами. То же касается и вертикальной интеграции, которая обуславливает взаимодополняемость хозяйствующих субъектов.

Более значимой в плане возможности налаживания сетевых взаимодействий является технологическая близость, предполагающая подобие не только технологических процессов, но и используемых данных и знаний, доступ к которым может выступать ключевым источником формирования добавленной стоимости и иного экономического эффекта. В таком случае возникают возможности для взаимовыгодной эксплуатации избыточной мощности одного из хозяйствующих субъектов, которая является дефицитной для другого, снимая необходимость капитальных вложений в основные производственные фонды и последующих расходов, связанных с владением ими.

В литературе имеется значительный плюрализм по поводу определения экономики распределенного пользования и разграничения конкретных ее проявлений: экономика совместного пользования, экономика распределенного пользования, P2P-экономика и др. являются лишь некоторыми примерами, регулярно используемыми в экономической литературе и в средствах массовой информации. Хотя перечисленные определения не являются полностью взаимозаменяемыми, они, тем не менее, имеют некоторые общие аспекты, поскольку касаются деятельности, осуществляемой посредством цифровых платформ, которые позволяют отдельным субъектам обмениваться товарами, услугами, ресурсами или навыками, которые ранее не использовались совсем или использовались не в полной мере. Это также позволяет индивидуальным потребителям становиться поставщиками или микро-предпринимателями и

формировать друг с другом сети, создающие добавленную стоимость, что приводит к дезинтермедиации многих традиционных видов деятельности¹.

Представляют интерес толкование распределенного пользования экономической и управленческой наукой и практикой, а также основные модели организации распределенного пользования и их принципиальные отличия.

По мнению Й. Бенклера, существует «тесная историческая и глобальная связь между появлением одноранговых платформ и широко распространенным ощущением того, что новые технологии расширяют возможности экономических субъектов, что объясняет, почему общий доступ к файлам, программное обеспечение с открытым исходным кодом, распределенные вычисления, краудфандинг, взаимное кредитование, а иногда даже социальные сети часто включаются в тень зонтичного бренда экономики распределенного пользования»². Именно по этой причине, по мере того как термин «экономика распределенного пользования» становится все более распространенным, существует определенное сопротивление его использованию. Например, Ф. Бардхи и Дж. Экхарт полагают, что было бы более уместно назвать это «экономикой аренды» или «экономикой доступа», поскольку владельцы, предлагающие недвижимость на Airbnb, на самом деле не делят свой дом, а сдают его в аренду, так же как Uber просто предлагает прокат автомобиля с водителем в обмен на оплату³.

В попытках идентифицировать экономику распределенного пользования некоторые авторы⁴ последовательно утверждают, что данный феномен по определению не предполагает финансовое вознаграждение, в противном случае речь следует вести о прокате или аренде. Р. Белк определяет распределенное пользование как одну из фундаментальных моделей потребительского поведения,

¹ Basselier, R. The rise of the sharing economy / R. Basselier, G. Langenus, L. Walravens // NBB Economic Review. – 2018. – No. 9. – P. 57-78.

² Benkler, Y. The wealth of networks: How social production transforms markets and freedom / Y. Benkler. – New Haven : Yale University Press, 2006. – 515 p.

³ 153. Bardhi, F. The Sharing Economy Isn't About Sharing at All [Электронный ресурс] / F. Bardhi, G. M. Eckhardt // Harvard Business Review. – 2015. – Режим доступа: <https://hbr.org/2015/01/the-sharing-economy-isnt-about-sharing-at-all> (дата обращения: 02.12.2020).

⁴ См., например: Belk, R. Why not share rather than own? / R. Belk // Annals of American Academy of Political and Social Science. – 2007. – No. 611. – P. 126-140.

которая затрагивает широкий круг вопросов потребления, начиная от совместного использования ресурсов домашних хозяйств, противопоставляемого обособленному владению, до распределенного использования объектов основных средств или интеллектуальной собственности¹.

По мнению К. Френкена и Дж. Шор², экономика распределенного пользования принципиально связана с предоставлением во временное пользование объекта с избыточной мощностью, который изначально приобретался не как предпринимательская инвестиция: если основные средства или иное имущество приобретались именно для сдачи внаем – это отдельный бизнес. Цитируемые авторы считают, что в основе экономики распределенного пользования лежат три определяющие характеристики:

- одноранговое взаимодействие потребителей (C2C, а не B2C), в противном случае это оказание услуг (“product-service economy”);
- краткосрочное пользование объектами имущества, а не долгосрочное («аренда») или постоянное («вторичный рынок»);
- объектами распределенного пользования являются только материальные активы (в противном случае это предоставление услуг, то есть “on-demand economy”).

Избыточная емкость вещи присутствует, когда владелец в нормальном режиме потребления не использует ее все время. Другим аспектом избыточной емкости является невостребованный запас прочности или априори невостребованная мощность, что часто именуется как «неделимость» вещи. Например, ресурсы персонального компьютера мало кем используются на 100 %, однако отказаться от их части нельзя.

Распределенное использование в качестве экономического феномена идет дальше по сравнению с простым способом передачи объекта или актива пользователю для временной работы. Современные коннотации экономики

¹ Belk, R. Sharing / R. Belk // Journal of Consumer Research. – 2010. – Vol. 36. – No. 5. – P. 715-734.

² Frenken, K. Putting the sharing economy into perspective / K. Frenken, J. Schor // Environmental Innovation and Societal Transitions. – 2017. – No. 23. – P. 3-10.

распределенного пользования предполагают передачу функций и бизнес-процессов. Эта передача обрабатывается интеллектуальной системой диспетчеризации, что опосредовано технологическими платформами многопользовательского взаимодействия, которые «упростили совместное использование как физических, так и нефизических товаров и услуг благодаря доступности различных информационных систем в Интернете»¹. Такое взаимодействие обеспечивает минимизацию затрат на большинстве уровней формирования операционного дохода, в том числе минимизацию бремени расходов, которое несет титульный владелец актива.

Таким образом, теоретически и рационально распределенное пользование как экономический феномен может потенциально способствовать росту стоимости бизнеса, как для отдельной компании, так и для бизнес-сектора в целом.

Возможным направлением адаптации традиционного бизнеса к моделям распределенного пользования является шеринг собственной базы активов. Для многих организаций это легко выполнимая задача – найти неполностью загруженные активы, которые могут более эффективно использоваться бизнес-единицами как внутри организации, так и за ее пределами. По оценкам PwC, в среднем сегодняшние производственные мощности загружены на 80 % (а в России и того ниже)², а повышение фондоотдачи посредством предоставления этих активов в распределенное пользование может существенно повысить экономическую эффективность регионального имущественного комплекса.

Сама идея распределенного использования свободной мощности является центральной в разграничении рассматриваемого феномена от предоставления услуг по требованию, также причисляемых некоторыми авторами к категории распределенного пользования на основе «механического» родства процессов (через использование онлайн платформы, например).

¹ Hamari, J. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption / J. Hamari, M. Sjöklint, A. Ukkonen // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2016. – Vol. 67. – No. 9. – P. 2047-2059.

² The Sharing Economy - Consumer Intelligence Series. – NY : PricewaterhouseCoopers, 2015. – 30 p.

В ряде стран предприняты попытки нормативно-правового закрепления понятия «распределенное пользование». Так, определение, представленное Британской службой национальной статистики, описывает данные отношения как «распределенное использование не полностью задействованных активов посредством конкурентных P2P-транзакций, осуществляемых исключительно посредством цифровой платформы, позволяющее сторонам получить выгоду от использования данного актива за рамками его основного назначения»¹. При этом также акцентируется внимание на «непрофессиональном» характере участников транзакции и на обязательном цифровом способе взаимодействия.

Профессиональные участники рынка тоже не воздерживаются от определений. Согласно определению, предложенному швейцарской компанией STOXX, распределенное пользование представляет собой экономическую модель, основанную на получении, предоставлении или разделении доступа к товарам или услугам посредством общедоступных платформ. При этом ресурсы, доступ к которым обеспечивается посредством распределенного пользования, могут быть использованы неоднократно и востребованы на короткий промежуток времени, что обеспечивает экстенсивное и продуктивное использование не полностью задействованных ресурсов².

Всемирный Экономический Форум³ в качестве распределенного пользования обозначает всю совокупность организованных взаимодействий, в которых физические или юридические лица обмениваются с другими излишними активами или избыточной их мощностью, как правило за вознаграждение или в обмен на услуги.

Таким образом, можно выделить три особенности, которые отличают экономику распределенного пользования от традиционных рынков или от совместного использования активов локальными сообществами:

¹ Beck, P. The feasibility of measuring the sharing economy / P. Beck. – London : Office for National Statistics, 2017. – 48 p.

² STOXX index methodology guide (portfolio-based indices). – NY : STOXX, 2019. – 228 p.

³ Collaboration in Cities: From Sharing to “Sharing Economy”. – Geneva: World Economic Forum, 2017. – 28 p.

– использование цифровых технологий для стыковки покупателей и продавцов. Онлайн-платформы или торговые площадки могут обеспечивать точное измерение «избыточной мощности» в режиме реального времени и динамически связывать потенциальных пользователей актива с его владельцами;

– капитализация избыточной мощности. Владельцы актива могут использовать свои избыточные мощности, когда они не востребованы, для получения дополнительного дохода. Основные фонды, которые приобретаются с присущей им избыточной емкостью, можно коммерциализировать с использованием модели тайм-шеринга: каждый отдельный платеж за доступ к объекту намного меньше стоимости владения им, но совокупность всех платежей за период времени значительно ее превышает;

– репутационное отсеивание или допуск с гарантией репутации для сокращения транзакционных издержек позволяет действующим партнерам ограничивать расходы на проверку контрагента и ответственность, одновременно получая выгоду от совместного использования. Рейтинговые оценки, независимая проверка и страхование ответственности является наиболее распространенным способом установления такого доверия между пользователями и платформой, а также между самими пользователями.

Таким образом, сетевая форма организации регионального экономического пространства может способствовать развитию и распространению экономики распределенного пользования, повышая тем самым эффективность регионального имущественного комплекса. Для органов власти, ответственных за реализацию региональной экономической политики, «якорение» платформ распределенного доступа на территории соответствующего региона может стать эффективным ответом на вызовы, которые данный феномен, являясь разрушительной технологией, ставит перед рядом традиционных отраслей экономической специализации регионов.

Для действующих игроков в зрелых отраслях актуальная задача состоит в том, чтобы не потерять рынки сбыта под давлением множественных поставщиков, не обремененных расходами на поддержание своих инвестиций в

производственные или сбытовые мощности. Так, например, автомобильная промышленность признала экономику распределенного пользования одной из важнейших угроз и внедрила соответствующие изменения в свои бизнес-модели.

В эпоху распространения моделей бизнеса, основанных на распределенном использовании активами, большое количество новых моделей одного и того же продукта может стать угрозой, снижающей экономический потенциал воспроизводственной базы региона. Например, на фоне создания электронных торговых площадок и маркетплейсов производителям необходимо оценить потенциал объединения потребителей в одноранговой сети, что может подорвать ценность предлагаемой «традиционным бизнесом» услуги. Эти сети, скорее всего, появятся в сегментах, где продукты и услуги широко распространены, сопряжены с высокими постоянными затратами, но низкими предельными затратами и часто используются не на полную мощность. Сегменты автомобильного рынка и гостиничного бизнеса были одними из первых, кто столкнулся с одноранговыми сетями, но этот сетевой эффект одинаково жизнеспособен в отраслях, имеющих сходные характеристики. Если потенциал для такого сетевого эффекта существует, хозяйствующие субъекты, эксплуатирующие традиционные модели производства и сбыта, должны решить, быть ли им поставщиком или агрегатором – подключиться к имеющейся, управляемой кем-то другим, системе агрегирования заказов или развивать свою, зарабатывая на предоставлении доступа. В бизнес-модели P2P-взаимодействия по-прежнему есть профессиональный бенефициар – бизнес, который организует контакты посредством программной среды, разработанной и управляемой им, за пользование которой взимается процент с каждой транзакции.

Стратегия минимизации рисков или смягчения последствий тоже может иметь конструктивный эффект: поглощая нового участника, вступая в партнерские отношения с ними или инвестируя в них, традиционные бизнесы могут снизить риск со стороны экономики распределенного пользования и даже извлечь выгоду из нее, чтобы поддержать свой бизнес.

Ранний энтузиазм по поводу экономики распределенного использования, как считают Р. Ботсман и Р. Роджерс¹, был в значительной степени обусловлен ее ожидаемым вкладом в обеспечение устойчивого развития и сокращение неравенства. Предполагалось, что потребители не только получат дешевый доступ к вещам, арендуя или одалживая их у других, но и тем самым станут менее зависимыми от собственности. Результатом этого предполагалось сокращение совокупного выпуска новых товаров. С экономической точки зрения данное обстоятельство не несет в себе значительных выгод, за исключением возможности сокращения импорта, тогда как региональные товаропроизводители, в том числе ориентированные на национальный или внешние рынки, в таких условиях столкнутся с сокращением экономической эффективности. Наиболее значительный негативный эффект получают те регионы, в которых объем инвестиций в основной капитал товаропроизводителей был наибольшим.

Долгосрочная собственность на основные средства рассматривается как фактор конкурентоспособности и финансовой устойчивости предприятия, движущая сила роста капитализации. Тем не менее, долгосрочное владение основными средствами может рассматриваться как конкурентное преимущество только в случае их ликвидности или уникальности, иначе обладание активом подразумевает компромисс между затратами на владение и рисками невозможности использования актива. Означает ли это, что экономика распределенного пользования может способствовать устранению неравенства в распределении собственности?

По словам Л. Ричардсон, этого не произойдет: «Экономика распределенного пользования маскирует новые формы неравенства и поляризации собственности». Она приходит к выводу, что «распределенное пользование представляет собой очевидный парадокс, выступающий как часть капиталистической экономики и как альтернатива ей. Эта двойственность заставляет уделить внимание характеристикам экономики совместного использования ресурсов, поскольку она

¹ Botsman, R. What's Mine Is Yours – How Collaborative Consumption is Changing the Way we live / R. Botsman, R. Rogers. – NY: Harper Business, 2010. – 304 p.

является стимулом развития некоторых видов деятельности, одновременно способствуя деконструкции доминирующих сегодня практик»¹. К. Мартин идет глубже и заявляет, что деструктивный потенциал экономики распределенного пользования расширяется до создания нерегулируемых рыночных площадок, усиления неолиберальной парадигмы и развития нерегулируемого поля инноваций².

Тем не менее, Т. Пушман и Р. Альт описывают многочисленные положительные эффекты экономики распределенного пользования, которые включают экономию капитала, удобство для потребителей, экологические, репутационные, социальные и некоторые другие преимущества³. Они также выделяют деловые возможности для нынешних и потенциальных агрегаторов и посредников, способствующие росту общей занятости, обеспечивая дополнительную добавленную стоимость. Х. Хайнрихс добавляет, что экономика распределенного пользования обладает потенциалом для обеспечения нового пути к устойчивости⁴. К. Мартин развивает это, утверждая, что распределенное пользование – это экономическая возможность, более устойчивая форма потребления и путь к децентрализованной, справедливой и устойчивой экономике⁵.

Интернет расширяет круг потенциальных пользователей избыточной мощности конкретного актива, принадлежащего конкретному хозяйствующему субъекту, благодаря чему возникают новые экономические связи и происходит уплотнение социально-экономического пространства. Апологеты экономики распределенного пользования считают, что современное общество может противостоять расслоению, так как в противном случае можно ожидать, что владельцы активов будут иметь несколько иной социально-экономический профиль, нежели их потенциальные контрагенты – пользователи. Скорее всего,

¹ Richardson, L. Performing the sharing economy / L. Richardson // *Geoforum*. – 2015. – No. 67. – P. 121-129.

² Martin, C. J. The sharing economy: A pathway to sustainability or a nightmarish form of neoliberal capitalism? / C. J. Martin // *Ecological Economics*. – 2016. – No. 121. – P. 149-159.

³ Puschmann, T. Sharing economy / T. Puschmann, R. Alt // *Business & Information Systems Engineering*. – 2016. – Vol. 58. – No. 1. – P. 93-99.

⁴ Heinrichs, H. Sharing economy: A potential new pathway to sustainability / H. Heinrichs // *GAIA*. – 2013. – Vol. 22. – No. 4. – P. 228-231.

⁵ Martin C.J. Указ. соч.

владельцы дорогостоящих активов, передаваемых в распределенное пользование, будут представлены более крупными предприятиями, а пользователи – более мелкими.

Данное обстоятельство может выступать в равной степени фактором усиления пространственной однородности и фактором нарастания имущественной дифференциации. В частности, хозяйствующими субъектами, получающими наибольшую выгоду от экономики распределенного пользования, являются владельцы активов, формирующих региональный имущественный комплекс. Сравнительно малочисленные обладатели основного капитала получают возможность присвоения дополнительного рентного дохода от предоставления свободных мощностей во временное пользование более многочисленным субъектам, не обладающим таким капиталом. В результате у первых будет формироваться ресурс для реинвестирования, наращивания и модернизации имущественного базиса, тогда как вторые будут демотивированы к осуществлению инвестиций. Результатом станет нарастание имущественной дифференциации, что получило название эффекта Пикетти¹, и локальная гиперконцентрация активов.

Основываясь на широкой трактовке региональной собственности, можно обозначить еще один класс бенефициаров экономики распределенного пользования – индивидов, чей имущественный базис также может стать источником дополнительных экономических эффектов, как в традиционном измерении (ВРП, налогооблагаемая база), так и в измерении стоимости. По мнению Дж. Шор², рост экономики, обеспечиваемый интернет-платформами, опосредующими распределенное пользование активами, ведет к увеличению неравенства среди 1-8 децильных групп населения, «поскольку высокообразованные поставщики используют рыночные возможности, которые когда-то были уделом рабочего класса с более низким уровнем образования».

¹ Piketty, T. About capital in the twenty first century / T. Piketty // American Economic Review. – 2015. – Vol. 105. – No. 5. – P. 48-53.

² Schor, J. B. Does the sharing economy increase inequality within the eighty percent?: Findings from a qualitative study of platform providers / J. B. Schor // Cambridge Journal of Regions Economy and Society. – 2017. – Vol. 10. – No. 2. – P. 263-279.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что пользователи активов на основе принципов распределенного владения выигрывают за счет экономии на издержках, более низких цен и большего разнообразия, тогда как параллельно с этим нарастает экономическое неравенство, обусловленное более динамичным ростом благосостояния обладателей имущества. Чем плотнее сеть взаимодействий, тем более динамичными рискуют стать такие процессы.

Среди очевидных преимуществ экономики распределенного пользования как организационно-экономического механизма управления региональной собственностью для отдельных хозяйствующих субъектов выделяют снижение операционных издержек и рост фондоотдачи. Тем не менее, в масштабе региона положительный экономический эффект уже не такой очевидный.

Во-первых, рост P2P-сегмента будет иметь косвенные последствия для других рынков. Например, «традиционные» предприятия и их работники на смежных рынках рискуют столкнуться с сокращением доходов.

Во-вторых, распределение дополнительных доходов с высокой долей вероятности будет несправедливым: платформы распределенных транзакций характеризуются сильными экстерналиями сетевых взаимодействий, что создает тенденцию к естественной монополизации и позволяет платформе взимать высокую комиссию. Например, рейтингование экономических субъектов, востребованное с позиции снижения транзакционных издержек, связанных с риском, обеспечивает значительную часть стоимости платформы, хотя само по себе продуктом платформы не является. В отсутствие такого технологического решения распределенное пользование было бы сопряжено со сравнительно более высокими транзакционными издержками на верификацию субъекта и обеспечение возвратности и платности временного пользования активом, что в целом подрывало бы массовость данного феномена. Ужесточение требований регулятора к процессу выбора контрагентов (например, политика KYC – “know your customer” – «знай своего клиента») ограничивает спектр бизнес-контактов транзакциями с «проверенными» субъектами. Таким образом, распределенное использование одного и того же объекта несвязанными экономическими субъектами влечет за

собой более высокую степень риска, что накладывает специфический отпечаток на функциональность отдельных платформ распределенного пользования и дает пищу для дискуссий относительно новых форм дискриминации. При этом современные цифровые платформы способны сделать распределенное пользование активами менее рискованным и более привлекательным благодаря инструментам идентификации контрагента, а также средствам монетизации деловой репутации экономического субъекта.

Следовательно, благодаря сетевым платформам распределенного пользования как перспективного организационно-экономического механизма управления региональной собственностью, стало возможным снижение транзакционных издержек, связанных с рисками взаимодействия с акторами извне привычной сети бизнес-контактов: затраты на поиск информации и на само взаимодействие могут стать намного ниже, производителям будет гораздо проще находить нужных им обладателей активов или поставщиков услуг, а операции регулируются с помощью стандартных контрактов и систем онлайн-платежей. Кроме того, на большинстве платформ распределенного пользования информация о прошлом поведении и, следовательно, надежности экономических субъектов является поставляемой по умолчанию, что дополнительно снижает операционные издержки и минимизирует риск.

ГЛАВА 3 ОЦЕНКА ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

3.1 Анализ результатов влияния трансформации отношений собственности на экономическое пространство региона

Сложность отношений собственности обусловлена многокомпонентным их составом, что продиктовано изменениями в теории и на практике, происходящими на протяжении последних двух десятилетий: такие тренды, как глобализация, с одной стороны, и поляризация и дезинтеграция, с другой стороны, определяют возникновение новых институтов собственности на базе их взаимопересечения, мутации под воздействием новых факторов и информационных потоков, переосмысления роли материальных и нематериальных активов в обеспечении социально-экономического развития. На этом фоне актуализируется вопрос пересмотра критериев и параметров эффективности взаимодействия между представителями государственного и частного секторов, равно как и задача выбора оптимальной формы и способа реализации такого взаимодействия.

Достижение результата было обеспечено посредством выполнения многоступенчатого эмпирического исследования эффективности региональных имущественных комплексов, реализованного в соответствии с представленным на рисунке 3.1 алгоритмом: оценка эффективности регионального имущественного комплекса, выполненная в рамках традиционного подхода, соотносится с результатами анализа целевых ориентиров управления пространственным развитием и проверяется гипотеза о необходимости развития методологии управления региональным имущественным комплексом за счет включения нового критерия экономической эффективности.

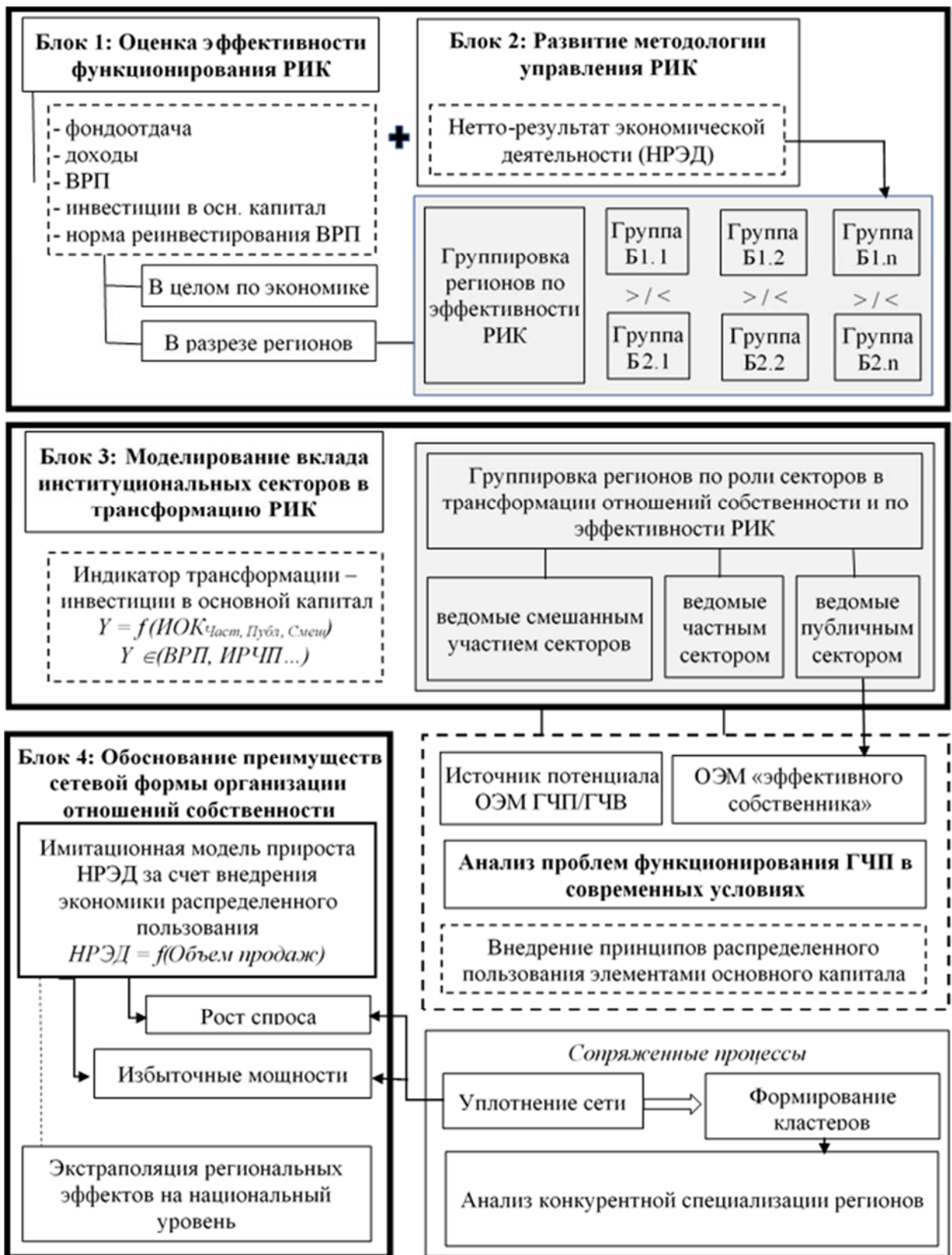

Рисунок 3.1 – Алгоритм эмпирического исследования

Последующий анализ предполагал тестирование организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью на предмет

их вклада в обеспечение решения народнохозяйственной проблемы повышения эффективности управления региональной собственностью, влекущей за собой ускорение темпов социально-экономического развития российских регионов.

На первом этапе целесообразно рассмотреть материально-вещественный состав регионального имущественного комплекса и выделить основные направления его изменения.

С точки зрения динамики воспроизводства имущественного комплекса в целом, следует отметить вполне естественную для материально-вещественной компоненты национального богатства структуру, в которой преобладает недвижимость: по состоянию на конец 2018 г.¹ здания и сооружения формировали 78,8 % основного капитала (86,6 % в конце 2011 года). Нежилая недвижимость формировала 15,4 % основного капитала, а жилая – 39,6 %, при том что технологический базис – машины и оборудование (без транспортных средств) – формировал лишь 11,9 % основного капитала (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1 – Распределение удельных весов отдельных категорий основного капитала Российской Федерации в 2011 г. и в 2018 г.²

Виды основных средств	2011 г., % к итогу	2018 г., % к итогу	Темп прироста стоимости 2018 / 2011 г., %
Недвижимое имущество, в т.ч.	86,6	78,8	50,6
жилые здания	46,1	39,6	42,2
нежилые здания	15,7	15,4	62,3
сооружения	24,8	23,7	58,7
машины и оборудование	8,8	11,9	123,5
транспортные средства	2,6	4,3	170,2
прочие виды основного капитала	2,0	5,0	326,4

¹ Опубликованы в июле 2020 г. – наиболее актуальные данные на конец 2020 года.

² Баланс активов и пассивов и счета накопления в части основного капитала [Электронный ресурс]. – М. : Росстат, 2020. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRKdz9r1/bap_osn.htm (дата обращения: 02.12.2020)

С позиции увеличения стоимости прослеживается ускоренная динамика в части машин и оборудования, удельный вес которых в основном капитале увеличился на 3,1 п.п. за 7 лет. При этом прочие виды основного капитала наращивали свою стоимость еще более быстрыми темпами, что заставляет обратиться к исследованию данных об объемах и структуре инвестиций в основной капитал в разрезе российских регионов.

За 2012-2018 гг. совокупная стоимость основного капитала увеличилась на 50,6 %. Наименее динамичным был рост стоимости недвижимого имущества, тогда как стоимость машин и оборудования увеличилась на 123,5 %, а прочие виды основного капитала продемонстрировали практически четырехкратный рост. Динамика стоимости основных фондов (по полной учетной стоимости) позволяет сделать вывод о несоразмерном с валовым региональным продуктом (суммарным по всем регионам) их увеличении: на конец 2018 г.¹ по сравнению с данными за 2011 год суммарный ВРП российских регионов (без учета Республики Крым и г. Севастополя) в текущих ценах увеличился на 86,2 %.

Тем не менее, в разрезе субъектов федерации ситуация не выглядит столь равномерно распределенной: семилетний относительный прирост ВРП варьируется в интервале от 33,6 % (Амурская обл.) до 220,6 % (Астраханская область), тогда как темпы прироста стоимости основных фондов разбросаны более широко – от снижения на 5,9 % (Иркутская область) до роста на 201,4 % (Сахалинская область).

Анализ данных о проценте прироста ВРП, приходящемся на 1 % прироста стоимости основных фондов, позволяет утверждать, что за 2011-2017 гг. в 56 регионах имел место рост ВРП, опережающий динамику стоимости основных фондов, что может указывать на интенсивную их эксплуатацию, особенно в тех случаях, когда темп прироста ВРП превышает темп прироста основных фондов в 2 раза и более: Ярославская обл., Иркутская обл., Тамбовская обл., Костромская обл., Алтайский край и Респ. Северная Осетия – Алания.

¹ Наиболее актуальные данные на конец 2020 года.

Наиболее производительное использование основных фондов отмечается в Омской и Воронежской областях, а также в г. Санкт-Петербурге, где в 2017 г. на один рубль основных фондов было произведено 0,63, 0,61 и 0,59 р. ВРП соответственно.

Одним из индикаторов трансформации отношений собственности можно рассматривать величину и эффективность частных и государственных инвестиций в основной капитал, поскольку описываемый данным показателем процесс определяет динамику создания или обновления воспроизводственного базиса региональной экономической системы, а от достаточности и своевременности капиталовложений зависит эффективность и производительность всего регионального имущественного комплекса в краткосрочной и долгосрочной (стратегической) перспективе.

Данные об объемах инвестиций в основной капитал в разрезе видов основных фондов позволяют оценить степень и характер изменений в развитии регионального имущественного комплекса на заданном временном отрезке и соотнести полученные сведения с известными макроэкономическими процессами, которые имели место в тот период.

При этом особенности статистического учета инвестиций в материальные активы накладывают определенный отпечаток на те периоды и те регионы, где успешно завершилась реализация крупных инфраструктурных проектов (например, строительство моста в Крым, порта и газового терминала Собетта и т.д.). В таком случае очевидным становится вопрос об измерении роли и вклада собственно субъекта Российской Федерации в развитие имущественного базиса территории.

Сравнивая изменения в видовой структуре инвестиций в основной капитал, необходимо отметить относительную ее стабильность: инвестиции в нежилые здания и сооружения в 2017 г. формируют наибольшую долю капиталовложений – 43,8 %, что в 1,3 раза превышает объем инвестиций в машины, оборудование и транспорт (33,7 %), удельный вес которых с 2005 г. сокращался с 41,1 % до 33,7 % совокупного объема (см. рис. 3.2).

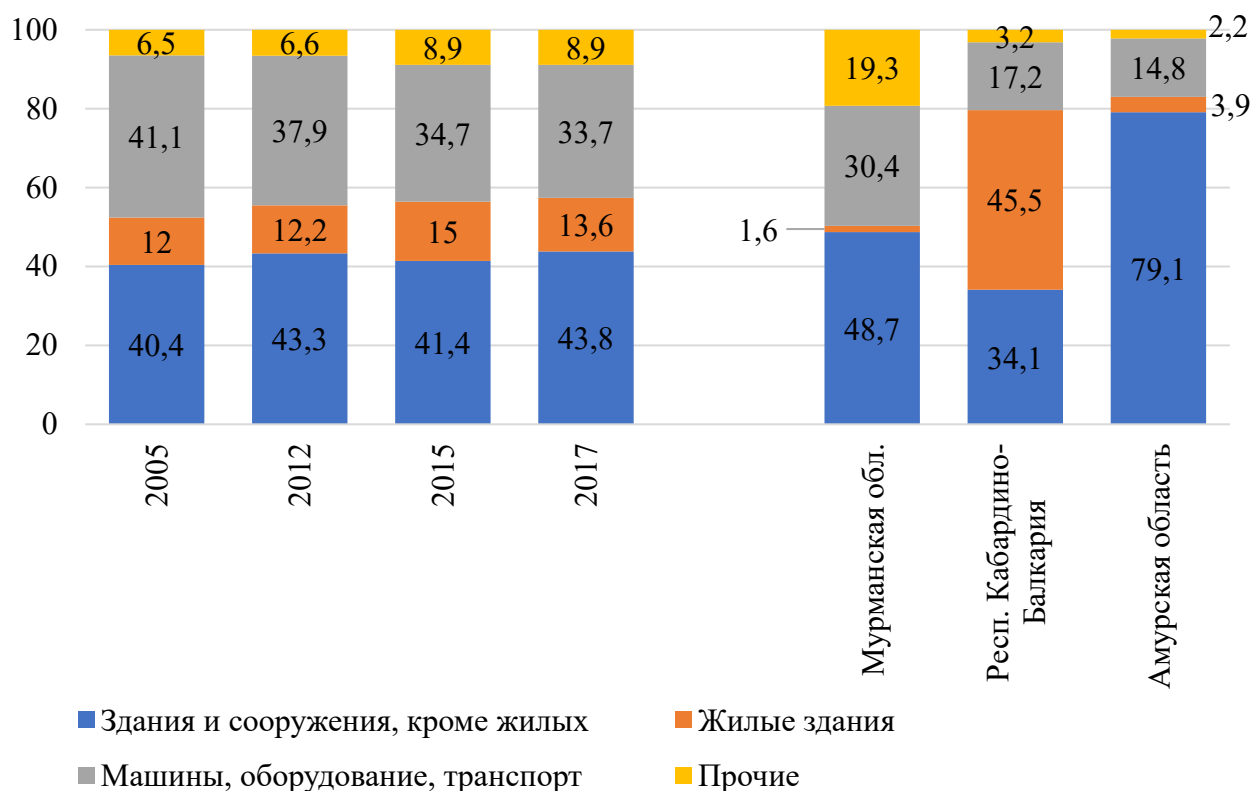

Рисунок 3.2 – Структура инвестиций в основной капитал по видам основных фондов в Российской Федерации (слева) и в некоторых регионах в 2017 г., % от общего объема инвестиций¹

В разрезе регионов наблюдается значительная вариация видовой структуры инвестиций в основной капитал. Так, по данным 2017 г., доля инвестиций в нежилые здания и сооружения имела разброс значений в интервале от 23,0 % (Ивановская обл.) до 79,1 % (Амурская область). Минимальная доля инвестиций в машины и оборудование в 2017 г. отмечена в Чеченской респ. (9,2 %), Респ. Калмыкия (12,1 %) и Ненецком Автономном округе (13,0 %), тогда как максимальный удельный вес таких вложений отмечен в Мурманской обл. (57,6 %), Кемеровской обл. (57,4 %), Респ. Карелия (53,7 %) и в Брянской обл. (52,7 %).

¹ Инвестиции в основной капитал по полному кругу хозяйствующих субъектов [Электронный ресурс]. – М.: ЕМИСС, 2020. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/59047> (дата обращения: 02.12.2020)

В определенной степени видовая структура вложений зависит от фактического состояния наличного имущественного комплекса, его видовой и функциональной структуры. Тем не менее, разброс приоритетов в части видовой принадлежности представляет собой косвенную характеристику уровня развития деловой активности в заданном субъекте Российской Федерации, его конкурентоспособности и степени интенсивности эксплуатации регионального имущественного комплекса.

Наиболее сбалансированный по видам вложений объем инвестиций в основной капитал (минимальное значение коэффициента НИИ) в 2017 году зафиксирован в Респ. Дагестан (НИИ = 2602), Томской обл. (НИИ = 2757) и в Респ. Алтай (НИИ = 2840). Наименее сбалансированная ситуация наблюдается в Амурской и Новгородской областях (НИИ = 6498 и 5481 соответственно), а также в Ямало-Ненецком автономном округе (НИИ = 6375).

С другой стороны, более значимым является вопрос не количества инвестированного капитала, а степень качественного замещения и модернизации воспроизводственного базиса в результате вытеснения неэффективных технологий более эффективными.

Для оценки степени и характера пространственных изменений необходимо рассмотреть динамику структуры инвестиций в основной капитал в разрезе основных форм собственности в Российской Федерации в целом в долгосрочной ретроспективе, охватывающей весь этап новейшей экономической истории страны. Данные на рис. 3.3 иллюстрируют ключевые структурные изменения ролей соответствующих субъектов в создании, развитии и модернизации воспроизводственного базиса и потенциала национальной экономики.

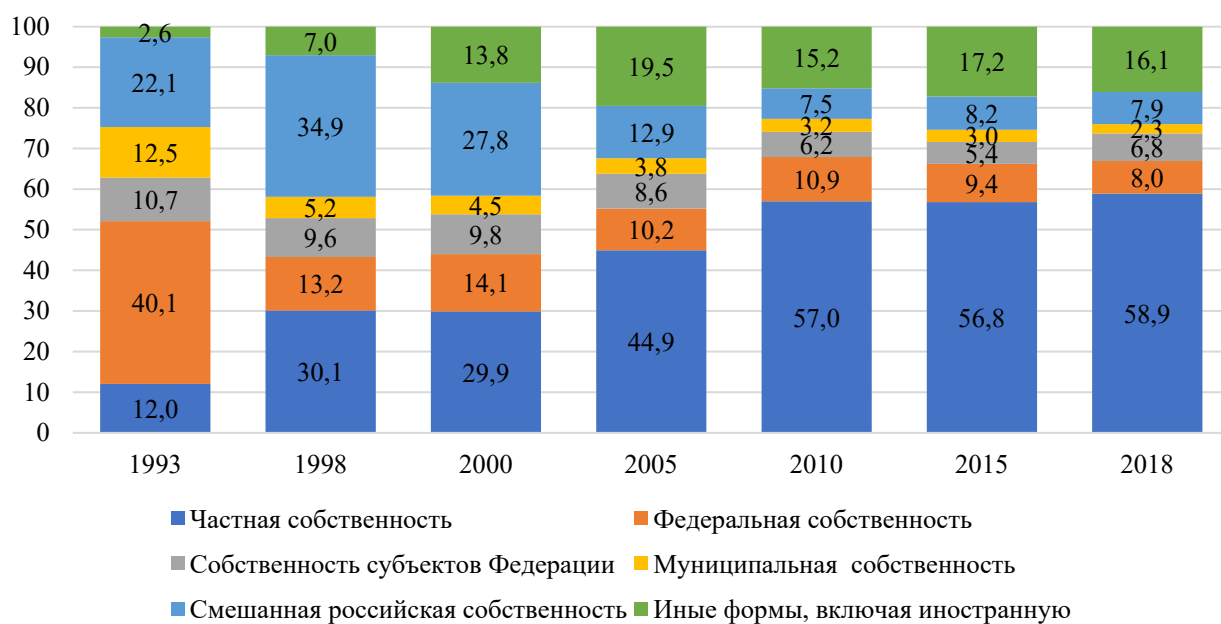

Рисунок 3.3 – Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности в РФ в отдельные периоды 1993-2018 гг.

Представленная диаграмма позволяет сделать ряд выводов, характеризующих динамику процесса трансформации отношений собственности в Российской Федерации. Так, налицо увеличение доли частной собственности в инвестиционном процессе, которое продолжалось вплоть до 2010 г., когда наступила некоторая стабилизация вокруг достигнутых значений: за 17 лет удельный вес частного сектора в осуществлении инвестиций в основной капитал вырос с 12,1 % в 1993 г. до 58,9 % в 2018 г. На этом фоне происходило соразмерное сокращение значимости субъектов федеральной собственности, вклад которых в совокупный объем капитальных вложений сократился с 40,1 % в 1993 г. до 10,9 % в 2010 г. и далее до 8,0 % в 2018 г.

Примечательна не очень значительная роль субъектов Российской Федерации в инвестиционном процессе на всем протяжении рассматриваемого периода. Субъекты региональной собственности, рассматриваемой в традиционном – узком смысле, обеспечивали не более 10,7 % (в 1993 г.) инвестиций в основной капитал, а их вклад стабильно снижался вплоть до 2015 г., когда на долю региональной собственности приходилось 5,4 % совокупного

объема инвестиций в основной капитал. Очевидно, что субъекты федерации, как и муниципалитеты, никогда не принимали значимого участия в инвестиционном процессе, что обусловлено спецификой видовой структуры принадлежащего им имущества. Следует отметить, что актуальная трактовка региональной собственности с точки зрения управления ею заключается в ее отождествлении с региональным имущественным комплексом, то есть включает все объекты имущества, расположенные на территории региона, вне зависимости от их номинального собственника.

Другой значимый тренд, который становится все более очевидным, заключается в сокращении доли смешанной российской собственности в совокупном объеме инвестиций в основной капитал, что свидетельствует о продолжающемся процессе «размежевания» форм собственности, в том числе в пользу новых форм выстраивания отношений между различными субъектами, основанных на сетевых взаимодействиях, прообразом которых является государственно-частное партнерство и его производные. Концептуальные основы формирования таких механизмов, основанных на сетевых принципах, нашли отражение в работах Г.Ю. Гагариной¹, которая выделяет две группы способов их организации, которые можно охарактеризовать как «кооперация» и «синдикация».

Представленные на рис. 3.3 данные характеризуются значительным эффектом усреднения, который обеспечивается масштабной вариацией субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития, условиям хозяйствования, ресурсной обеспеченности, уровню развития социального капитала и человеческого потенциала и т.д. Существующая асимметрия регионального развития проявляется и в распределении регионов по удельному весу публичного и частного секторов в совокупном объеме инвестиций в основной капитал. Так, доля частного сектора имеет разброс от 12,6 % до 89,1 % (см. рис. 3.4).

¹ Гагарина, Г. Ю. Сетевые структуры и их роль в формировании и развитии пространственной интеграции экономики регионов / Г. Ю. Гагарина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – № 5 (44). – С. 18.

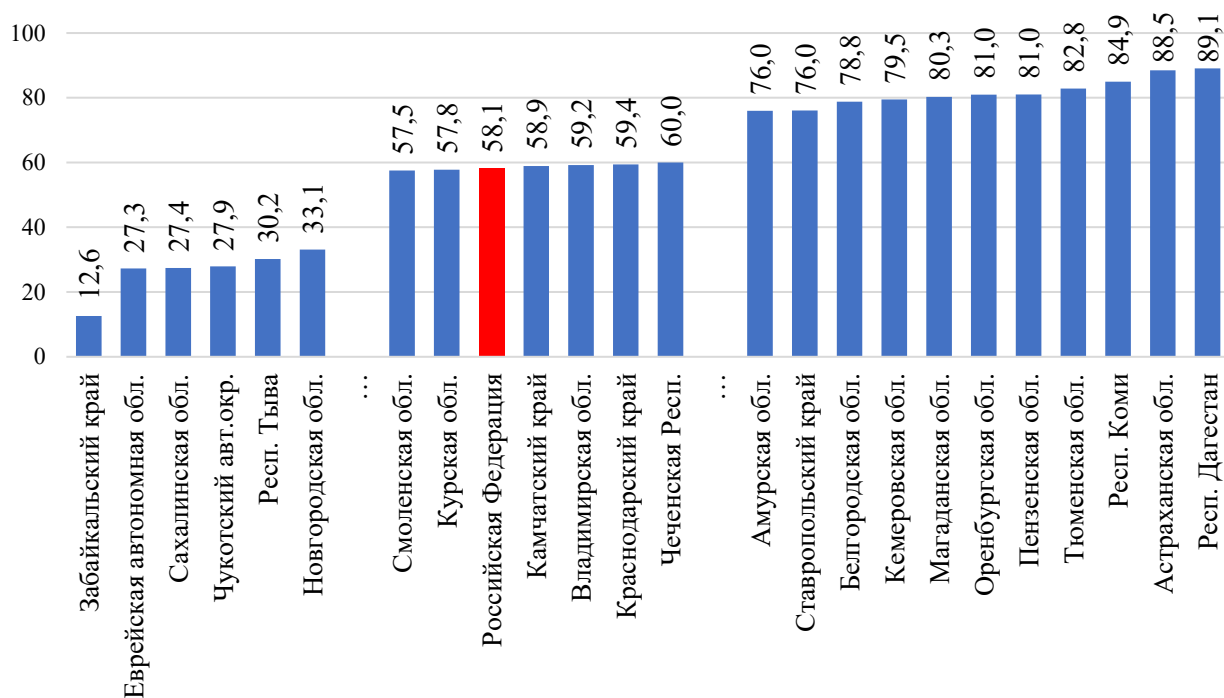

Рисунок 3.4 – Распределение субъектов Российской Федерации по доле частного сектора в совокупных объемах инвестиций в основной капитал в 2017 г., % (выборочно)

Очевидно, что вклад частного сектора в инвестиционную активность в разрезе регионов неоднозначен: в 4 субъектах РФ доля частного сектора в инвестициях является минимальной (в 2 и более раза ниже среднего по России показателя), тогда как в одиннадцати регионах доля частного сектора в совокупном объеме инвестиций в основной капитал превышает 75 %.

Вклад субъектов федеральной собственности не менее диверсифицирован: от 0,14 % в Ненецком автономном округе до 49,4 % в Новгородской области. Аналогичным образом складывается ситуация в части удельного веса капитальных вложений, осуществленных со стороны организаций, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации: от 0,66 % в Ямало-Ненецком автономном округе до 24,65 % в Респ. Тыва.

При этом, как можно судить по данным о среднедушевом ВРП, очевидных зависимостей между результативностью социально-экономического развития региона и вкладом частного сектора в совокупный объем инвестиций в основной

капитал не наблюдается. При этом, как отмечают Л.С. Архипова и Г.Ю. Гагарина, «сбалансированность пространственного развития характеризует степень зависимости между темпами роста инвестиций в основной капитал и динамикой ВРП в регионах»¹.

Если «серединные» с точки зрения доли частных инвестиций регионы – Камчатский и Красноярский край – также близки к среднему значению ВРП на душу населения, то среди «аутсайдеров» по среднедушевому ВРП есть регионы как с доминирующей долей частных инвестиций (Респ. Дагестан, Пензенская обл.), так и регионы с незначительным вкладом частного сектора (Забайкальский край, Еврейская авт. обл.). В этой связи можно сформулировать предположение, что пересчет сумм инвестиций в основной капитал в среднедушевое представление позволит получить иные данные.

На протяжении рассматриваемого периода инвестиции в основной капитал в российских регионах последовательно увеличивались в суммарном выражении, тогда как межрегиональная дифференциация сохранялась и даже увеличивалась. С точки зрения задач настоящего исследования больший интерес представляет эволюция вклада институциональных секторов в обеспечение воспроизводства посредством инвестиций в основной капитал.

Конец XX века характеризовался значительным уровнем огосударствления экономики, который, тем не менее, стремительно уменьшался. Так, если в 2000 г. на один рубль инвестиций государственного сектора приходилось 1,24 р. частных инвестиций, то в 2018 г. – уже 3,44 р., что указывает на кардинальное изменение ролей двух секторов. Рост в указанных секторах также был несоразмерным: инвестиции публичного сектора в 2018 году превысили величину 2000 года в 9,2 раза, тогда как частные выросли в 30 раз.

Региональный разрез количественных характеристик объемов инвестиций в основной капитал различных институциональных секторов интересен именно в части относительного перераспределения ролей этих секторов.

¹ Архипова, Л. С. Пространственная дифференциация регионов РФ и их конкурентоспособность / Л. С. Архипова, Г. Ю. Гагарина // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. – 2015. – Т. 25. – № 2-4. – С. 20.

Для относительной оценки ролей секторов был использован ограниченный набор данных (рассматривались только инвестиции частного, публичного и смешанного российского сектора) и метод простого рейтингования, согласно которому соответствующий сектор получал ранг «1», если для заданного региона объем инвестиций в основной капитал в соответствующем периоде был наибольшим из трех секторов (соответственно, ранг «3» проставлялся сектору при наименьшем значении объема инвестиций в заданном периоде).

Количественные характеристики распределились следующим образом: в 2000 году частный сектор лидировал по объему инвестиций в основной капитал лишь в 25 субъектах федерации, а в 23 регионах – уступал и публичному, и смешанному секторам. При этом в инвестициях 45 российских регионов лидировал публичный сектор, наименьшая значимость которого была на тот момент зафиксирована всего в 11 субъектах, в числе которых г. Москва, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа, Республика Коми, а также регионы со «слабым» бюджетом – Волгоградская, Орловская, Оренбургская области.

В 2017 году 74 региона имели на первом месте частный сектор, тогда как государственный сектор лидировал в 11 субъектах федерации (Амурская, Архангельская, Калининградская, Мурманская, Новгородская области, Республики Бурятия, Ингушетия и Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ; в 2000 г. – те же регионы, за исключением Амурской и Калининградской областей).

С точки зрения изменений, произошедших за рассматриваемый период, трансформация отношений собственности сказалась значительно на пропорциях частного и публичного секторов: роль частного сектора выросла в 55 регионах (повышение ранга), тогда как снизилась лишь в одном (Калининградская обл.). Публичный сектор потерял свои позиции в 41 субъекте федерации, тогда как удержал позиции в 37 регионах (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2 – Изменение рангов частного и публичного сектора за 2000-2017 гг. по показателю абсолютной величины инвестиций в основной капитал в соответствующем регионе

	Частный сектор	Публичный сектор
Ранг не изменился	29	37
Ранг повысился	55	7
Ранг понизился	1	41

Представляет интерес и постоянство состава регионов, в которых лидируют инвестиции частного или публичного секторов. Так, публичный сектор сохранил лидерство всего в 9 субъектах РФ и «подтвердил» наименьший вклад в 5 регионах – Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Тюменская область (без автономных округов) и Респ. Коми (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3 – Матрица постоянства состава регионов по рангам частного и публичного секторов в объеме инвестиций в основной капитал соответствующего региона

Публичный сектор				Частный сектор					
		Ранг в 2017 г.					Ранг в 2017 г.		
		1	2	3			1	2	3
Ранг в 2000 г.	1	9	32	4	Ранг в 2000 г.	1	24	1	0
	2	2	22	5		2	32	5	0
	3	0	5	6		3	18	5	0
Примечание – Ранг «1» соответствует наибольшему количеству инвестиций, «3» – наименьшему									

Частный сектор отмечен постоянным рангом в 29 регионах, в том числе в 24 регионах частные инвестиции имели высший ранг как в 2000 г., так и в 2017 г. Всего в одном случае (Калининградская обл.) частные инвестиции утратили один ранг к 2017 г., тогда как радикальные институциональные трансформации гораздо более распространены: за 2000-2017 гг. со второго на первое место частные инвестиции поднялись в 32 регионах, а с третьего на первое – в 18 регионах.

Связь инвестиционной деятельности с управлением региональной собственностью очевидна. Даже в рамках традиционного понимания процесса управления имущественным комплексом уместным представляется экономически оправданное стремление хозяйствующих субъектов обеспечить воспроизводственный базис на среднесрочную и долгосрочную перспективу, что и достигается посредством инвестиций в основной капитал. Следовательно, такое проактивное управление региональной собственностью позволяет обеспечивать значительно больший социально-экономический эффект, хотя и отложенный во времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что произошедшее за два с половиной десятилетия перераспределение инвестиционной активности между частным и публичным секторами экономики обеспечило не только номинальную трансформацию отношений собственности, заключающуюся, прежде всего, в институциональных преобразованиях, но и фундаментальное перестроение воспроизводственного базиса экономики регионов.

3.2 Анализ целевых ориентиров управления региональной собственностью в современной системе пространственного развития Российской Федерации

Управление региональным имущественным комплексом подчинено ряду обобщенных целей, которые на высшем уровне стратегического управления консолидируются в обеспечение высокого уровня и качества жизни населения. Однако детализация этих целей, а также их операционализация на региональном уровне, как было показано ранее, не может быть универсальной, что требует идентификации надлежащих ориентиров управления в существующей парадигме.

Соглашаясь с тезисом о том, что воспроизводственный базис социально-экономического развития формируется посредством инвестиций в основной капитал, осуществляемых собственниками за счет средств из различных

источников, необходимо поставить вопрос о целерациональности таких инвестиций: не всякое вложение и не во все объекты является стратегически востребованным, равно как и не каждый субъект выступает эффективным собственником (в логике организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью, предполагающих разграничение частного и публичного секторов). Классическая постановка задачи оценки эффективности инвестиций формулируется следующим образом: вложения в основной капитал экономически целесообразны, если они обеспечивают формирование положительной величины чистого приведенного денежного потока. Проведенный анализ показал, что используемые показатели не обеспечивают возможности контроля экономической целесообразности. Это означает, что часть капиталовложений, осуществленных в регионах, не соответствует критерию экономической эффективности. Так, российские регионы характеризуются различным уровнем инвестиционной активности. Различия проявляются как в материально-вещественной форме объектов собственности, в создание и развитие которых осуществляются инвестиции, так и в институциональной принадлежности хозяйствующих субъектов – инвесторов и поставщиков капитала. При этом не все регионы демонстрируют поступательные темпы роста валового регионального продукта, что позволяет сформулировать два вопроса:

- насколько оправданной является сложившаяся структура инвестиций и насколько она соответствует целям социально-экономического развития;
- насколько адекватными и информативными являются используемые измерители экономической эффективности регионального имущественного комплекса.

Таким образом корректное целеполагание должно обеспечивать согласование трех, как минимум, переменных: субъект инвестирования, объект инвестирования и приоритет инвестирования. Разумеется, определенная инерционность и зависимость от предшествующего развития (*path dependence*) накладывают отпечаток на специфику мер, способствующих выбору приоритетов в эксплуатации и развитии регионального имущественного комплекса. Однако в

большей степени критичным является следование доведенным с федерального уровня приоритетам, отраженным в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, принятой лишь в начале 2019 года, а до тех пор – представленных в разноуровневых документах системы стратегического планирования, составляющих каркас системы программно-целевого управления социально-экономическим развитием.

Практика применения концепции программно-целевого управления социально-экономическим развитием регионов в значительной мере разделила достижение целей и промежуточных результатов на государственный сектор в широком представлении (включая государственные компании) и частный сектор. В таких условиях именно публичные образования выступали проводниками государственной политики, тогда как частный сектор был вынужден подстраиваться под складывающуюся конъюнктуру. При этом прогнозы социально-экономического развития с точки зрения хозяйствующих субъектов рассматривались как не более чем информационное пособие, а возможности государственного сектора в логике данной концепции управления были ограничены рамками бюджета и бюджетной дисциплиной. По мере исчерпания сформированных ранее импульсов поступательного роста и развития бюджетные ограничения сделали актуальной проблему выбора приоритетов, наиболее острое восприятие которой было отмечено на уровне регионов.

Также необходимо отметить, что бизнес, особенно средний и крупный, решая задачи повышения своей эффективности и конкурентоспособности, вполне закономерно начал предъявлять запрос на предсказуемую конъюнктуру и, главное, на некоторые гарантии достижения обозначенных в прогнозах социально-экономического развития показателей. В практической плоскости это означает, что среднесрочные и долгосрочные прогнозы не сбываются (часто пересматриваются), а значит изменяются и характеристики макросреды, учитываемые бизнесом при построении долгосрочных бизнес-планов. В общей логике ухудшение экономического прогноза приводит к сокращению бюджета, урезанию

(приостановке) финансирования программ и, как следствие, к изменению заложенных в планы показателей.

В этом контексте зрения представляется оправданным тезис, согласно которому индикативное планирование позволяет осуществить рефрейминг макроэкономического планирования из логики «вероятно» в логику «скорее всего», то есть сделать прогнозы управляемыми, а значит и цели – достижимыми. Иными словами, требуется обеспечить действенное целенаправленное вмешательство в усматриваемую с сегодняшних позиций динамику развития процесса: если прогнозируемые состояния желательны, то необходимо принять меры для сохранения тенденций или недопущения изменений, в противном случае цель какой-либо государственной программы будет формулироваться как недопущение существующего прогноза и рассматриваться как элемент нормативного, а не поискового прогнозирования.

Не менее востребованным на региональном уровне является расширение операционного горизонта прогнозов и планов до 10 лет и более, что в логике существующей системы макроэкономического планирования является сверхдолгосрочной перспективой, подлежащей регулярному пересмотру.

Современный программно-целевой подход, таким образом, содержит в себе компоненты индикативного планирования, что просматривается в логике его реализации: основные показатели закладываются в документах целеполагания (стратегии, концепции), возможность их реализации детализируется прогнозом и раскрываются в государственных программах всех уровней в виде набора индикаторов, показателей и мероприятий по их обеспечению. Однако значимая проблема управления региональным имущественным комплексом заключается в том, что интересы частного сектора в документах стратегического планирования учитываются во многом декларативно, хотя часть задач, стоящих перед региональными органами государственной власти, передается в ведение частного сектора в рамках механизмов государственно-частного партнерства и контрактации.

Следовательно, адаптация программно-целевого подхода к логике управления пространственным развитием Российской Федерации предполагает выделение приоритетных видов экономической деятельности (см. «Перечень перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации» в Стратегии пространственного развития Российской Федерации) для заданного региона. Каждая специализация может рассматриваться как императив при формулировании вектора развития регионального имущественного комплекса: именно данный вид экономической деятельности должен стать центром притяжения инвестиций в основной капитал, источником поступательных импульсов роста деловой активности и базисом воспроизводственного механизма экономики данного региона.

Такой подход «директивного назначения» источников экономического роста может иметь положительные результаты в ряде регионов, где роль государственного сектора (включая муниципальный) в финансировании инвестиций в основной капитал является главенствующей. Однако в ряде отечественных и зарубежных исследований доказан перспективный характер альтернативного подхода: в качестве перспективных видов экономической деятельности выделяются те, в отношении которых у региона имеется конкурентная специализация и на базе которых могут быть сформированы плотные предпринимательские сети (кластеры), характеризующиеся высоким уровнем деловой активности.

Представляется целесообразным идентифицировать виды экономической деятельности, специализация на развитии которых позволит регионам обеспечить опережающие темпы социально-экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для этого реализован следующий исследовательский алгоритм:

1. оценка степени локализации видов деятельности в соответствующих регионах (отношение удельного веса данной отрасли в структуре ВРП региона к удельному весу той же отрасли в валовой добавленной стоимости экономики в

целом), что позволит обосновать базис их конкурентного развития на среднесрочную и долгосрочную перспективы;

2. оценка эффективности региональной производственной системы в отраслевом разрезе, которая позволит установить виды экономической деятельности, на основе которых может формироваться стратегическая конкурентоспособность регионов;

3. разработка методики определения конкурентной специализации регионов позволит оценивать тесноту конкурентного поля в соответствующих отраслях и регионах, установить источник конкурентных преимуществ региона и выявить те сферы деятельности, которые обладают наибольшим конкурентным потенциалом, развивая которые регионы могут укрепить и реализовать свой конкурентный потенциал;

4. выявление регионов, обладающих конкурентной специализацией, конкурентоспособность которых наиболее чувствительна к изменениям параметров инновационного развития, в сочетании с отраслями, имеющими наибольший конкурентный потенциал, позволит установить, в каких именно сферах деятельности и в каких регионах активизация инновационного развития будет иметь наибольший эффект с точки зрения обеспечения стратегической конкурентоспособности субъектов Российской Федерации.

Оценка уровня конкурентоспособности регионов должна строиться на применении таких показателей как коэффициент локализации, душевого производства, региональной товарности, специализации региона на данной отрасли, эффективности производства. Представленные коэффициенты могут принимать различные значения, интерпретация которых вполне однозначна: значения от единицы и выше могут указывать на наличие в регионе базиса для формирования кластера, основой которого станет отрасль конкурентной специализации, имеющая адекватный конкурентный потенциал.

Разброс значений коэффициента локализации (см. Приложение А) позволяет сделать ряд выводов. Большинство регионов по данному показателю в среднем сбалансировано, то есть соотношение удельного веса отраслей в ВРП данного

региона примерно соответствует удельному весу данной отрасли в суммарном ВРП и численно близко к единице. Иными словами, применительно к большинству случаев нет оснований утверждать, что регион очевидно специализируется на какой-либо отрасли. Тем не менее, в ряде регионов значения среднего коэффициента локализации значительно выше единицы, что заставляет рассмотреть более детально распределение коэффициентов локализации в разрезе регионов и отраслей (см. рис. 3.5).

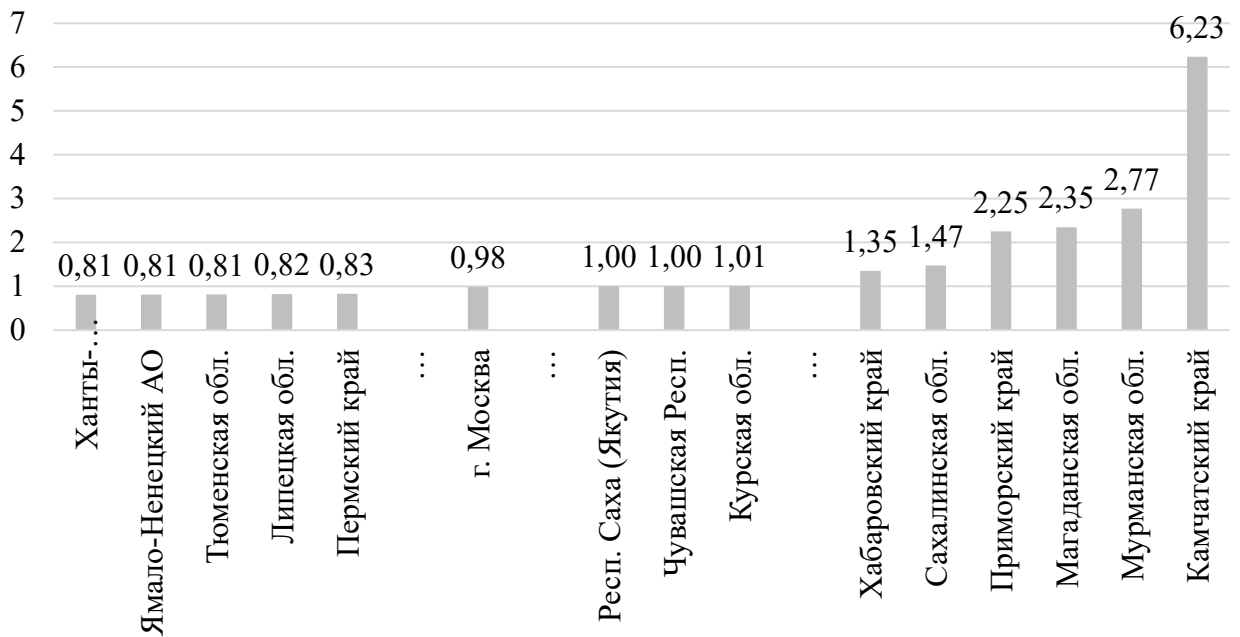

Рисунок 3.5 – Минимальные и максимальные средние значения коэффициента локализации по регионам

Анализ в разрезе отраслей указывает на то, что ярко выраженная специализация наблюдается по таким видам деятельности, как сельское хозяйство (6,4 – Респ. Калмыкия), добыча полезных ископаемых (6,02 – Ханты-Мансийский автономный округ), рыболовство и рыбоводство (80,0 – Камчатский край). Среди отраслей, в которых отсутствует ярко выраженная локализация в регионах, можно отметить торговлю, где среднее значение (0,77) незначительно отличается от максимального (1,80), зафиксированного в г. Москве. Детализированные сведения о средних и максимальных значениях коэффициента локализации по отраслям представлены на рис. 3.6.

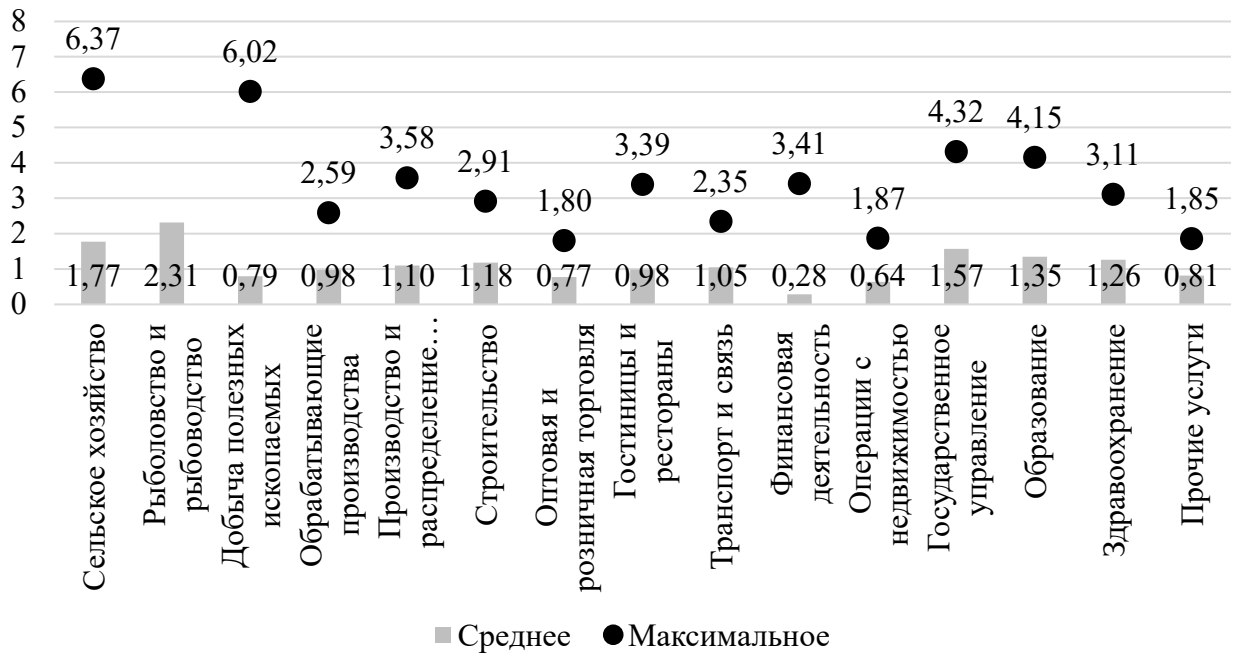

Рисунок 3.6 – Отраслевая структура средних и максимальных значений коэффициента локализации российских регионов

Таким образом, можно констатировать, что во многих регионах эмпирические максимумы в разрезе отраслей еще не достигнуты, поэтому любая из них имеет потенциал роста и теоретически может выполнять функцию катализатора конкурентоспособности. Однако возможность ее увеличения необходимо связывать с коэффициентом душевого производства, выступающим в качестве показателя эффективности региональной производственной системы в отраслевом разрезе.

Проведенный анализ указывает на то, что среди субъектов федерации наибольшим средним значением коэффициента душевого производства (11,5) характеризуется Тюменская область, что может быть интерпретировано следующим образом: в пересчете на 1 % численности населения РФ регион производит в среднем 11,5 % продукции отраслей. Тем не менее, в разрезе отраслей в числе лидеров фигурируют и другие регионы. Так, например, Краснодарский край, Волгоградская и Ростовская области характеризуются наибольшими значениями рассматриваемого показателя в сельском хозяйстве (см. Приложение Б).

В таблице 3.4 представлена выборка регионов, отмеченных наибольшими значениями коэффициентов локализации и душевого производства.

Таблица 3.4 – Регионы – лидеры по значениям коэффициентов локализации и душевого производства, рассчитанным по состоянию на начало 2018 г.

Отрасли	Коэффициент локализации		Коэфф. душевого производства	
	Регионы с наибольш. значением	Макс. знач.	Регионы с наибольш. значением	Макс. знач.
Сельское хозяйство	Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария	6,3	Краснодарский край, Волгоградская, Ростовская области	19,4
Рыболовство и рыбоводство	Камчатский край, Мурманская, Магаданская обл.	72,7	Камчатский край, Сахалинская и Мурманская области	100,4
Добыча полезных ископаемых	ХМАО, Сахалинская, Тюменская обл.	6,4	Тюменская область, ХМАО, ЯНАО	68,1
Обрабатывающие производства	Липецкая, Вологодская, Челябинская области	2,6	Волгоградская, Ростовская, Тюменская области	8,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Курская обл., Хакасия, Чукотский АО	3,6	Чукотский АО, Тюменская и Ростовская области	12,1
Строительство	Дагестан, Ингушетия, Чечня, Ленинградская обл.	2,9	Тюменская обл., Краснодарский край, ЯНАО	16,3
Оптовая и розничная торговля	Москва, Калининградская обл., Дагестан	1,8	Краснодарский край, Тюменская и Ростовская области	6,9
Гостиницы и рестораны	Дагестан, Краснодарский край, Ставропольский край	3,2	Краснодарский край, Тюменская и Ростовская области.	20,2
Транспорт и связь	Забайкальский край, Бурятия, Иркутская, Амурская области	2,3	Краснодарский край, Тюменская обл., Волгоградская обл.	12,5
Финансовая деятельность	Владимирская область, Москва	3,2	Тюменская область, г. Москва, ХМАО	10,2
Операции с недвижимостью	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская обл.	1,9	Тюменская обл., г. Москва, Краснодарский край	10,5
Госуправление	Тыва, Ингушетия, Чечня	4,3	Чукотский АО, Краснодарский край, Волгоградская обл.	7,5
Образование	Тыва, Ингушетия, респ. Алтай	4,1	Краснодарский край, Волгоградская, Ростовская обл.	7,7

Отрасли	Коэффициент локализации		Коэфф. душевого производства	
	Регионы с наибольш. значением	Макс. знач.	Регионы с наибольш. значением	Макс. знач.
Здравоохранение	Тыва, Забайкальский край, Еврейская АО	3,1	Краснодарский край, Волгоградская, Тюменская обл.	9,5
Прочие услуги	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ивановская обл.	1,9	Краснодарский край, г. Москва, Тюменская обл.	6,4

Можно признать, что ситуация «нормального» распределения описывается единичным значением коэффициента или близким к нему. Это означает, что население региона, приведенное к одному проценту, производит 1 % валовой добавленной стоимости. В таком случае рассматриваемый коэффициент можно интерпретировать как показатель эффективности воспроизводственной системы региона. Таким образом, к числу лидеров по рассматриваемому показателю относятся Тюменская область (11,5), Краснодарский край (8,1), Камчатский край (7,8), Ростовская область (6,0), Волгоградская обл. (5,5). Города Москва и Санкт-Петербург входят в число 20 лидирующих по исследуемому индикатору регионов со значениями 3,0 и 1,3 соответственно.

С точки зрения оценки конкурентоспособности регионов рассмотренный показатель играет важную роль, поскольку отражает сложившееся распределение и структуру конкурентных преимуществ, если рассматривать их с позиции конкуренции на основе эффективности. С другой стороны, полученные значения показателей отражают достижения и потенциал региона в сфере конкурентной специализации, указывая те отрасли, на основе которых соответствующий регион имеет возможность выстраивать свою стратегическую конкурентоспособность.

Однако рассчитанные коэффициенты можно назвать индикаторами конкурентоспособности лишь отчасти, поскольку они по отдельности не позволяют оценить роль отрасли в экономике региона и роль региона в отрасли. Также очевидно, что специализация региона может рассматриваться конкурентным преимуществом лишь в том случае, если конкурентное поле в данной отрасли не характеризуется высокой теснотой: известно, например, что в Российской Федерации ряд регионов характеризуются как «аграрные», что не

позволяет признать за каким-либо из них наличие конкурентной специализации, поскольку таких регионов много. Последнее замечание выводит на передний план необходимость обеспечения сопоставимости индикаторов с учетом масштаба экономики соответствующего субъекта федерации.

Для измерения тесноты конкурентного поля необходимы оценки следующих параметров, извлекаемых из описанных выше показателей:

- доля региона в валовой добавленной стоимости соответствующей отрасли;
- доля данной отрасли в ВРП региона;
- количество регионов, в которых данная отрасль является преобладающей.

Таким образом, для определения конкурентной специализации региона разработана следующая методика, содержащая несколько этапов.

Этап 1. Оценка распределения отраслевой специализации регионов, производимая по формуле:

$$\alpha_{ij} = s_{ij} \times k_{ij} , \quad (3.1)$$

где α_{ij} – частный коэффициент специализации i -го региона в j -й отрасли;

s_{ij} – доля i -го региона в валовой добавленной стоимости j -й отрасли;

k_{ij} – доля j -й отрасли в ВРП i -го региона.

На выходе первого этапа формируется матрица отраслевой специализации регионов вида

	Отрасль 1	Отрасль 2	...	Отрасль j
Регион 1	α_{11}	α_{12}	...	α_{1j}
Регион 2	α_{21}	α_{22}	...	α_{2j}
...
Регион i	α_{i1}	α_{i2}	...	α_{ij}

Максимальные значения α по столбцам указывают на наличие у региона относительного конкурентного преимущества в данной отрасли. Альтернативная трактовка значений частного коэффициента специализации может быть представлена следующим образом: регион, имеющий наибольшее значение α по

какой-либо отрасли, обеспечивает наибольший вклад в ее развитие в масштабе национальной экономики и, соответственно, генерирует наибольшие потоки валовой добавленной стоимости. Выдержка из матрицы представлена в табл. 3.5, а развернутое ее представление – в приложении В.

Таблица 3.5 – Значения частных коэффициентов специализации отдельных регионов Российской Федерации

Вид экономической деятельности	г. Москва	Краснодарский край	Ханты-Мансийский автономный округ	Камчатский край
Сельское хозяйство	0,0	88,6	0,1	0,7
Рыболовство и рыбоводство	0,0	0,1	0,0	519,6
Добыча полезных ископаемых	0,0	0,1	2113,5	0,5
Обрабатывающие производства	242,5	16,8	2,5	1,0
Энергетика	107,5	4,6	9,7	4,6
Строительство	30,0	76,1	30,4	1,2
Торговля	1327,1	41,7	6,8	1,6
Гостиницы и рестораны	17,5	20,3	0,9	0,5
Транспорт и связь	182,3	78,1	23,7	0,9
Финансовая деятельность	115,8	0,0	2,5	0,0
Операции с недвижимостью	914,0	10,9	33,2	0,5
Государственное управление	52,5	14,7	3,3	12,7
Образование	40,2	10,0	2,8	2,1
Здравоохранение	51,7	18,1	4,9	3,6
Прочие услуги	124,1	3,2	0,9	0,3

Этап 2. Оценка общих коэффициентов отраслевой специализации с учетом масштаба экономики для *i*-го региона.

$$\beta_j = \alpha_j / \text{sum}(\alpha_j) \times 100; \quad j=(1;n) \quad (3.2)$$

где β_j – общий коэффициент специализации региона на *j*-й отрасли;

n – количество отраслей.

Общий коэффициент отраслевой специализации дает нормализованное представление о роли соответствующей отрасли в обеспечении текущей конкурентоспособности региона (см. табл. 3.6).

Таблица 3.6 – Матрица общих коэффициентов отраслевой специализации отдельных регионов Российской Федерации

Вид экономической деятельности	г. Москва	Краснодарский край	Ханты-Мансийский автономный округ	Тюменская обл.	Свердловская обл.
Сельское хозяйство	0	23,1	0	0,1	2,2
Рыболовство и рыбоводство	0	0	0	0	0
Добыча полезных ископаемых	0	0	94,6	87,8	0,6
Обрабатывающие производства	7,6	4,4	0,1	0,8	40
Энергетика	3,4	1,2	0,4	0,7	4,9
Строительство	0,9	19,9	1,4	3,3	3,3
Торговля	41,4	10,9	0,3	1,5	19
Гостиницы и рестораны	0,5	5,3	0	0,1	1,2
Транспорт и связь	5,7	20,4	1,1	2,1	7
Финансовая деятельность	3,6	0	0,1	0,1	0
Операции с недвижимостью	28,5	2,8	1,5	2,4	6,6
Государственное управление	1,6	3,8	0,1	0,4	4,6
Образование	1,3	2,6	0,1	0,2	3,8
Здравоохранение	1,6	4,7	0,2	0,4	6
Прочие услуги	3,9	0,8	0	0,1	0,8
Примечание – развернутое представление см. в приложении Г.					

Так, например, очевидно, что текущая конкурентоспособность Ханты-Мансийского автономного округа на 94,6 % обеспечена добычей полезных ископаемых. В г. Москве наибольший вклад в совокупную конкурентоспособность обеспечивает торговля (41,4 %). Обрабатывающие производства играют значимую роль в обеспечении конкурентоспособности Свердловской области (40,0 %)

Общие коэффициенты отраслевой специализации регионов позволяют проводить сопоставления между субъектами федерации с точки зрения фундаментальных основ их конкурентных преимуществ. При этом данный индикатор позволяет установить, присутствует ли в регионе конкурентная специализация.

Таким образом, на 3 этапе проводится оценка индекса конкурентной специализации региона (ИКС), в основу которого положена методика расчета индекса Герфиндаля-Гиршмана:

$$\text{ИКС} = \beta_1^2 + \beta_2^2 + \dots + \beta_j^2 \quad (3.3)$$

При этом регионы, значения ИКС которых менее 1800, считаются регионами без конкурентной специализации (Калининградская обл. – 1126, Ивановская обл. – 1153 и т.д.). Значения ИКС в интервале 1800-2500 указывают на слабо выраженную конкурентную специализацию (Пермский край – 1986, Курская обл. – 2210). Распределение значений по регионам представлено на рис. 3.7.

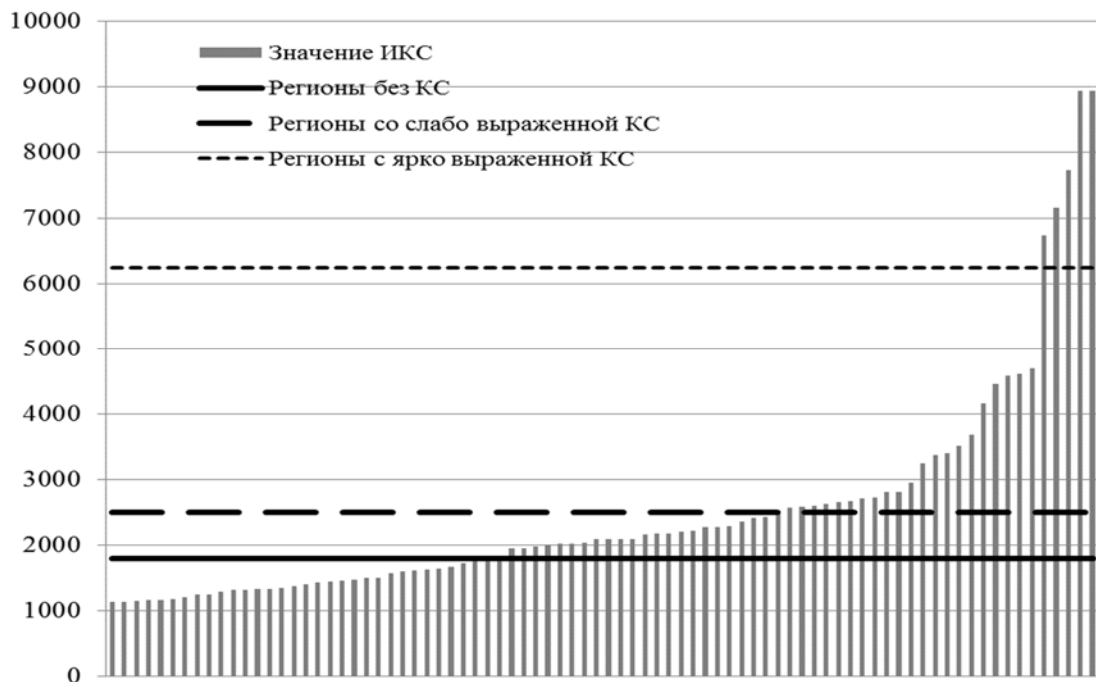

Рисунок 3.7 – Распределение регионов Российской Федерации по уровню индекса конкурентной специализации

Регионы с ИКС на уровне от 2500 до 6250 имеют ярко выраженную конкурентную специализацию (всего 22 региона, в числе которых г. Москва, Красноярский край, Омская и Челябинская области и прочие). Регионы с ИКС выше 6250 (всего 5 регионов: Тюменская область, ХМАО, ЯНАО, Камчатский край и Сахалинская область) характеризуются исключительной (избыточной) конкурентной специализацией, развивают свою конкурентоспособность, активно эксплуатируя единственный природно-ресурсный фактор.

Давая качественную характеристику индексу конкурентной специализации региона, необходимо учитывать следующее:

– отсутствие конкурентной специализации не может трактоваться как исключительно негативная характеристика региона, поскольку ИКС не тождественен оценке конкурентоспособности. Так, например, г. Санкт-Петербург (1599) классифицирован как регион без конкурентной специализации, что не противоречит высокой его конкурентоспособности по сравнению с другими регионами;

– высокая конкурентная специализация позволяет однозначно идентифицировать источник конкурентных преимуществ региона, равно как и указывает на его стратегический недостаток в плане реализации существующих рисков концентрации.

4 Этап. Оценка конкурентного потенциала отраслей, которая строится на допущении, что чем меньше регионов имеют данную отрасль в качестве отрасли специализации, тем меньше теснота конкурентной борьбы в данной отрасли. Кроме того, низкие значения коэффициентов частной отраслевой специализации указывают на «недооцененность» отрасли в масштабе национальной экономики, что можно рассматривать как наличие резерва роста.

$$КП_j = \beta_i \text{ сред } x (n / m), \quad (3.4)$$

где $КП_j$ – индекс конкурентного потенциала отрасли j ;

n / m – показатель тесноты конкурентных связей в отрасли;

n – общее количество регионов;

m – количество регионов, в которых данная отрасль j имеет наибольший β по сравнению с другими отраслями.

Так, с учетом имеющихся регионов-конкурентов в той или иной отрасли, а также принимая во внимание текущий уровень развития отрасли в регионах, можно выделить перспективные направления, на которых регион имеет возможность выстраивать свою стратегическую конкурентоспособность. В таблице 3.7 приведен расчет конкурентного потенциала отраслей российской экономики на основе данных о конкурентной специализации регионов.

Таблица 3.7 – Значения индекса конкурентного потенциала отраслей экономики

Вид экономической деятельности	Среднее значение β	Теснота конкурентных связей	Индекс конкурентного потенциала
Сельское хозяйство	14	4,1	57,4
Рыболовство и рыбоводство	3,5	21	71
Добыча полезных ископаемых	11,1	6,3	70
Обрабатывающие производства	15,9	3,4	54
Энергетика	4,8	27	132
Строительство	7,1	41	293
Торговля	8,8	27	240
Гостиницы и рестораны	0,8	-	-
Транспорт и связь	9,4	14	128
Финансовая деятельность	0,2	-	-
Операции с недвижимостью	4,1	82	339
Государственное управление	10	10	103
Образование	4,7	-	-
Здравоохранение	4,7	-	-
Прочие услуги	0,8	-	-
<p>Примечание – прочерком отмечены отрасли, которые на момент расчета не являлись отраслями специализации какого-либо региона</p>			

Выполненная оценка конкурентного потенциала отраслей позволяет сделать вывод, что с учетом имеющихся регионов-конкурентов в той или иной отрасли, а также принимая во внимание текущий уровень развития отрасли в регионах, можно выделить перспективные направления, на которых регион имеет возможность выстраивать свою стратегическую конкурентоспособность.

Например, строительство как отрасль с наиболее продолжительной цепочкой добавленной стоимости может выступать основой преимуществ региона. Специализация на оптовой и розничной торговле отмечена лишь в трех регионах, что означает низкую тесноту конкурентных взаимодействий между субъектами федерации в данной отрасли. Напротив, сельское хозяйство или рыболовство имеют низкий конкурентный потенциал по причине тесноты конкурентных связей (20 регионов базируют свои конкурентные преимущества на сельском хозяйстве), либо недоступности соответствующих ресурсов. Низкий конкурентный потенциал обрабатывающих производств обусловлен высокой конкуренцией в данном сегменте, которая разворачивается между хозяйствующими субъектами и регионами, желающими разместить соответствующие производства на своей территории.

Следовательно, разработанная и апробированная методика оценки конкурентного потенциала регионов может быть использована для идентификации кластеров, основанных на предпринимательских сетях, методом «снизу вверх» через выявление очагов экономической активности, обладающих признаками конкурентной специализации при условии наличия у соответствующих видов экономической деятельности конкурентного потенциала.

Адаптация нового подхода к формированию кластеров, как это принято в странах Запада, предполагает, что кластеры будут создаваться не в распорядительном ключе, а на основе сгустков экономической активности, которые де-факто присутствуют в региональных экономических системах. Помимо очевидных географических критериев, экономическая активность в регионах может быть дифференцирована, а значит и проранжирована с учетом данных о локализации видов экономической деятельности на соответствующей территории,

что можно рассматривать как основу для выявления конкурентной специализации регионов. Ключевой посыл, который получил обоснование в данной работе, заключается в том, что некоторые виды экономической деятельности концентрируются на определенных территориях, создавая синергетические эффекты от экономии за счет масштаба и в результате действия иных факторов. Таким образом, избыточная локализация каких-либо видов экономической деятельности, особенно несырьевых, указывает на наличие относительного конкурентного преимущества и создает возможность для развития специализации региона на данном виде деятельности.

Установлено, что целый ряд регионов не имеет выраженной конкурентной специализации, что снижает вероятность возникновения в них эффективных кластеров, тогда как немалое количество регионов имеют ярко выраженную специализацию, указывающую на исчерпание конкурентного потенциала. Следовательно, срединные регионы могут сделать ставку на развитие наиболее конкурентоспособных видов деятельности, которые фактически образуют производительный и результативный кластер. Именно такие кластеры должны стать объектом политики экономического регулирования в дальнейшем.

В качестве приоритета выступают кластеры (определяемые не как любое интеграционное объединение хозяйствующих субъектов), которые развиваются за счет передовых технологий (или макротехнологий). Данный приоритет объясняется тем, что именно они должны стать импульсом модернизации российской экономики, столь востребованной с точки зрения народнохозяйственной проблемы обеспечения ускоренных темпов социально-экономического развития.

Проведенный анализ целевых ориентиров управления региональной собственностью в современной системе пространственного развития Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что формальная идентификация приоритетных видов деятельности для соответствующих регионов не является надлежащей практикой целеполагания, поскольку не содержит очевидной постановки цели управления региональным имущественным комплексом,

инструментом которого является инвестиционная деятельность. Был сформулирован теоретический критерий выделения вида экономической деятельности в качестве приоритета для формирования сетевых форм пространственных взаимодействий и разработан соответствующий методический инструментарий.

В контексте достижений данной части исследования, представляется целесообразным связать приоритетные для заданных регионов виды экономической деятельности с надлежащими показателями социально-экономического развития с учетом критерия экономической эффективности и результативности.

3.3 Трансформация целевых ориентиров управления региональной собственностью

Исследованная в предшествующих частях работы динамика объемов инвестиций в основной капитал как индикатора происходящих трансформаций отношений собственности на региональном уровне заставляет обратиться к исследованию вопроса экономической результативности капиталовложений.

На региональном уровне вполне допустимо рассматривать обобщенные индикаторы результативности капиталовложений, совместно именуемые как показатели социально-экономического развития региона: развитие региона опирается на имущественный базис и эксплуатирующий его воспроизводственный процесс, который результирует в создание валового продукта, частично потребляемого, частично направляемого на формирование национального богатства.

Однако следует учитывать, что абсолютные объемы инвестиций в основной капитал могут быть несопоставимы. Даже динамические их характеристики могут быть зависимыми от эффектов низкого или высокого базиса, а также от локальных

шоков. Относительные характеристики являются более информативными мерами эффективности регионального имущественного комплекса, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть среднедушевых величин инвестиций в основной капитал по регионам, а также анализ нормы reinvestирования валового регионального продукта – соотношения объема инвестиций с ВРП.

Среднедушевые объемы внебюджетных инвестиций в основной капитал субъектов Российской Федерации на протяжении 2012-2018 гг. демонстрируют высокую степень неоднородности, причем налицо нарастание асимметрии. Так, регионы демонстрируют разброс значений, относительная величина которого за указанный период выросла с 50,6 раз в 2012 г. до 95,8 раз в 2018 г. При этом с точки зрения относительных характеристик разброса значений также имеет место существенный рост неоднородности, поскольку коэффициент волатильности среднедушевых инвестиций в основной капитал за тот же период увеличился с 169,4 % до 234,1 %. Объяснение наблюдаемого роста асимметрии (см. табл. 3.8) может быть найдено в процессе исследования динамики инвестиций в основной капитал в разрезе субъектов Российской Федерации.

Таблица 3.8 – Характеристики распределения значений среднедушевых объемов инвестиций в основной капитал в разрезе российских регионов в 2012-2018 гг.

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Максимальное значение, тыс. р.	1385,1	1431,3	1827,6	2625,9	2042,9	2424,1	2511,1
Минимальное значение, тыс. р.	27,4	25,7	25,8	24,9	22,7	26,9	26,2
Среднее значение, тыс. р.	87,9	93,7	95,2	94,9	100,6	109,1	114,2
Относительная величина вариации, раз	50,6	55,7	70,9	105,5	90,0	90,2	95,8
Коэффициент волатильности, %	169,4	168,2	196,9	233,4	217,4	222,8	234,1

Так, за 2013-2018 гг. в 18 субъектах Российской Федерации был зафиксирован отрицательный средний темп прироста среднедушевого объема капиталовложений. Средний темп падения по соответствующей группе регионов

составил 1,7 % за год. В иных регионах имел место прирост рассматриваемого показателя; усредненное значение прироста за период по группе регионов составило 8,1 %. Необходимо отметить, что нарастание среднего по регионам объема инвестиций в основной капитал на душу населения не следует рассматривать как однозначно положительное событие в свете наблюдаемой динамики потребительских цен.

Применительно к среднему душу ВРП экономическое пространство столь же неоднородно, однако тенденции наблюдаются несколько иные. В частности, относительная величина вариации среднемудушевых размеров ВРП между регионами увеличилась с 47,3 раз в 2012 г. до 54,8 раз в 2017 г., тогда как коэффициент волатильности вырос с 137 % до 154 %.

Другим значимым отличием является динамика среднемудушевых ВРП по сравнению с динамикой инвестиций в основной капитал: за рассматриваемый период во всех регионах темп прироста ВРП был положительным, а разброс значений варьировался от 4,2 % в среднем за год в Амурской области до 18,1 % за год в Астраханской области (см. рис. 3.8).

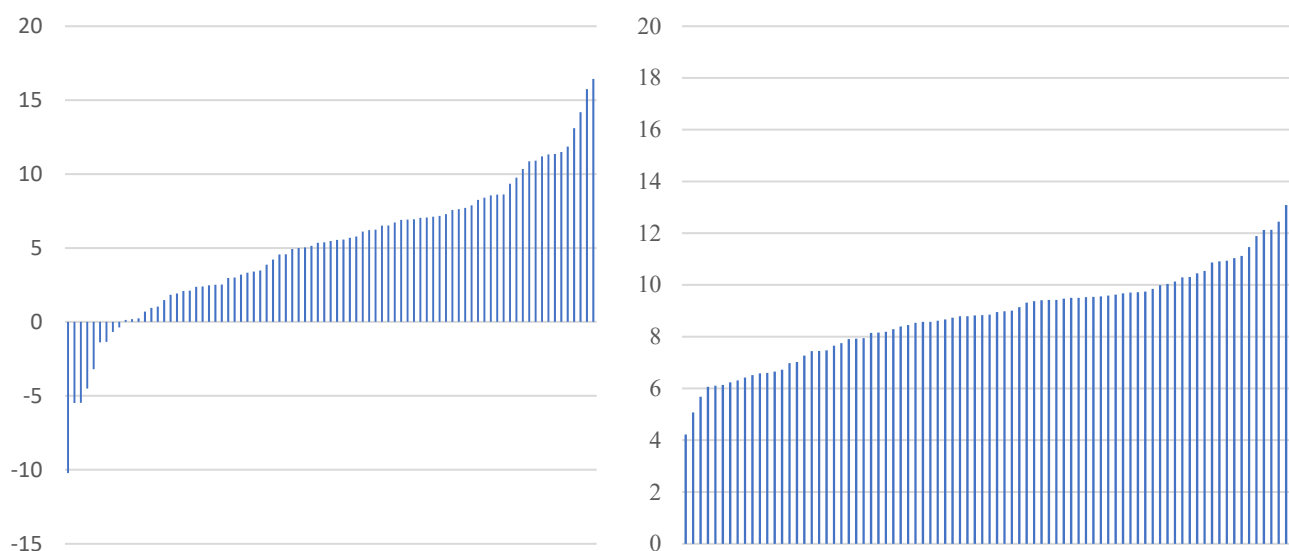

Рисунок 3.8 – Паттерн распределения средних темпов прироста среднемудушевых инвестиций в основной капитал (слева) и среднемудушевых ВРП (справа) за период 2012-2018 гг.

Во взаимном сопоставлении два представленных выше набора данных могут быть исследованы посредством вычисления расчетного значения показателя эластичности среднедушевого ВРП от изменений объемов инвестиций в основной капитал. Так, среднее отрицательное значение коэффициентов эластичности составило минус 6,1 % при разбросе от минус 0,6 % в Приморском крае до минус 20,0 % в Алтайском крае. Среднее положительное значение составляет 3,96 % с разбросом от 0,4 % (Амурская область) до 51,9 % (Чувакшская Республика). На рис. 3.9 представлен паттерн динамики рассматриваемого показателя.

Рисунок 3.9 – Паттерн распределения регионов по уровню эластичности среднедушевого ВРП от изменений объема среднедушевых инвестиций в основной капитал из внебюджетных источников, %

При всем многообразии регионов и их динамики инвестиций и валовой добавленной стоимости, представляется целесообразным оценить, насколько равномерным или дифференцированным является управление региональным имущественным комплексом, ориентированное на стратегическое развитие.

Для этих целей необходимо рассчитать значения показателей средней нормы реинвестирования ВРП как соотношения инвестиций в основной капитал и валового регионального продукта. Результат расчёта указанного показателя представлен в табл. 3.9.

Таблица 3.9 – Характеристики распределения значений нормы реинвестирования ВРП в разрезе российских регионов в 2012-2018 гг., %

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Максимальное значение	58,4	57,4	48,4	50,4	54,0	72,3	83,4
Минимальное значение	11,4	12,0	12,1	11,4	12,0	11,4	12,4
Среднее значение	25,2	24,9	23,5	21,1	21,3	21,4	23,2
Относительная величина вариации, раз	5,1	4,8	4,0	4,4	4,5	6,4	6,7
Стандартное отклонение	9,3	7,9	7,4	7,7	7,7	8,9	9,5
Коэффициент волатильности	30,8	27,6	27,8	31,4	32,7	38,2	40,8

Очевидно, что средняя величина нормы реинвестирования ВРП постепенно снижается с 25,2 % в 2012 г. до 23,2 % в 2018 г., что свидетельствует о потенциальном ухудшении эффективности управления региональной собственностью по причине деградации материально-вещественного базиса воспроизводственного потенциала региональной социально-экономической системы, хотя этот тезис требует дополнительного и более углубленного исследования, например, на предмет выявления нормального, рационального или эффективного значения нормы реинвестирования ВРП. Расширение и модернизация регионального имущественного комплекса должны стать приоритетами регионального социально-экономического развития, тогда как сокращение нормы реинвестирования ВРП явно препятствует этому процессу.

Разброс значений нормы реинвестирования ВРП в 2018 г. находился в интервале от 12,4 % (Костромская обл.) до 83,4 % (Амурская обл.). За рассматриваемый период имеет место увеличение относительной величины вариации нормы реинвестирования и коэффициента волатильности, что свидетельствует о нарастании пространственной асимметрии. Однако необходимо отметить, что масштаб значений несопоставим с вариацией рассмотренных выше показателей эффективности управления региональной собственностью.

Одной из важнейших стратегических задач в сфере создания условий для устойчивого социально-экономического развития является эффективное использование имущественного комплекса. Если рассматривать региональную собственность как объект управления в трактовке, принятой в рамках настоящего исследования, то ее роль будет соразмерна экономическому эффекту от использования объектов регионального имущественного комплекса в воспроизводственном процессе.

В таблице 3.10 представлены некоторые динамические и структурные характеристики использования региональной собственности в рамках сложившейся практики и подхода к формализации задачи ускорения темпов социально-экономического развития.

Таблица 3.10 – Параметры использования региональной собственности

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Совокупный валовый региональный продукт ¹ , млрд р.	49 926,1	54 103,0	58 968,7	65 436,0	68 844,1	74 496,3	84 506,2
Темп прироста, % к предыдущему году	-	8,37	8,99	10,97	5,21	8,21	13,6
Совокупные доходы консолидированного бюджета регионов и территориальных внебюджетных фондов ² , млрд р.	8 825,2	9 217,5	10 115,0	10 781,5	11 451,3	12 363,2	14 349,4
Темп прироста, % к предыдущему году	-	4,45	9,74	6,59	6,21	7,96	16,1
Налоги на прибыль и доходы, % от совокупных доходов консолидированного бюджета	48,06	45,77	46,05	45,59	46,8	46,3	47,1
Темп прироста, % к предыдущему году	-	-0,53	10,40	5,54	9,03	6,81	18,1
Налоги на имущество, % от совокупных доходов консолидированного бюджета	8,90	9,77	9,47	9,91	9,76	10,11	9,74
Темп прироста, % к предыдущему году	-	14,67	6,30	11,61	4,60	11,83	11,8

¹ В 2015-2017 гг. без учета Респ. Крым и г. Севастополя, сост. авт. по: Валовой региональный продукт в текущих ценах (2009-2018) [Электронный ресурс]. – М.: Росстат. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/VRP98-18.xlsx> (дата обращения 02.12.2020)

² Сост. авт. по: Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов [Электронный ресурс]. – М.: Федеральное Казначейство, 2019. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/974/> (дата обращения: 02.12.2020)

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Доходы от использования государственного и муниципального имущества, % от совокупных доходов консолидированного бюджета	3,15	3,28	3,30	3,38	3,32	3,25	2,82
Темп прироста, % к предыдущему году	-	8,86	10,41	9,13	4,33	5,69	0,71

Очевидно, что доходы регионов, получаемые ими непосредственно от эксплуатации принадлежащего им имущества, формируют не более 3,4 % совокупной величины консолидированных доходов, тогда как имущественный базис частного сектора, включая население, обеспечивал в 2018 г. в три раза больший объем поступлений в виде «пассивного» дохода. При этом «активный» доход бюджета, обеспеченный функционированием регионального имущественного комплекса, является гораздо более существенным – 47,1 % совокупных доходов консолидированного бюджета регионов и территориальных внебюджетных фондов в 2018 г. Динамические характеристики также представляют интерес с позиции сопоставления темпов прироста соответствующих величин.

Тем не менее, следует обратить внимание на существующую дискуссию по поводу того, могут ли региональные органы власти воздействовать на эффективность управления региональным имущественным комплексом, измеренную через величину доходов бюджета. Со всей очевидностью можно утверждать, что рост налоговых доходов бюджета связан с ростом платежной дисциплины и увеличением налогооблагаемой базы. Последняя может увеличиваться в силу факторов и условий, обеспеченных макроэкономической динамикой (например, восходящая стадия экономического цикла, восстановление после кризиса и т.д.), то есть не зависящих от принимаемых на уровне региона решений, но также может быть и обусловлена текущими или ранее принятыми мерами по повышению инвестиционной привлекательности, экономическому стимулированию и т.д. С другой стороны, налоговые поступления вне кризиса могут снижаться именно «по вине» региональных властей, поскольку они своими

действиями или бездействием могли подтолкнуть некоторых субъектов к смене «налогового паспорта», то есть перевести активы в другой регион или юрисдикцию. В данном случае можно констатировать взаимосвязь между эффективностью управления региональной собственностью и конкурентоспособностью региона.

Таким образом, в качестве целевого ориентира управления региональной собственностью можно рассматривать тот же набор индикаторов, что лежит в основе оценки динамики социально-экономического развития регионов. Принимая во внимание критику современных показателей социально-экономического развития, в основе которой лежит оторванность показателя валового продукта от уровня и качества жизни населения конкретного региона, необходимо рассмотреть динамику некоторых из них и обозначить наиболее проблемные зоны в современной методологии управления социально-экономическим развитием регионов.

Следовательно, рассмотрение вопросов управления региональной собственностью в рамках пространственной парадигмы трансформирует целевые ориентиры управления. Пространственный анализ имущественного комплекса во многом связан с пониманием пространственной структуры, а соответствующий исследовательский аппарат ориентирован на оценку пространственных данных и потоков. Вместе с тем, методический инструментарий, обеспечивающий проведение пространственного анализа, применительно к объектам имущественного комплекса претерпевает изменения. Использование новой методологии исследования протекающих в регионах социально-экономических процессов позволяет получить целостную картину закономерностей и существенных связей, определяющих характер протекания этих процессов и их эффект. В этой связи становится все более актуальным рассмотрение эволюции методических подходов к исследованию имущественного комплекса, а также определение перспективных направлений при использовании современных методов анализа.

В современной литературе с методической точки зрения пространственный подход реализуется по-разному. Систематизируя варианты проведения исследований, встречающиеся в научной литературе, можно выделить следующие группы.

Первая категория работ связана с анализом пространственного распределения данных или потоков и ориентирована на описание наблюдаемых явлений. Она предполагает применение количественных математических или статистических методов исследования и подходов к анализу моделей. Как правило, оценка проводится на базе построения и расчета индексов. Например, в работе М.А. Гурьевой предложен агрегированный индикатор и алгоритм проведения индикативной оценки динамики показателей в регионе в области устойчивого развития¹.

Вторая категория ориентирована на выявление и обоснование основополагающих причин или факторов для объяснения наблюдаемых пространственных паттернов или структуры потоков. В отличие от первого подхода, исследования подобного порядка не только отражают существующие явления, но и пытаются определить факторы, влияющие на наблюдаемые закономерности или структуру в пространстве.

Третья категория работ направлена на оценку потоков в пространстве, что становится возможным благодаря разработке моделей пространственного взаимодействия, которые имеют существенные объяснительные возможности и трактуют реальность наиболее правдоподобным образом.

Следует отметить взаимосвязанность исследований, формирующих вышеописанные группы. Так, работы объяснительного характера, формирующие вторую группу, сильно зависят от результатов и данных, извлеченных из первой категории моделей анализа, в то время как сами они в дальнейшем выступают, как правило, основой для разработки моделей пространственного взаимодействия.

¹ Гурьева, М. А. Методический инструментарий оценки экологизации территории: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Гурьева Мария Андреевна. – Екатеринбург, 2013. – 162 с.

Ранее большая часть исследований пространственного характера реализовывалась на основе картографирования. Основная причина такого положения дел заключалась в том, что длительное время в качестве движущего фактора пространственных взаимодействий рассматривался именно фактор географической близости или удаленности, а пространственная связанность измерялась на основе оценки транспортных издержек. Расстояние, таким образом, играло ключевую роль, оно интерпретировалось экономически через затраты на его преодоление при транспортировке факторов производства или готовой продукции, при том что сегодня, как отмечают З.Г. Курманалиева и М.А. Гурьева, все большее внимание уделяют эффективному использованию ограниченных естественных ресурсов и внедрению экологичных природо-, энерго-, и материалосберегающих технологий¹. Как правило, ранее в основе исследовательских процедур лежало построение серии карт, отражающих перевозки тех или иных товаров между территориями, охватывающими специализированные области производства и потребления, равно как и влияние расстояния на пространственное взаимодействие между регионами.

Переход от региональной экономики к пространственной парадигме предопределил многопараметричность региональных экономических систем и привел к необходимости учета не только физического пространства, но и прочих его слоев, равно как и факторов, являющихся доминантными для того или иного пространственного уровня. В основе современных исследований все чаще закладывается свойство связанности экономического пространства, которое определяет пространственное распределение ресурсов и достижение экономического эффекта от их использования. Оно позволяет изменять степень концентрации благ и уровень экономической активности на отдельных участках территории при вариации уровня воздействия на различные факторы производства и их комбинации. Это обусловило методический сдвиг от картографических

¹ Курманалиева, З. Г. Концепция устойчивого развития / З. Г. Курманалиева, М. А. Гурьева // Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (СНГ-2015). Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. – [Отв. ред. О. М. Барбаков, Ю. А. Зобнин]. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. – С. 294.

моделей в сторону геоинформационных систем, предполагающих обработку показателей, имеющих комплексную природу. В последнее время все большее распространение получают модели пространственного взаимодействия, строящиеся на анализе больших данных. В частности, в качестве инструмента применяется сетевой анализ – это современное направление аналитических процедур, подразумевающее построение графа отношений, где узлами являются объекты или акторы (участники взаимодействия), а ребра отражают связи между ними. Оценка архитектуры сетевой организации взаимодействия позволяет не только определить характер отношений между объектами, но и оценить силу самих связей.

Пространственный анализ имущественного комплекса методически эволюционирует схожим образом. При этом в последнее время проблематика экономически эффективной эксплуатации регионального имущественного комплекса раскрывается с новых ракурсов: разрешение дилеммы «государственное или частное» с точки зрения титула собственности отодвигается на второй план, как и вопрос идентификации эффективного режима управления объектами имущественного комплекса, тогда как главенствующую роль обретают условия максимизации валовой добавленной стоимости, которые необходимо создать хозяйствующим субъектам, осуществляющим непосредственную эксплуатацию активов в воспроизводственном процессе. Вопрос субъектности экономической политики также становится открытым, поскольку интенсивность пространственных взаимодействий между акторами возрастает многократно, чему способствует постепенное размывание значимости границ административно-территориального деления. Это расширяет горизонт управления региональной собственностью и дает возможность повышения его эффективности, измерение которой требует разработки соответствующего методического инструментария и его применения.

Для альтернативной оценки эффективности регионального имущественного комплекса была выполнена адаптация микроэкономического подхода к оценке результативности процесса эксплуатации имущества, задействованного в

экономической деятельности. Предложено адаптировать показатель свободного денежного потока (нетто-результат экономической деятельности), который представляет собой сумму денежных средств, сгенерированную экономическим субъектом за определенный период, доступную для изъятия всеми поставщиками капитала (кредиторами и акционерами) без ущерба для его операционной и инвестиционной деятельности.

В отличие от показателя финансового результата (прибыли или убытка), нетто-результат экономической деятельности в меньшей степени зависит от начислений и характеризует реально располагаемые ресурсы, доступные для инвестирования в развитие или в потребление. Будучи использованным на макроуровне, рассматриваемый показатель представляет собой весомое дополнение к известным метрикам социально-экономического развития, многие из которых качественно оцениваются лишь в динамике, поскольку их абсолютное значение всегда положительно.

Экономическая интерпретация нетто-результата экономической деятельности заключается в следующем: он представляет собой стоимостную величину прироста экономического потенциала соответствующей совокупности хозяйствующих субъектов, функционирующих на территории заданного региона (в связи с невозможностью достоверно выделить масштабы экономической деятельности субъектов, действующих на территории нескольких регионов, было принято допущение о локализации всей деятельности субъекта в регионе его регистрации). Экономический потенциал в данном случае рассматривается как способность хозяйствующих субъектов обеспечивать расширенное воспроизводство или прирост благосостояния индивидов как непосредственно (т.е. акционеров и собственников предприятий), так и опосредованно (через прирост налоговых поступлений или создание рабочих мест).

В обобщенном виде модель нетто-результата экономической деятельности может быть представлена следующим образом:

$$\text{НРЭД}_{i,t} = (V_{i,t} - C_{i,t})(1 - H_{i,t}) + A_{i,t} - \text{ИОК}_{i,t} - \Delta\text{ОК}_{i,t}, \quad (3.6)$$

$$\Delta OK_{i,t} = (D_{i,t} + Z_{i,t} - K_{i,t}) - (D_{i,t-1} + Z_{i,t-1} - K_{i,t-1}), \quad (3.7)$$

где НРЭД_{i,t} – нетто-результат экономической деятельности в регионе *i* за период *t*;

$V_{i,t}$ – выручка от реализации за период *t*;

$C_{i,t}$ – себестоимость проданных товаров, выполненных работ и оказанных услуг за период *t*;

$N_{i,t}$ – ставка налога на прибыль, действовавшая в период *t*;

$A_{i,t}$ – амортизация основных производственных фондов за период *t*;

ИОК_{i,t} – инвестиции хозяйствующих субъектов в основной капитал за период *t*;

$\Delta OK_{i,t}$ – изменение чистого оборотного капитала за период *t*;

$D_{i,t}$ – дебиторская задолженность на конец года *t*;

$Z_{i,t}$ – запасы на конец года *t*;

$K_{i,t}$ – кредиторская задолженность на конец года *t*.

Источником статистических данных о перечисленных компонентах нетто-результата экономической деятельности являются данные Росстата, публикуемые в статистических сборниках и размещаемые в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС).

Положительная величина нетто-результата экономической деятельности свидетельствует о приращении добавленной стоимости на территории региона, отрицательная – о ее сокращении. При этом отрицательная величина нетто-результата экономической деятельности в отдельно взятом периоде не обязательно свидетельствует о наличии неэффективного имущественного комплекса, поскольку инвестиции в основной капитал, размывающие стоимость, потенциально имеют отложенный экономический эффект. С другой стороны, хронически отрицательное значение нетто-результата экономической деятельности при положительном операционном результате вряд ли положительно характеризует региональную экономическую динамику, поскольку норма реинвестирования операционной прибыли будет равна 100 % и выше, что с одной

стороны ограничивает возможности повышения уровня и качества жизни населения, с другой стороны обеспечивается ростом заимствований. Последнее также имеет отложенный эффект, связанный с выплатами процентов и самого долга размывающими создаваемую в регионе стоимость в будущем.

Аналогичное замечание должно быть высказано и в отношении положительных значений нетто-результата экономической деятельности, которые могут быть обеспечены исключительно за счет операционной прибыли хозяйствующих субъектов, не инвестирующих совсем или инвестирующих сравнительно мало.

Вопрос соотношения нетто-результата экономической деятельности и, например, ВРП представляет особый интерес, принимая во внимание различия в метриках рассматриваемых показателей. Традиционно ВРП рассматривается с позиции темпов его прироста, которые сравниваются с другими регионами и с предыдущими периодами. Качественные выводы также строятся на основе оценки реального роста ВРП посредством его приведения к некоему ценовому базису более ранних периодов.

Проведенный расчет и анализ показателя нетто-результата экономической деятельности для российских регионов опирался на ретроспективные данные за период с 2005 г. по 2018 г.¹ Общее количество регионов в расчете – 83, не включая Республику Крым и г. Севастополь.

Выполненные расчеты, результаты которых обобщены в табл. 3.11, позволяют сформулировать несколько выводов о распределении нетто-результата экономической деятельности между регионами.

Таблица 3.11 – Обобщенные характеристики нетто-результата экономической деятельности российских регионов за 2006-2018 гг., млрд р.

Показатель	2006	...	2010	...	2013	...	2016	2017	2018
Медиана	-5,9		-10,8		-20,2		1,9	9,9	-11,4
Среднее	505,4		20,3		-357,0		103,9	83,5	213,2

¹ На конец 2020 года данные по большинству задействованных в расчете показателей за исключением выручки и инвестиций в основной капитал были доступны лишь по 2016 год. Недостающие данные за 2017 и 2018 годы в разрезе регионов были экстраполированы с применением скользящего среднего процента от выручки.

Показатель	2006	...	2010	...	2013	...	2016	2017	2018
Доля отрицательных, %	74,1 %		67,1 %		70,6 %		48,2 %	42,4%	56,5%
Доля положительных, %	25,9 %		32,9 %		29,4 %		51,8 %	57,6%	43,5%
сумма всех	41947,5		1685,2		-29627,1		8620,8	6932,3	17695,7
Коэффициент волатильности	9,2		13,6		-8,7		6,6	4,2	7,6

Во-первых, медианное значение нетто-результата экономической деятельности на всем протяжении рассматриваемого периода, за исключением 2016 и 2017 годов, отрицательное, что указывает на преобладание среди численного состава регионов модели эксплуатации регионального имущественного комплекса, размывающей стоимость. Примечательно, что с 2013 года медианное значение стабильно увеличивалось, что могло быть индикатором как повышения операционной эффективности, так и сокращения инвестиций.

Среднее значение весьма вариативно и в некоторых случаях соотносится с календарным периодом, что могло бы объяснить взлеты или падения показателя. Данный показатель коррелирован с суммарной величиной нетто-результата экономической деятельности, максимум которой (41947,5 млрд р.) в исследованной ретроспективе был отмечен в 2006 году, а минимум (минус 29627,1 млрд р.) – в 2013 году, сменившись соразмерным по модулю ростом в следующем году (39935,6 млрд р.). И если 2013-2014 гг. могут быть соотнесены с кризисными явлениями в экономике, обеспечившими волатильность, то всплеск 2006 года трудно объяснить стандартными аргументами (см. рис. 3.10).

Следует отметить, что распределение нетто-результата экономической деятельности между регионами крайне неравномерное и подчеркивает высокую степень асимметрии между ними. Так, в г. Москве сосредоточено в среднем 69,4 % всего положительного нетто-результата экономической деятельности, тогда как размах вариации находится в интервале от 28,7 % (2017 г.) до 98,3 % (в 2006 г.).

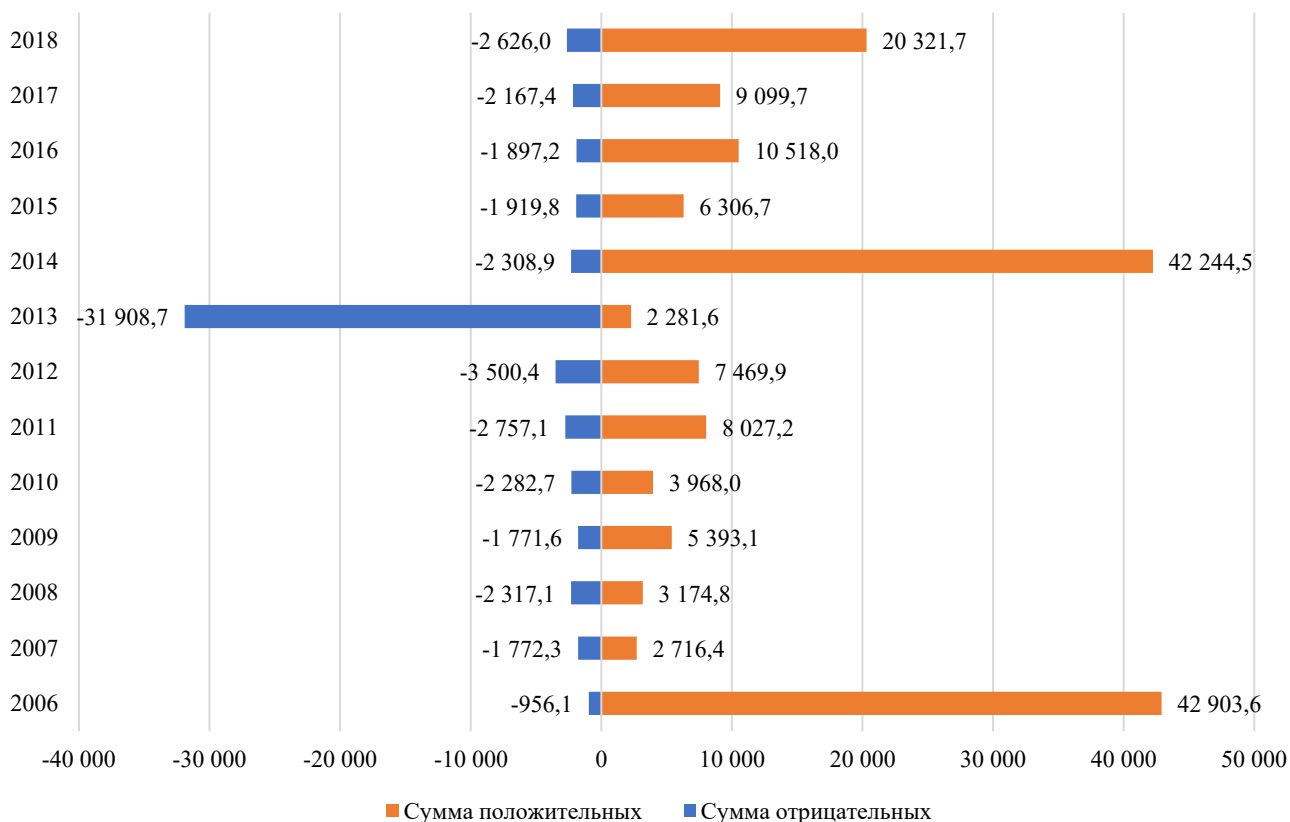

Рисунок 3.10 – Композиция совокупной величины нетто-результата экономической деятельности российских регионов в 2006-2018 гг.

Единственное отрицательное значение нетто-результата экономической деятельности в г. Москве в исследуемой ретроспективе отмечено в 2013 г., когда на ее долю приходилось 89 % всего отрицательного результата. Исходя из этого было подтверждено, что г. Москва представляет собой крупнейший центр генерации добавленной стоимости.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что региональное экономическое пространство с точки зрения показателей эффективности управления региональным имущественным комплексом в значительной степени неоднородно. В стратегической перспективе те регионы, которые увеличили за рассматриваемый период норму реинвестирования ВРП (всего 21 субъект федерации) будут демонстрировать внутригрупповое сближение (сокращение асимметрии), тогда как остальные субъекты федерации оказываются

подверженными повышенным рискам снижения эффективности управления региональным имущественным комплексом.

Модель расчета нетто-результата экономической деятельности можно обозначить как способ расчета агрегированной факторной стоимости имущественного комплекса российских регионов. В полученную модель можно интегрировать оценочные параметры влияния различных организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью и оценить перспективные эффекты трансформации отношений собственности в заданном регионе.

Выполненные расчеты нетто-результата экономической деятельности в российских регионах представляют собой эмпирическое доказательство наличия противоречий в используемых показателях, положенных в основу оценки эффективности функционирования региональных имущественных комплексов: положительные темпы прироста ВРП не являются однозначным индикатором прироста эффективности управления региональным имущественным комплексом. В 11 российских регионах на протяжении 2006-2018 гг. наблюдается отрицательная величина нетто-результата экономической деятельности и лишь в одном регионе (Ханты-Мансийский автономный округ) – положительная во все периоды. Из числа регионов чей ВРП за 2018 год увеличился, 48 субъектов Российской Федерации имели отрицательную величину нетто-результата экономической деятельности. Следовательно, использование в анализе категории «региональный имущественный комплекс» требует пересмотра критериев эффективности управления региональной собственностью, равно как и расширения набора ключевых показателей результативности.

Так, для решения значимой народно-хозяйственной проблемы повышения эффективности регионального имущественного комплекса под воздействием выявленных трендов пространственных преобразований, а также для альтернативного измерения прогресса в решении задачи обеспечения ускоренной динамики социально-экономического развития был предложен и апробирован показатель нетто-результата экономической деятельности в регионе,

представляющий собой модификацию свободного денежного потока, лежащего в основе подхода к управлению, основанного на максимизации стоимости, которая является более объективной и прозрачной категорией.

Сформированные в более ранних работах, в том числе автора данного диссертационного исследования, оценки вклада различных форм собственности в обеспечение ВРП регионов сегодня вряд ли могут быть верифицированы в связи с тем, что официальная статистика указанного показателя в требуемом разрезе не публикуется с 2012 г. В этой связи представляется оправданным обращение к другим индикаторам трансформации отношений собственности, лежащим за рамками институциональных преобразований, которые не очень объективны, поскольку характеристики количественного распределения хозяйствующих субъектов зачастую указывают на безоговорочное преобладание частного сектора¹.

Таким образом, становится актуальным исследование вопросов идентификации новых направлений трансформации отношений собственности, чему может способствовать исследование ретроспективы институциональных преобразований в российской экономике.

¹ См., например: Амирова, О. А. Ресурсное обеспечение инвестиционно-инновационного процесса на региональном уровне / О. А. Амирова, К. В. Екимова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. – 2013. – Т. 7. – № 2. – С. 70.

ГЛАВА 4 ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

4.1 Приватизация и государственное предпринимательство как базовые механизмы реализации отношений собственности

Эволюция организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью тесно связана с характером и направлениями трансформации отношений, складывающихся между экономическими субъектами по поводу владения, пользования и распоряжения элементами имущественного комплекса. В фокусе этих отношений всегда были наиболее ценные с экономической точки зрения объекты имущества, формирующие воспроизводственный базис экономической системы, а ключевые вопросы формулировались в системе координат «государственное – частное», «единоличное – совместное», «равноправное – неравноправное» и т.д.

В результате эволюции современный набор организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью включает в себя как устоявшиеся механизмы, хорошо изученные и предсказуемые, так и недавно сформировавшиеся или зарождающиеся. Поскольку механизмы не являются взаимоисключающими, нет оснований говорить о завершении жизненного цикла одного и о переходе к другому. Есть лишь пространство для ранжирования их по степени востребованности, частоте использования или по уровню экономической эффективности их применения по отношению к одним и тем же классам активов, расположенных в пределах региона.

Исчерпание потенциала эффективного применения конкретного организационно-экономического механизма вряд ли может быть сигнализировано какими-то конкретными индикаторами – это всегда есть результат апостериорной

оценки, когда исследователь или субъект управления констатирует, что развитие данного региона движимо более новыми формами взаимодействия между хозяйствующими субъектами.

Тем не менее, на фоне невозможности индикативного планирования описанного перехода существует возможность обоснования целесообразных и выявления нецелесообразных направлений трансформации отношений собственности в регионе. Такой результат может быть обеспечен на основе исследования сильных и слабых сторон соответствующих организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью, а также стратегических упущений, открывающихся при условии дальнейшей эксплуатации соответствующего механизма.

Позиционирование отношений собственности в научный дискурс началось достаточно давно, причем этот процесс изначально был междисциплинарным, поскольку интерес к данному вопросу проявляли представители разных областей знаний. В результате можно констатировать существование эклектического представления, которое идентифицирует отношения собственности как полипредметную систему общественных отношений, разворачивающихся по поводу владения, пользования и распоряжения объектами материального и нематериального мира. В эмпирической плоскости эти отношения продуцируют несколько пространственных срезов, относительно автономных с точки зрения методологии исследования и практики реализации отношений собственности, но имеющих широкий спектр коннотаций в экономической и правовой сфере. Именно экономическая и юридическая наука сегодня рассматриваются в качестве основных драйверов развития теории и методологии отношений собственности, выступая совместно в обоснование доктрины объективации этих отношений.

Так, экономическая наука выдвигает отношения собственности на факторы производства в качестве основы социально-экономической формации, тогда как юридическое толкование рассматриваемого феномена как совокупности правомочий выступает правовым основанием экономического роста и развития.

Некоторые исследователи в качестве фактора преобразований отношений собственности выделяют технологическую динамику, масштабирование производства и развитие имущественного базиса социально-экономического развития, и некоторые другие достижения современного общества. Тем не менее, подобные обобщения наталкиваются на эмпирическое противоречие, которое выводит на передний план инициативу государства в широком его представлении как главный фактор преобразования отношений собственности. Оставляя за рамками обсуждения вопросы цивилизационного, правового и институционального толка, можно констатировать, что инициатором, проводником и бенефициаром любых трансформаций отношений собственности является государство, предлагающее наиболее адекватные механизмы достижения собственных целей в соответствии с принятой доктриной социально-экономического развития.

Россия как социальное государство, уважающее право частной собственности, вынужденно прибегает к разумным ограничениям этого права в тех случаях, когда это оправдано экономическими или социальными достижениями, либо от имени граждан выступает равноправным участником хозяйственных отношений в целях реализации возложенных на публично-правовые образования функций и осуществления полномочий. Иными словами, инициатором и проводником изменений отношений собственности является государство, действующее в интересах социально-экономического развития, а конкретный выбор формы реализации отношений собственности осуществляется в тесной увязке с базовыми макроэкономическими стратегиями, актуальными для соответствующего этапа социально-экономического развития.

Ключевая роль в исследованиях имущественного комплекса отводится процессам их расширения и трансформации, осуществляемой на основе приватизации. Основная цель массовой приватизации в России состояла в том, чтобы сформировать прослойку эффективных частных собственников, которые в условиях рынка стали бы субъектами, создающими конкурентоспособную

экономику, ориентированную на формирование многочисленного среднего класса и создание базовых условий для экономической стабильности.

Итоги приватизации многократно обсуждались, а лейтмотивом множества дискуссий остается вопрос о справедливости и законности фактического результата. Спустя четверть века с начала приватизации производятся попытки оценить итоги трансформации отношений собственности. Так, например, ВЦИОМ¹ в конце сентября 2017 года провел опрос 1200 респондентов старше 18 лет, который показал, что большинство респондентов (73 %) приписывает итогам массовой приватизации негативный характер, тогда как положительные оценки были получены лишь от 18 % опрошенных.

Интересно отметить, что, по данным ВЦИОМ, большая часть респондентов (37 %) полагает, что частные предприятия работают скорее менее эффективно, чем государственные, а немногим более четверти респондентов (28 %) усматривают более высокую степень эффективности в частном секторе, тогда как суммарная величина негативных и нейтральных оценок – 61 % – указывает на то, что частный сектор в восприятии широкой общественности не справляется с возложенными на него задачами обеспечения экономического роста (см. рис. 4.1).

С другой стороны, увеличение доли госсектора в экономике происходит и косвенно через создание квази-частных компаний, в которых государственное имущество и частный капитал теоретически могут обеспечивать синергетический эффект и отводить на второй план проблему выбора эффективного собственника в пользу вопроса об эффективном пользователе или эксплуатанте. Гораздо более значимым в современных условиях является обеспечение возможности для роста объема промышленного производства за счет использования объектов регионального имущественного комплекса наиболее рациональным способом.

¹ Большая приватизация: 25 лет спустя. Пресс-выпуск №3480 [Электронный ресурс]. – М. : ВЦИОМ, 2017. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116426> (дата обращения: 02.12.2020)

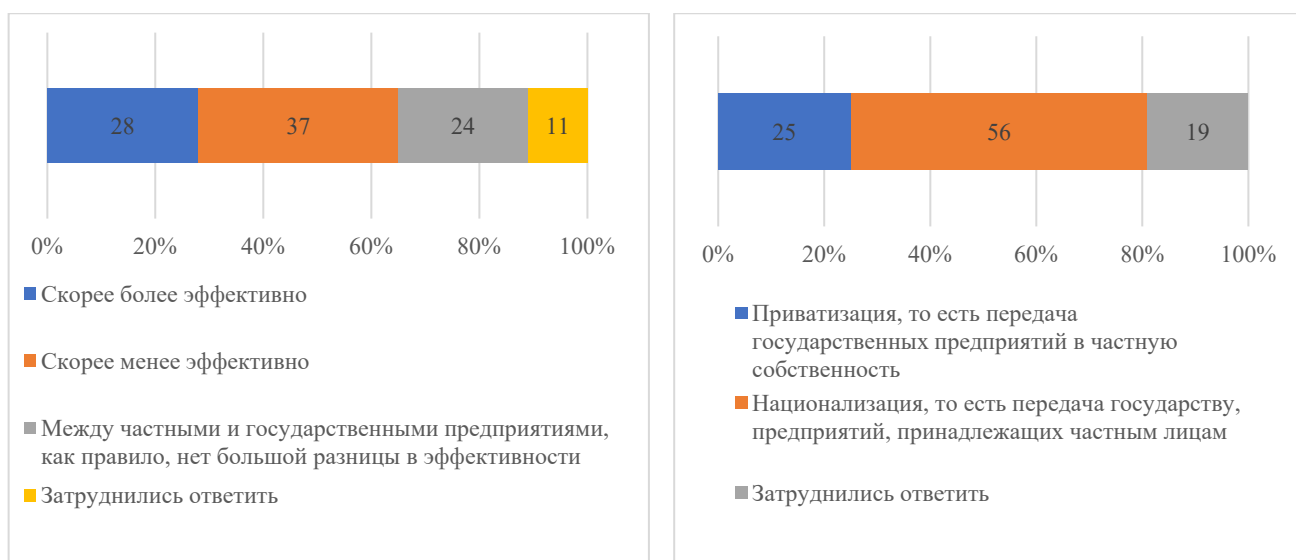

Рисунок 4.1 – Распределение ответов респондентов на вопрос о сравнительной эффективности частных и государственных предприятий (слева) и о соответствии приватизации текущим приоритетам страны (справа), %¹

Таким образом, в российской экономике сегодня сложилась ситуация, в которой государство остается значимым держателем капитала и поставщиком различных социальных и экономических благ. Такое положение дел имеет свою рефлексию в общественном мнении: 56 % респондентов указывают на то, что более предпочтительной на данном этапе социально-экономического развития является национализация.

Приватизация же должна рассматриваться именно как «техническое» явление, направленное на планомерное выбытие из государственного или муниципального владения той части активов, которая не соответствует требованиям, предъявляемым сегодня к эффективному инвестиционному портфелю реальных активов. Следствием сложившейся ситуации является тот факт, что доходы бюджетов от приватизации имеют незначительный удельный вес в структуре совокупных доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (см. табл. 4.1).

¹ Большая приватизация: 25 лет спустя. Пресс-выпуск №3480 [Электронный ресурс]. – М. : ВЦИОМ, 2017. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116426> (дата обращения: 02.12.2020)

Таблица 4.1 – Доходы региональных и муниципальных бюджетов от приватизации публичных активов в 2018 году

Федеральные округа	Поступления доходов от приватизации в консолидированные бюджеты субъектов федерации, млн р.	Доходы консолидированных бюджетов субъектов федерации, млн р.	Доля доходов от приватизации в совокупных доходах, %
Российская Федерация	141 375,13	14 349 395,15	0,99
Федеральные округа			
Центральный	42 568,06	4 755 315,17	0,90
Северо-Западный	21 108,69	1 605 031,01	1,32
Южный	8 151,54	1 144 270,89	0,71
Северо-Кавказский	1 343,79	548 710,55	0,24
Приволжский	12 843,66	2 087 743,80	0,62
Уральский	7 402,68	1 517 406,46	0,49
Сибирский	5 494,34	1 490 666,78	0,37
Дальневосточный	42 462,37	1 200 250,48	3,54

Очевидно, что в среднем по стране консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2018 г. обеспечивали за счет приватизации лишь 1 % своих совокупных доходов, тогда как разброс значений был в интервале от 0,24 % (Северо-Кавказский федеральный округ) до 3,54 % в Дальневосточном федеральном округе.

Неоднозначные эффекты приватизации отмечаются и в других странах. Например, в работе И. Катсулакоса и Е. Ликоянни¹ на основе эконометрического анализа статистических данных 23 стран членов ОЭСР за 1990-2000 гг. было доказано отсутствие значительной корреляции между доходами бюджетов от приватизации и уровнем дефицита бюджета. В частности, указанные авторы предлагают использовать в качестве оценочного фактора величину поступлений в бюджет от приватизации государственного и муниципального имущества,

¹ Katsoulakos, Y. Fiscal and Other Macroeconomic Effects of Privatization [Электронный ресурс] / Y. Katsoulakos, E. Likoyanni // Fondazione Eni Enrico Mattei. – 2002. – Working paper 113.2002. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=363900 (дата обращения: 02.12.2020)

указывая таким образом на цель трансформации, состоящую в преодолении дефицита соответствующего бюджета.

Придерживающиеся такого же взгляда В. Джеронимо и соавторы¹ на выборке данных за 1990-1997 гг. получили иной вывод, доказывающий наличие отрицательной и статистически значимой связи между двумя указанными переменными. Иное назначение трансформации отношений собственности усматривают И. Катсулакос и Е. Ликоянни², в работе которых доказано наличие статистически значимого ее воздействия на величину государственного долга, а также на уровень безработицы в соответствующих экономических системах.

Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как исчерпание эффекта от приватизации, поскольку значительное количество объектов было приватизировано ранее. С другой стороны, вновь созданные за счет бюджетных инвестиций объекты воспроизводственного потенциала остаются в государственной или муниципальной собственности, не будучи включенными в планы приватизации, и обеспечивают налоговые доходы, равно как и доходы от собственности, тем самым эмпирически подтверждая существование концепции публичного предпринимательства. Действительно, вряд ли стоит рассматривать объекты государственной и муниципальной собственности как активы, ожидающие продажи частному инвестору. По мере адаптации лучших управленческих практик и распространения современных организационно-экономических механизмов управления региональным имущественным комплексом значимость приватизации будет снижаться и в дальнейшем.

Существующие оценки процессов, происходящих в сфере приватизации государственного имущества, содержат указание на отсутствие системности процесса, а также на значительное количество экономических или организационных противоречий, порождаемых решениями о выбытии в частное

¹ Jeronimo, V. Privatization and European Economic and Monetary Union / V. Jeronimo, J. A. Pagan, G. Soydemir // Eastern Economic Journal. – 2000. – Vol. 26. – No. 3. – P. 321-333.

² Katsoulakos, Y. Fiscal and Other Macroeconomic Effects of Privatization [Электронный ресурс] / Y. Katsoulakos, E. Likoyanni // Fondazione Eni Enrico Mattei. – 2002. – Working paper 113.2002. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=363900 (дата обращения: 02.12.2020)

владение того или иного элемента имущественного комплекса публичных образований.

Несмотря на то, что приватизация реализуется в соответствии с планом, признаки четко обозначенной стратегии государства в сфере управления имуществом публичных образований не наблюдается. Напротив, происходят два параллельных процесса, в определенном смысле противоположных по духу и замыслу. Так, с одной стороны, мы наблюдаем процесс формирования вертикальных и горизонтальных интеграционных объединений под эгидой государства и за его счет – укрепление концепции государственного предпринимательства. С другой стороны, продолжается выбытие имущественных комплексов, часть из которых можно признать убыточными, однако другая часть выбывает по неочевидным причинам.

Наблюдаемые на протяжении последних 25 лет процессы изменения «вектора приватизации» обусловлены переосмыслением опыта, накопленного по завершении периода государственной монополии на производственные активы, землю и интеллектуальную собственность. На этом фоне было бы ошибочным утверждать, что в России сформировался особый путь развития отношений собственности, однако основные тезисы государственной политики позволяют сформулировать вполне закономерную последовательность этапов эволюции отношений собственности в проекции управления государственной собственностью:

1. Государство как собственник не эффективно, в связи с чем нужна массовая приватизация. Данный этап известен своими последствиями, равно как и вкладом в перераспределение центров прибыли и центров ответственности, хотя и не лишен позитивных практик, уроков и результатов, которые были достигнуты в ходе обширного разгосударствления.

2. Государство как собственник, по-прежнему, неэффективно, однако контроль за стратегическими объектами, системообразующим предприятиями и экспортерами исключительно важен. Эта веха в современных отношениях собственности, известная как «ограниченная деприватизация», была вынужденной

мерой в интересах сохранения источников поступления средств в бюджетную систему.

3. Государственное предпринимательство может выступать значительным источником неналоговых поступлений в бюджеты всех уровней и будет выступать таковым. Этап характеризуется обретением государством контроля над высокорентабельными предприятиями, а также бизнесами, генерирующими значительный бюджетный эффект в виде налогов и сборов. Подобное развитие событий имеет под собой и альтернативное, но вполне традиционное обоснование – диверсификация (в данном случае – источников доходов бюджетов) является одним из факторов финансовой устойчивости социально-экономической системы.

4. Стратегические интересы социально-экономического развития оправдывают расширение государственного предпринимательства, однако сталкиваются с бюджетными ограничениями и внешними вызовами: значительная степень деприватизации угрожает инвестиционной привлекательности и формирует значительную массу транзакционных издержек, связанных с необходимостью действенного участия в управлении хозяйственными обществами, включая докапитализацию и прочие прямые затраты средств бюджета.

5. Концепция формирования пассивного дохода от обладания капиталом естественным образом находит поддержку значительного числа предпринимателей, причем государство не является исключением. Драйвером роста её популярности стали два объективных ограничения: предпринимательская деятельность государства предполагает участие в капитале хозяйствующих субъектов, что требует расходования бюджетных средств; существует обширная прослойка экономически убыточных проектов, продать которые не представляется возможным из соображений социальной стабильности, экономической безопасности или еще каких-либо мотивов, что размывает пассивную доходность бюджетных инвестиций.

6. Размывание пассивной доходности на бюджетные инвестиции инфраструктурными и социально-ориентированными проектами порождает

необходимость перекладывания бремени расходов по их реализации на частный сектор при сохранении контрольных полномочий и разумном ограничении права собственности инвестора на вновь создаваемые или передаваемые объекты. Собственно идеология с позиции рационального управления является актуальной и оправданной, учитывая целесообразность реформирования структуры доходов региональных бюджетов.

Инвесторы объективно заинтересованы в разумных сроках окупаемости инвестиций в предметы ведения публично-правовых образований, что вступает в противоречие с объективной реальностью: автомобильные дороги, детские сады и элементы теплоснабжающей инфраструктуры окупаются долго или являются некупаемыми. Существующие подходы к оценке инвестиционных проектов, основанные на дисконтировании денежных потоков, при адекватной оценке ставки дисконтирования (без необоснованного ее занижения) на горизонте 15 лет и более «обнуляют» любой положительный денежный поток. Это открывает вопросы о горизонте принятия риска и оценке ликвидационной стоимости проекта, которая должна быть ненулевой и гарантированной с позиции обязательств выкупа, то есть финансирования этой стоимости. Стоит отметить, что в условиях положительных процентных ставок инвестиции в инфраструктурные проекты непривлекательны, тогда как при существовании отрицательных ставок доходности на вложенный капитал долгосрочные инвестиции представляются адекватным вложениям капитала даже в традиционных рамках восприятия эффективности проектов с учетом изменения стоимости денежных потоков во времени.

Инвесторы также заинтересованы в налаживании интеграционных связей с публично-правовыми образованиями, что выступает для них неким агрегатом прозрачности, эффективности и конкурентоспособности, подтверждением позитивной деловой репутации, которые в совокупности должны быть реализованы и монетизированы. В качестве методологического обоснования целесообразности интеграции между хозяйствующими субъектами различного уровня управленческой иерархии, масштаба и формы собственности можно

использовать разработки Е.В. Курушиной¹, рассматривающей интеграцию как процесс самоорганизации сложных систем, протекающий в социально-экономическом пространстве. Также интересными с позиции формирования методологических воззрений на предмет и метод интеграции, релевантных проблематике трансформации отношений собственности, можно признать достижения Е.В. Пономаренко², описывающей процесс интеграции с позиции архитектуры как эволюционную траекторию взаимной адаптации позитивных черт и исключения архаизмов и анахронизмов, что может быть транслировано на любые социально-экономические отношения, в том числе и на отношения собственности.

Следовательно, эволюция такого организационно-экономического механизма управления региональной собственностью, как приватизация, описанная в данной части работы, в современных экономических условиях неизбежно меняет вектор трансформации отношений собственности в сторону механизмов, основанных на интеграционном взаимодействии. Объективные познания о процессе интеграции позволяют предположить, что объединение усилий двух секторов – государственного и частного – позволит обеспечить синергетический эффект. Такое предположение лежало в основе инициатив, во многом предвосхитивших успех внедрения государственно-частного взаимодействия, поскольку именно оно выступает идеологической, организационно-правовой и экономической платформой реализации интеграционных связей в правовом поле.

В ряде исследований подчеркивается, что государственно-частное партнерство в современных условиях рассматривается в качестве взаимовыгодной альтернативой, способной обеспечить согласование интересов государства, бизнеса и населения. В таблице 4.2 представлены обобщенные выгоды государственно-частного партнерства для каждой из сторон.

¹ Курушина, Е. В. Экономическая интеграция с позиций методологии научного познания (вопросы классификации) / Е. В. Курушина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8 (часть 5). – С. 1146-1150.

² Пономаренко, Е. В. Архитектурно-градостроительное наследие Южного Урала: дис. ... докт. арх.: 18:00:01 / Пономаренко Елена Владимировна. – Челябинск, 2009. – 615 с.

В условиях низкой рентабельности и длительных сроков окупаемости вопрос об экономической целесообразности участия частного сектора в таких проектах решается на стыке институциональной теории, финансового менеджмента и маркетинга, хотя не исключаются и возможности применения актуальных достижений теории и практики управления рентабельностью. В частности, инвестор в результате таких взаимодействий формирует публичный капитал, условно идентифицируемый как деловая репутация и обеспечивающий вклад в конкурентоспособность предприятия. На практике этот капитал часто монетизируется в виде открытых преференций при размещении государственного и муниципального заказа в пользу конкретных субъектов (если обозначить в качестве критерия отбора победителя конкурса наличие положительной репутации при реализации государственно-частного партнерства).

Таблица 4.2 – Выгоды государственно-частного партнерства для его участников

Интересы сторон	Выгоды
Органы государственной власти	Минимизация капитальных и эксплуатационных затрат на объекты инфраструктуры, перераспределение бремени рисков, возникающих в процессе эксплуатации, расширение спектра реализуемых одновременно проектов, доступ государства к компетенциям, технологиям и бизнес-моделям управления с последующей возможностью их адаптации в государственном и муниципальном управлении.
Предпринимательские структуры	Доступ к ряду публичных активов, традиционно являющихся закрытыми для частных инвестиций, или участие в которых негосударственных структур ограничено; гарантированный и долгосрочно оплачиваемый заказ государства на обслуживание и эксплуатацию объекта соглашения о партнерстве; выгоды в сопряженных сферах в виде льгот и преференций, в том числе при размещении государственного / муниципального заказа за рамками соглашения о ГЧП/ЧГП.
Экономическая система в целом	Кратное ускорение темпов роста и модернизации инфраструктуры, синергетические эффекты от объединения финансового, реального и социального капитала бизнеса и государства, рост качества продукции и услуг, совершенствование конкурентной ситуации на рынке и либерализация целого ряда сфер деятельности, а также сокращение нагрузки на бюджетную систему.

Таким образом формируется положительный чистый денежный поток от текущей деятельности, перекрывающий полностью или частично убытки от

операционной деятельности в рамках государственно-частного партнерства. В этом же проявляются его выгоды с позиции маркетингового подхода.

Монетизация выгод частного сектора от государственно-частного партнерства происходит в соответствии с постулатами теории оценки стоимости капитала посредством агрегата, известного как «экономическая добавленная стоимость». Достижения теории гласят, что любому предпринимательскому проекту сопутствуют активы и обязательства, не подлежащие достоверной стоимостной оценке ввиду отсутствия адекватной методологии. Такие активы (и обязательства тоже) получили название «эквиваленты капитала», которые влияют на стоимость капитала в рамках проекта, включая проекты государственно-частного партнерства. Презюмируя валидность концепции «бизнес как товар», можно выделить факторы роста текущего благосостояния собственника бизнеса и роста стоимости бизнеса в долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективе. Тем не менее, стоимостная оценка эквивалентов капитала в рамках государственно-частного партнерства представляется возможной при использовании методологии оценки гудвилла, который в упрощенном представлении рассматривается как положительная разница между рыночной и балансовой стоимостью объекта инвестирования.

Подводя промежуточный итог описанной выше эволюции концептуального оформления отношений собственности применительно к объектам, находящимся в ведении публично-правовых образований, можно констатировать, что государственно-частное партнерство является закономерным результатом трансформации отношений собственности и развития приватизации как организационно-экономического механизма управления региональной собственностью. Это означает, что вектор управления региональным имущественным комплексом постепенно смещается в сторону предсказанного ранее формирования распределенных сетей пространственного взаимодействия между экономическими субъектами по поводу использования элементов основного капитала в целях осуществления постоянных или разовых бизнес-операций.

4.2 Механизм государственно-частного партнерства в системе управления региональной собственностью

Позиционируя государственно-частное партнерство в рамки пространственной парадигмы, необходимо обозначить ряд предпосылок, способствующих наблюдаемой миграции в управлении региональными имущественными комплексами от организационно-экономического механизма приватизации в сторону партнерств.

Во-первых, более детальное исследование показателя нетто-результата экономической деятельности регионов позволяет предположить постепенное распространение региональной экономической активности за пределы административно-территориальных границ субъектов Российской Федерации. Два основных компонента нетто-результата экономической деятельности – чистая операционная прибыль и чистые инвестиции – могут генерировать отрицательный результат в том, например, случае, когда экономические субъекты, создающие стоимость в одном регионе, осуществляют капитальные вложения в другой регион без последующего возвращения результатов этих инвестиций в регион базирования. Это отчасти объясняет хронически отрицательный нетто-результат в значительном количестве регионов, для которых это означает перманентный отток капитала в сторону одного из центров притяжения (например, в столичный регион).

Во-вторых, отток капитала из региона фактически свидетельствует о включенности целого ряда экономически активных субъектов в интенсивно взаимодействующие партнерские сети, а значит принципы и механизмы этого взаимодействия, и влияние на социально-экономическое развитие регионов должны исследоваться в комплексе и с учетом теории пространственной экономики.

На фоне происходящих изменений методологический аппарат научных исследований также адаптируется. В настоящее время внимание исследователей фокусируется на поиске эффективной модели регионального развития за счет

освоения пространства и повышения уровня его связанности. Современные исследования в области пространственной экономики нацелены на определение закономерностей пространственного развития и выявление роли свойств пространства, оценку структуры и закономерностей пространственных трансформаций, выяснение порядка эволюции пространственных образований, так и их составляющих – отдельных сфер хозяйствования.

Стоящая перед российской экономикой народнохозяйственная проблема обеспечения ускоренных темпов социально-экономического развития фактически декларирует невозможность дальнейшего акцента на «традиционном» организационно-экономическом механизме управления региональной собственностью, поскольку он в течение периода своего активного применения не смог обеспечить формирование современного высокотехнологичного конкурентоспособного комплекса. Тем самым была сформирована фундаментальная предпосылка запуска процесса реиндустриализации и модернизации российской экономики.

Реиндустриализация рассматривается как механизм изменения одного из пространственных срезов, связанных с промышленным производством. Преобразование экономического пространства в более широком ключе (включая и непромышленные срезы, виртуальную экономику и пр.) идентифицируется как модернизация, а в случае серьезного изменения пространственной структуры и ее системообразующих элементов – как трансформация.

Представляется, что система государственного управления регионом имеет потенциал роста эффективности, только если учтены особенности динамики развития регулируемого объекта. При этом курс на модернизацию предполагает активное вмешательство органов власти в протекающие процессы, что требует пересмотра взглядов на государственное управление региональным развитием, в том числе и выхода регулирования за рамки административно-территориальных границ.

Проблематика трансформации управления территорией обрела междисциплинарный характер, проявлением которого являются работы,

исследующие такие ее срезы как эволюция пространственно-градостроительной архитектуры¹, изменения качества регионального производства², культурно-ценностных аспектов, равно как и культурно-исторического пространства³.

Работы, посвященные инструментам и факторам преобразования экономического пространства, также характеризуются многоплановостью. Например, в работе Е.А. Неживенко отмечены такие факторы, обеспечивающие запрос на интеграцию государственного и частного секторов, как эффективность товарных рынков, уровень развития институциональной среды, эффективность защиты прав собственности, качество стандартов корпоративного управления⁴. С.А. Головихиным предлагается существенное внимание уделять «характеристике человеческих ресурсов и связанных с их формированием и использованием конкурентных преимуществ»⁵, что в полной мере согласуется с концепцией развития человеческого капитала как драйвера конкурентоспособности территории. Все эти факторы требуют междисциплинарного подхода к их исследованию, что тоже является прерогативой пространственной экономики.

Таким образом, эффективное управление развитием региона должно опираться на обоснованную комбинацию перечисленных факторов модернизации, которые гармонично уравнивают конфигурацию пространства в сочетании с инновационной деятельностью. В условиях наблюдаемого дефицита капитала, идей и предпринимательских инициатив есть основания утверждать, что эти три слагаемых распределены между государственным и частным секторами экономики. Сложившаяся в мире практика отводит государству в рамках проектов партнерств роль поставщика «материального базиса» в виде существующих

¹ Пономаренко, Е. В. Эволюция планировочных структур городов Южного Урала: фатореферат дис. ... канд. арх.: 18.00.01 / Пономаренко Елена Владимировна. – Москва, 1997. – 24 с

² Семенов, В. Л. Организация процесса обеспечения качества регионального производства / В. Л. Семенов, В. В. Смирнов // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 6. – С. 357-381.

³ Шабанов, Л. В. Компаративный анализ молодежной субкультуры и ее представителей в культурно-историческом пространстве мифов и дискурсов российского общества / Л. В. Шабанов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11. – С. 44-52.

⁴ Неживенко, Е. А. Актуальные проблемы исследования конкурентоспособности российских регионов / Е. А. Неживенко // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 84.

⁵ Головихин, С. А. Проблема диагностики региональной конкурентоспособности / С. А. Головихин // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-5. – С. 982.

объектов инфраструктуры, иных имущественных комплексов или, например, земельных участков. Разумеется, не исключены «безденежные» инвестиции в виде гарантий по кредитам или облигационным займам.

В таком случае закономерным будет объединение усилий для получения синергетического эффекта, а организационным базисом подобного рода интеграции должно стать государственно-частное партнерство, которое представляет собой форму средне- и долгосрочного взаимодействия власти и бизнеса с целью реализации проектов для решения общественно значимых задач на условиях, выгодных обеим сторонам.

Подходы к определению государственно-частного партнерства весьма многочисленны, что определяет существование плюрализма во взглядах и оценках рассматриваемого феномена. В прикладном смысле его определяют как формы и методы организации хозяйственной деятельности самостоятельных рыночных субъектов путем ассоциирования с публично-правовыми образованиями в части владения, пользования и ограниченного распоряжения их имущественным базисом в инвестиционных и иных целях.

С сугубо теоретической точки зрения государственно-частное партнерство, исходя из толкования слова «партнерство», охватывает крайне широкий набор способов и средств взаимодействия государства и частного сектора, описанных в гражданском законодательстве: отношения по поводу возмездного пользования имуществом, поставки товаров и оказания услуг, совместного предпринимательства, управления имуществом, выполнения исследований, передачи прав и т.д. При этом в данную категорию могут входить разного рода контакты не только в экономической сфере или в предпринимательском сегменте, но и в социальной, культурной сфере, в молодежной политике, образовании, НИОКР и т.д.

А.И. Абдрахманов, определяя государственно-частное партнерство пишет, что оно представляет собой «институт взаимовыгодного сотрудничества двух многосоставных субъектов партнерских отношений государства и частных предпринимателей всех уровней, на базе которого формируется симбиоз и

объединение ресурсов, опыта и знаний обеих сторон, направленных на решение общественно-значимых социальных и управленческих задач в широком спектре областей (от промышленной отрасли до сферы государственных услуг)»¹. Государственно-частное партнерство с институциональной точки зрения обладает специфическими чертами и получает как форма взаимодействия экономических агентов интерпретацию, отличную от традиционной.

Например, в исследовании Л.А. Изгалиной государственно-частное партнерство определяется в контексте институционального подхода как «институциональный альянс, подкреплённый политической волей, между государством и частным бизнесом в целях повышения эффективности государственного управления, использования государственного имущества, реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР за счёт передачи бизнесу ответственности за предоставление традиционных государственных услуг или выполнение функций»². Принципиальным преимуществом использования государственно-частного партнерства является возможность с его помощью преодолеть структурные диспропорции в экономике, обеспечив тем самым реализацию перспективных мер государственной экономической, научно-технической и социальной политики, избежать углубления дифференциации социально-экономического развития субъектов федерации и обеспечить выравнивание условий и возможностей для их социально-экономического развития.

Очевидно, что публично-правовые образования, выступая инициатором партнерства, имеют возможность косвенно регулировать потоки инвестиций в ту сферу деятельности, развитие которой рассматривается в качестве долгосрочного приоритета.

¹ Абдрахманов, А. И. Государственно-частное партнерство в России и государствах Западной Европы: политологический анализ: автореферат дис. ... канд. полит. н. / Абдрахманов Альберт Илдусович. – Москва, 2013. – С. 14.

² Изгалина, Л. А. Глобальный кризис и механизмы государственно-частного партнерства / Л. А. Изгалина // Власть. – 2009. – № 10. – С. 83.

Р.Г. Леонтьев и А.В. Барчуков, исследуя феномен государственно-частного партнерства, приходят к заключению, что «в современном понимании государственно-частное партнёрство – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации национальных и международных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности – от развития стратегически важных отраслей национальной экономики, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ до обеспечения общественных услуг»¹.

Углубляясь в терминологию, необходимо отметить, что государственно-частное партнерство охватывает широкий спектр отношений от контрактации до совместного предпринимательства, однако узкая трактовка данного феномена имеет дело с частным финансированием процесса реализации инфраструктурных инвестиционных проектов, в рамках которых частному партнеру предоставляется широкий набор прав пользования объектом инвестирования. Таким образом, многообразие форм реализации государственно-частного партнерства включает в себя следующие:

- контрактация – купля-продажа товаров и оказание услуг государственным сектором частному сектору или наоборот;
- возмездное пользование имуществом – аренда, оперативное и доверительное управление;
- совместное предпринимательство – учреждение хозяйственных обществ на основе объединения капиталов государственного и частного секторов;
- концессионные соглашения – передача объекта имущества в длительное пользование частному субъекту, в том числе на праве собственности, в целях налаживания эффективного функционирования данного объекта с обязательством обратного выкупа или иного рода передачи объекта в государственную (муниципальную) собственность;

¹ Леонтьев, Р. Г. Финансирование инфраструктурных объектов в рамках государственно-частного партнёрства на железнодорожном транспорте / Р. Г. Леонтьев, А. В. Барчуков // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 3. – С. 29.

- приватизация и деприватизация;
- встречные закупки и компенсационные сделки, в рамках которых частный сектор за собственный счет или на условиях софинансирования создает производственные мощности, а возврат вложенных средств осуществляется в виде готовой продукции или части средств от ее реализации.

Исследователи вопроса отмечают, что всю совокупность взаимодействий между государственным и частным секторами, попадающих в широкую трактовку государственно-частного партнерства, можно классифицировать, разделив их на две большие категории: институциональные формы партнерства, предполагающие возникновение новых или функционирование существующих хозяйственных обществ на основе объединения капитала, а также контрактные формы партнерства, вобравшие в себя все перечисленные формы взаимодействия между бизнесом и публично-правовыми образованиями по поводу совершения различных сделок и исполнения договоров.

Следует отметить, что, несмотря на всю широту возможных трактовок, пространство идентификации государственно-частного партнерства как актуального феномена и направления трансформации отношений собственности имеет вполне очерченные границы.

Во-первых, партнерство рассматривается именно как определяющий атрибут, указывающий на юридическое и хозяйственное равноправие государства и частного сектора, которые в данном случае выступают сторонами сделки. Это означает, что принцип суперпозиции государства (или бизнеса в некоторых сферах) не действует в отношениях, регулируемых государственно-частным партнерством. Углубление в юридический смысл партнерства позволяет вывести на поверхность такие важные с квалификационной точки зрения аспекты, как солидарная ответственность, распределение рисков, баланс прав и обязанностей, добровольный, конкурентный и рыночный характер взаимодействий.

Во-вторых, государственно-частное партнерство рассматривается как самостоятельная правовая конструкция. Если развивать логику того, что договор возмездного оказания услуг частным бизнесом публично-правовому образованию

устанавливает между ними партнерство с точки зрения практики повседневного словоупотребления, то тогда государственно-частное партнерство – это вид сделок, где само по себе партнерство ради достижения некоторой цели является предметом приложения совместных усилий.

В-третьих, участники государственно-частного партнерства осуществляют долгосрочное объединение капитала с его концентрацией в частном секторе. Следовательно, данная форма реализации отношений собственности имеет право быть рассмотренной как способ капитализации частного сектора и квази-приватизации государственного сектора. В такой же логике происходит распределение рисков, финансовых результатов, гражданской ответственности.

Феномен государственно-частного партнерства является предметом пристального внимания научных школ, принадлежащих самым различным наукам. Многоаспектность проблемы, равно как и широта методологического базиса, отсылающего к междисциплинарным исследованиям, определяют возможность интегрирования под началом одного исследования целого комплекса работ, посвященных достаточно обособленным областям знания, тем не менее, имеющим общий знаменатель в виде государственно-частного партнерства.

С этой точки зрения представляют интерес не только работы, непосредственно связанные с изучением отдельных аспектов рассматриваемого феномена, но и труды авторов, осуществивших вклад в разработку проблематики экономического развития, трансформации социально-экономических систем, нормативно-правового регулирования, согласования интересов различных групп акторов при реализации государственной политики по различным направлениям и т.д.

Актуальность и значимость внедрения механизма государственно-частного партнерства повышают интерес ученых к данной проблеме. При росте внимания повышается роль изучения взаимосвязей между формами собственности и согласованием интересов и отношений между участниками партнерских отношений.

Сказанное позволяет констатировать, что современные представления о сущностных характеристиках государственно-частного партнерства могут быть дезинтегрированы в следующие основные предметно-объектные области исследования (см. таблицу 4.3):

Таблица 4.3 – Структуризация областей исследовательского интереса проблем государственно-частного партнерства

Область исследовательского интереса	Авторы, внесшие наиболее значимый вклад
Исследование допустимости и пределов вмешательства государства в экономику, в том числе в регулирующих целях	А. Смит, Д. Риккардо, Ф. фон Хайек, Л. фон Мизес, Дж. Кейнс, Л. Эрхард и др.
Факторы экономического роста и развития, исследование возможностей конструктивного воздействия на динамику социально-экономических систем	Л. Анселин, Д. Аудретш, И. Валлерстайн, г. Мюрдаль, Ш. Эйзенштадт и др.
Теория и методология пространственной экономики	У. Айзард, П. Нийкэмп, Е.Г. Анимица, А.Г. Гранберг, Г.Б. Клейнер, П.А. Минакир, А.Г. Полякова, Н.М. Сурнина и др.
Структурирование и организационно-экономическое исследование отношений двух секторов с точки зрения взаимопроникновения и взаимовлияния - взаимодействие государства с бизнесом как элемент государственной экономической политики	Д. Стиглиц, Л.И. Абалкин, Е.Т. Гайдар, А.Ю. Зудин, Г.Н. Комкова, Д.А. Максимов, А.Д. Некипелов, Я.Ш. Паппэ, С.П. Перегудов и др.
- государство как бизнес-субъект – неокорпоративизм	С.П. Перегудов, Ф. Шмиттер и др.
- сущностное и концептуальное оформление теории взаимоотношений государства и бизнеса	Р. Даль, Ч. Линдблом, М. Олсон, А.А. Кинякин, Ю.А. Нисневич и др.
- сетевой поход к политике и государственному управлению	Л.В. Сморгунов, И.Н. Барыгин, М.В. Ромм, Р.А. Заякина и др.
- модернизация в качестве причины и следствия взаимодействия государства и бизнеса	Г. Алмонд, Д. Пауэлл, Д. Аптер, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.
Трансформация отношений собственности и более широкие системные преобразования как предпосылки к развитию государственно-частного партнерства	М.Г. Анохин, А.Ю. Мельвиль, А.В. Рябов и др.
Государственно-частное партнерство как система организационно-экономических отношений в контексте необходимости повышения эффективности управления собственностью	В.Г. Варнавский, М.В. Вилисов, С.Н. Сильвестров, Р.Ф. Туровский и др.
Институциональное и нормативно-правовое оформление государственно-частного партнерства, систематизация и исследование возможностей адаптации зарубежного опыта	А.В. Белицкая, Ю.С. Емельянов, К.И. Колесникова, Д.Е. Слизовский и др.

Итак, государственно-частное партнерство представляет собой институциональный, организационный и финансовый альянс заинтересованных сторон в лице органов власти и бизнеса для решения различных задач социально-экономического развития. Оно развивается в различных формах и уместно во всех видах экономической деятельности, фактически выступая в качестве современной формы реализации экономических отношений в условиях смешанной экономики сетевого характера. Таким образом, пространственная экономика как новая методология исследования региональных социально-экономических процессов может обеспечить целостное представление о характере процессов социально-экономического развития. Эта целостность с точки зрения пространственной парадигмы предполагает, что применение государственно-частного партнерства должно затрагивать не только проекты развития транспортной сети, но и проекты в отношении перспективных для территории видов деятельности с целью обеспечения связанности экономического пространства на базе процессов конвергенции.

Специфический характер пространственной динамики определяет возможности применения государственно-частного партнерства или отсутствие таковых. В табл. 4.4 типы динамики пространства соотнесены с характером преобразовательных процессов с точки зрения особенностей применения механизмов государственно-частного партнерства.

Итак, государственно-частное партнёрство представляет собой форму взаимоотношений между государственными структурами и частным бизнесом, целью которых является использование в течение длительного периода и на возвратной основе ресурсов частного сектора (финансовых, технических и управленческих) для оказания потребителям услуг, которые традиционно предоставляются государством.

Таблица 4.4 – Взаимосвязь пространственной динамики с возможностями применения государственно-частного партнерства

Тип динамики пространства	Характер преобразовательных процессов	Особенности применения механизма ГЧП
«Клановое» социально-экономическое пространство	Пространственное объединение, слияние, расширение социально-экономических систем	Совместное предпринимательство, концессионные соглашения (единые цели и средства)
«Гомогенное, матричное» социально-экономическое пространство	Распад на локальные социально-экономические пространства с дальнейшей изоляцией	Софинансирование (единые цели – разные средства)
«Гетерогенное, матричное» социально-экономическое пространство	Деление на локальные социально-экономические пространства с дальнейшим поглощением отдельных локальных пространств	Взаимные поставки (разные цели – единые средства)
Социально-экономическое пространство – «натуральное хозяйство»	Сжатие и изоляция социально-экономического пространства	Государственно-частное партнерство отсутствует (разные цели и средства)

Необходимо подчеркнуть, что в основе государственно-частного партнерства лежит совместная деятельность, при которой государство и бизнес реализуют отношения на паритетной основе. То есть проекты не финансово поддерживаются государством, а реализуются при его непосредственном участии.

В последнее время практика сотрудничества государства и бизнеса получает все большее распространение и, более того, начинает доминировать в сфере удовлетворения общественных потребностей. При этом государственно-частное партнерство имеет принципиальное преимущество перед другими способами реализации отношений собственности, не предполагающее переход права собственности. Иными словами, государственно-частное партнерство следует рассматривать как альтернативу приватизации при более эффективном достижении ее целей. С другой стороны, такое партнерство может выступать в качестве средства выполнения программ приватизации государственного или муниципального имущества в отношении малопривлекательных с инвестиционной точки зрения объектов. Таким образом, государственно-частное партнерство обеспечивает частичное или полное снятие бремени расходов бюджета

соответствующего уровня на содержание определенного объекта публичной собственности в долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективе.

Сотрудничество частного и государственного секторов в сфере управления публичными активами стратегического значения (например, жизнеобеспечивающие системы, транспортная инфраструктура, линейные объекты и т.д.) представляет интерес и с точки зрения его социальной эффективности, поскольку предполагает создание новых рабочих мест, расширение возможностей доступа к объектам социальной и иной инфраструктуры, повышение уровня и качества жизни местных сообществ.

Благотворное влияние развития инфраструктуры на экономический рост отмечено и исследовано достаточно давно. Публикации Всемирного банка содержат указание на среднюю эмпирическую эластичность темпов роста ВВП от вложений в инфраструктуру на уровне 0,1. На этом фоне сокращение государственного финансирования инфраструктурных проектов может выступить еще одним из факторов замедления экономического роста, поскольку ожидать компенсации выпадающих финансовых ресурсов за счет частного капитала вряд ли придется ввиду условной окупаемости таких проектов и значительной капиталоемкости. При этом следует отметить высокий уровень износа мощностей в жилищно-коммунальном хозяйстве, генерирующих и проводящих мощностей в теплоэнергетике, водоснабжении и водоотведении. Пространственная неравномерность развития социально-бытовой инфраструктуры на фоне принятия государством на себя широких социальных обязательств также обеспечивает необходимость привлечения капитала, совокупная потребность в котором оценивается в размере не менее 4-5 % ВВП¹.

Наряду с государственно-частным партнерством современному этапу характерно существование иных агрегатных состояний отношений собственности, которые претерпевают динамические изменения, вступая друг с другом во взаимодействие. Во-первых, следует выделить расширение спектра

¹ Стратегия формирования условий для ускоренного развития общественной инфраструктуры на принципах ГЧП в Российской Федерации на период до 2020 года – М. : Центр развития ГЧП, 2014. – 24 с.

индивидуальных (некорпоративных) собственников, причем это распространяется на весь спектр активов. Во-вторых, можно отметить тенденцию обезличенного и опосредованного владения, чему способствует возникновение таких хозяйственно-правовых категорий, как миноритарные владельцы, и таких элементов рыночной инфраструктуры, как трасты. В-третьих, достижением правового государства является соблюдение публичного интереса в сфере реализации отношений собственности, что на практике выражается в многообразии форм, сталкивающихся с законными ограничениями целевого назначения определенной категории активов. Государственно-частное партнерство является именно таким способом организации отношений собственности, поскольку позволяет гарантировать соблюдение публичного интереса в том или ином активе.

На этом фоне происходят изменения институциональной среды реализации отношений собственности, изменения в составе субъектов и объектов публичной собственности. Подвергаются пересмотру основополагающие принципы государственной политики в сфере распоряжения имуществом базисом развития воспроизводственного потенциала территорий: изменению подлежат цели и задачи публично-правовых образований в сфере управления имуществом, принципы и инструментарий. Заметны также тенденции снижения количества и масштаба действия разного рода барьеров, препятствующих перемещению капитала, обусловленные относительным обособлением финансового и реального секторов экономики.

Распространение эффективных практик государственно-частного партнерства в полной мере согласуется с методологическим базисом пространственной парадигмы: происходит активизация разных уровней и срезов социально-экономического пространства, требующая выработки адекватных «надрегиональных» структур и инструментов управления и, главное, согласования разнонаправленных интересов государства, бизнеса и местных сообществ.

4.3 Влияние трансформации отношений собственности на экономическое пространство регионов

Преобразования регионального имущественного комплекса имеют свою специфику, происходят по разным паттернам и результируют в определенную структуру экономики, которой соответствует заданный набор и способ организации хозяйственных взаимодействий между экономическими субъектами по поводу эксплуатации объектов регионального имущественного комплекса. Вне зависимости от того, каким именно образом происходила трансформация отношений собственности в заданном регионе, ее специфика будет проявляться в структурных сдвигах между частным и публичным секторами. Эти сдвиги будут определять направленность и динамику социально-экономического развития региона, проявляясь в дифференциации ролей, которые отводятся частному и публичному секторам. Иными словами, произошедшие трансформации регионального имущественного комплекса определяют текущую результативность и эффективность самого комплекса и экономики региона в целом, измерителями которых могут выступать следующие макроэкономические показатели: валовая прибыль, чистые налоги на производство, собственные доходы бюджета субъекта федерации, валовый региональный продукт на душу населения, а также индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Ключевым подходом к измерению экономического эффекта управления региональной собственностью является доходный, в соответствии с которым некоторые виды поступлений в региональные бюджеты являются индикаторами развития и эффективности функционирования региональной воспроизводственной системы. В противовес показателю ВРП или совокупной валовой добавленной стоимости (воспроизводственный подход), которые являются «неосязаемыми», хотя и имеют ряд преимуществ в плане точности и достоверности отображения экономических процессов, величина налогов на прибыль, зачисляемых в региональные бюджеты, является мерой «прямого» эффекта эксплуатации

регионального имущественного комплекса, а налогов на имущество – производной от его размера и стоимости, зависящей в том числе и от инвестиций в основной капитал.

Исследование результата преобразований регионального имущественного комплекса с позиции его влияния на результативность и эффективность экономической системы региона представляет интерес в части выявления паттернов и условий, при которых институциональная структура экономики (в разрезе форм собственности) является наиболее и наименее предпочтительной. Не менее важным представляется вопрос описания условий оптимальности институциональной структуры для заданного региона с учетом его специфики. Это позволит вплотную подойти к экономическому решению задачи формирования и описания базовых условий для дальнейшей разработки адаптивного механизма управления региональным имущественным комплексом, дополненных результатами исследования сетевых взаимодействий между экономическими субъектами.

Для моделирования описанных показателей принципиальным является выбор объясняющей переменной – аргумента функциональных зависимостей, который бы достоверно описывал изменения ролей институциональных секторов в экономике соответствующего региона.

С точки зрения объясняющей способности наиболее значимым и информативным представляется показатель объемов инвестиций в основной капитал, который публикуется в разрезе регионов и форм собственности. В контексте цели и задач исследования наибольший интерес представляет активность частного, публичного и смешанного секторов в деле финансирования капитальных вложений. Предполагается, что инвестиции в основной капитал представляют собой интегральную характеристику завершившихся и продолжающихся трансформаций отношений собственности в регионе, поэтому могут быть использованы для формализованного описания процесса трансформации в динамике.

Инвестиции в основной капитал представляются более объективным индикатором вклада организаций различных форм собственности в социально-экономическое развитие, нежели базовые показатели институционального распределения активов или объема выпуска, принимая во внимание неравномерность отраслевого и географического распределения имущественного комплекса. Более того, данный показатель является динамической характеристикой, поскольку результат осуществления капитальных вложений оказывает воздействие на параметры социально-экономического развития как одновременно через увеличение расходов, так и в среднесрочной и долгосрочной перспективе, то есть с лагом, обеспечивая дополнительный прирост создаваемой стоимости сверх инерционно прогнозируемого значения.

Для измерения тесноты связи между динамикой экономического развития и наблюдаемыми трансформациями регионального имущественного комплекса требуется построение соответствующей оценочной модели. Инструментарий моделирования воздействия преобразований регионального имущественного комплекса на экономику регионов достаточно широк и разнообразен и включает в себя несколько классов корреляционно-регрессионных моделей (линейных и нелинейных), в том числе моделей векторной авторегрессии и имитационных моделей. Преимущества корреляционно-регрессионных моделей заключаются в высокой степени их операциональности (значения регрессионных коэффициентов имеют рациональное экономическое объяснение), возможности их использования в сценарном моделировании и пригодности к экстраполяции.

Принимая во внимание существующие математические ограничения, проблему нестационарности рядов макроэкономических данных, сложность интерпретации значений коэффициентов, полученных и использованием стационарных рядов, было принято решение использовать модели множественной регрессии.

Гипотеза, проверяемая с помощью экономико-математического моделирования, сформулирована следующим образом: эффективность эксплуатации регионального имущественного комплекса, результирующая в

показателях экономического развития, является функцией от структурных сдвигов инвестиционной активности между государственным и частным секторами. Исследование применимости и воспроизводимости общероссийского паттерна к региональным условиям позволит выявить специфические черты влияния трансформаций в региональном имущественном комплексе на социально-экономическое развитие регионов.

Таким образом, был сформирован следующий алгоритм исследования изменений экономики регионов под воздействием преобразования регионального имущественного комплекса:

1) формирование массива данных с соблюдением требований и с учетом ограничений, накладываемых выбранным способом моделирования (целостность и непрерывность временных рядов, достаточная продолжительность);

Были задействованы статистические данные за период 2000-2017 гг., публикуемые Росстатом, Аналитическим центром при Правительстве РФ, международными организациями (Всемирный Банк, ОЭСР).

2) Построение корреляционно-регрессионных моделей на основе совокупных данных по Российской Федерации без разделения на регионы (далее – «национальных моделей»), оценка их статистической значимости и интерпретация значений регрессионных коэффициентов;

Модель в общем виде представлена следующей записью (4.1):

$$f_n(x_{j,i}) = Y_n; n \in [1; 5], \quad (4.1)$$

где x – инвестиции в основной капитал;

j – институциональный сектор (частный, публичный, смешанный российский);

i – период;

Y_1 =ВРП;

Y_2 =ИРЧП;

Y_3 =Валовая прибыль;

Y_4 =Чистые налоги на производство;

Y_5 =собственные доходы бюджета.

3) Построение частных корреляционно-регрессионных моделей для регионов по образу национальной модели (3.1), оценка и интерпретация значений регрессионных коэффициентов, формулирование выводов о региональной специфике процессов трансформации регионального имущественного комплекса и их влиянии на динамику социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Результатом станет стратификация субъектов Российской Федерации по уровню использования потенциала регионального имущественного комплекса (ниже среднего, выше среднего и т.д.).

4) Группировка субъектов Российской Федерации по уровню и характеру изменений экономики регионов под воздействием преобразований регионального имущественного комплекса.

На следующем этапе была исследована зависимость среднедушевого ВРП от объемов инвестиций в основной капитал в разрезе укрупненных институциональных секторов: частного, государственного (федеральная собственность, собственность субъектов федерации и муниципальная собственность), а также их комбинации (смешанная российская собственность).

Исследованные в синхронном представлении данные указывают на то, что наибольший вклад в увеличение среднедушевого ВРП обеспечивают именно частные инвестиции, тогда как государственные инвестиции оказывают менее выраженное и негативное воздействие (см. табл. 4.5).

Таблица 4.5 – Регрессионные коэффициенты зависимости совокупного среднедушевого ВРП от объемов инвестиций в основной капитал из различных источников

	Y=f(x), R ² =0.993			Ln(Y)=f(ln(x)), R ² =0.995		
	Beta	B	p-level	Beta	B	p-level
Своб. член		31670,24	0,004		0,239	0,721
Частные	1,169	0,06	0,000	1,047	0,804	0,000
Смешанные	0,077	0,03	0,209	0,1	0,148	0,053

	Y=f(x), R ² =0.993			Ln(Y)=f(ln(x)), R ² =0.995		
	Beta	B	p-level	Beta	B	p-level
Публичные	-0,246	-0,04	0,118	-0,14	-0,148	0,446
Федеральные	-0,25	-0,07	0,23	-0,126	-0,129	0,53
Региональные	-0,033	-0,02	0,85	0,123	0,134	0,57
Муниципальные	-0,022	-0,02	0,91	-0,227	-0,244	0,3

Так, полученные результаты моделирования зависимости совокупного среднедушевого ВРП от объемов инвестиций в основной капитал, осуществленных в различных институциональных секторах, позволяют сделать вывод о том, что влияние частного сектора на среднедушевой ВРП является положительным и наиболее существенным (по показателю B), тогда как воздействие со стороны «смешанного» сектора нивелируется негативным воздействием со стороны инвестиций публичного сектора. Результаты воспроизводятся и в логарифмированном представлении, имеют высокую статистическую значимость, на что указывают значения коэффициента детерминации (99 %) и p-критерий. При этом двукратное превышение экономического эффекта частных инвестиций над инвестициями смешанного сектора становится 20-кратным в стандартизированном представлении, исключая разницу масштабов абсолютных значений.

Примечательно, что инвестиции публичного сектора обеспечивают приращение среднедушевого ВРП лишь в части капитальных вложений субъектов федерации, тогда как федеральные и муниципальные инвестиции размывают экономический эффект в синхронном представлении. Объяснение этому может заключаться в специфике источников финансирования экономического роста и в методологии расчета ВРП: в ряде регионов рост ВРП профинансирован именно бюджетными расходами, отвлечение которых на финансирование капитальных вложений негативно сказывается на динамике ВРП.

С учетом возможного отложенного влияния инвестиций в основной капитал на ВРП было предпринято исследование их взаимной зависимости на различных лагах с шагом в один год. Было установлено, что инвестиции частного сектора

оказывают наибольшее воздействие на среднедушевой ВРП на лаге 3-4 года, тогда как инвестиции публичного сектора ведут себя симметрично в области отрицательных значений (см. рис. 4.2).

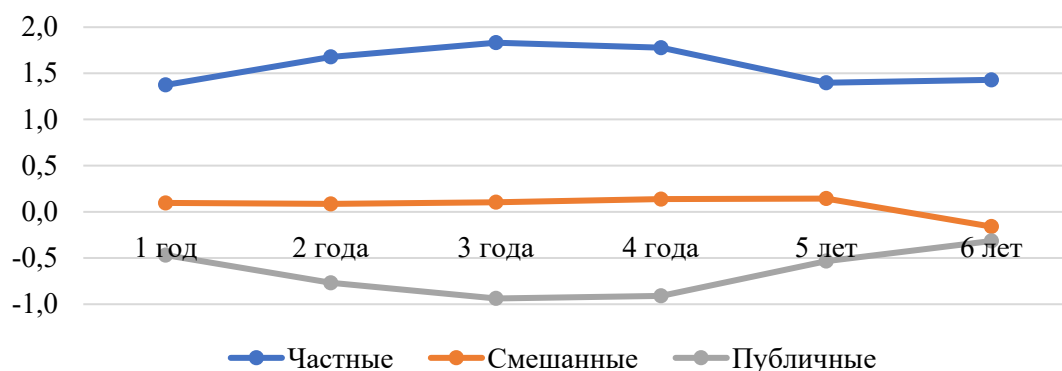

Рисунок 4.2 – Графический профиль бета-коэффициентов зависимости среднедушевого ВРП от инвестиций в основной капитал из различных источников на соответствующих лагах

Исследование ИРЧП на укрупненных данных (без разбивки по регионам) позволило установить, что инвестиции частного сектора также оказывают значительное воздействие на динамику человеческого потенциала, как и инвестиции в объекты, находящиеся в федеральной собственности: бета-коэффициенты равны 0,8 и 0,46 соответственно. В отличие от ВРП, влияние публичных инвестиций на ИРЧП положительное, а в логарифмированном представлении – более существенное, чем влияние частного сектора (0,629 против 0,205).

Таблица 4.6 – Регрессионные коэффициенты зависимости ИРЧП от объемов инвестиций в основной капитал из различных источников

	$Y=f(x), R^2=0.987$			$\ln(Y)=f(\ln(x)), R^2=0.935$		
	Beta	B	p-level	Beta	B	p-level
Своб. член		0,760	0,0000		0,039	0,77
Частные	0,799	0,000	0,0009	0,205	0,0085	0,74
Смешанные	-0,081	-0,000	0,31	0,146	0,012	0,41
Публичные	0,269	0,000	0,19	0,629	0,036	0,35

	$Y=f(x), R^2=0.987$			$\ln(Y)=f(\ln(x)), R^2=0.935$		
	Beta	B	p-level	Beta	B	p-level
Федеральные	0,461	0,000	0,083	1,069	0,058	0,126
Региональные	-0,001	0,000	0,996	0,063	0,003	0,928
Муниципальные	-0,051	0,000	0,826	-0,603	-0,034	0,403

Однако с позиции статистической значимости (по р-критерию) достоверно устойчивыми следует признать лишь оценки, полученные в отношении частного сектора и объектов в федеральной собственности, тогда как остальные аргументы имеют неудовлетворительные характеристики регрессионных коэффициентов, что не позволяет в полной мере рассматривать их в качестве объясняющих переменных.

С учетом распределения влияния инвестиций на ИРЧП во времени были получены результаты, сопоставимые с моделями ВРП: инвестиции частного и публичного секторов ведут себя зеркально по отношению друг к другу по мере увеличения лага, причем сила воздействия частных инвестиций возрастает вплоть до лага в 5 лет, до того же лага растет воздействие публичных инвестиций в области отрицательных значений (см. рис. 4.3).

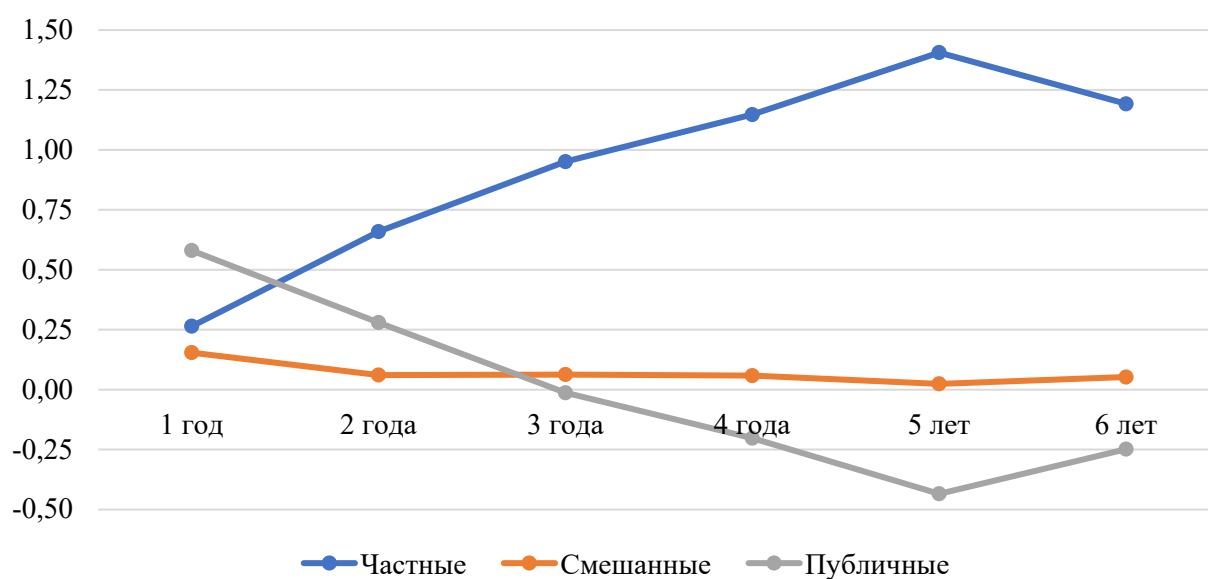

Рисунок 4.3 – Графический профиль бета-коэффициентов зависимости ИРЧП от инвестиций в основной капитал из различных источников на соответствующих лагах

Валовая прибыль экономики как характеристика экономического эффекта от участия различных институциональных секторов в воспроизводственном процессе также в значительной степени подвержена воздействию со стороны институциональных преобразований, поскольку инвестиции в основной капитал, осуществленные субъектами частного сектора, имеют значительно более высокое по модулю воздействие на валовую прибыль. Примечательно, что инвестиции публичного сектора имеют различную направленность своего воздействия на валовую прибыль экономики (см. табл. 4.7): инвестиции субъектов региональной собственности существенны по своему положительному влиянию (бета-коэффициент равен 0,224), тогда как капитальные вложения в объекты, находящиеся в федеральной собственности, размывают валовую прибыль со вдвое большим по силе воздействия эффектом (в нормализованном представлении).

Таблица 4.7 – Регрессионные коэффициенты зависимости валовой прибыли экономики от объемов инвестиций в основной капитал из различных источников

	$Y=f(x), R^2=0.997$		$\ln(Y)=f(\ln(x)), R^2=0.991$	
	Beta	p-level	Beta	p-level
Частные	0,930	0,002	1,341	0,001
Смешанные	0,178	0,046	0,166	0,025
Публичные	-0,097	0,669	-0,490	0,166
Федеральные	-0,420	0,091	-0,940	0,003
Региональные	0,224	0,314	0,339	0,082
Муниципальные	-0,088	0,673	-0,340	0,073

Подобное распределение экономических эффектов выглядит вполне объяснимым с позиции назначения капитальных вложений: объекты в федеральной собственности чаще сопряжены с неприбыльными или малорентабельными видами экономической деятельности, включая объекты инфраструктуры, окупаемость которых в значительной степени является условной.

Устойчивость выявленного паттерна верифицируется также посредством анализа смещенных временных рядов на различные временные лаги. Понимая, что инвестиции в основной капитал обеспечивают прирост валовой прибыли после выхода соответствующих проектов на окупаемость, представляется оправданным верифицировать и измерить отложенные экономические эффекты капитальных вложений из различных источников, принимая в качестве предельного шестилетний период времени, эмпирически обоснованный в опубликованных ранее работах¹.

Согласно представленным в табл. 4.8 данным, публичные инвестиции начинают обеспечивать прирост валовой прибыли экономики лишь на шестой год после их осуществления, что указывает на их принадлежность, в значительной степени, к инфраструктурным инвестициям.

Таблица 4.8 – Профиль бета-коэффициентов отложенного влияния объемов инвестиций в основной капитал на валовую прибыль экономики

	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет	6 лет
Частные	2,01272	1,91722	1,92731	1,581401	0,961974	1,023931
Смешанные	0,17231	0,11454	0,06267	0,146667	0,101307	-0,309803
Публичные	-1,18232	-1,04182	-1,00748	-0,724299	-0,060761	0,225578

Частные инвестиции, напротив, самым фактом своего осуществления обеспечивают прирост прибыли и дальнейший экономический эффект, постепенно угасающий по мере возрастания лага.

Инвестиции в объекты, находящиеся в смешанной российской собственности, не оказывают значимого воздействия на рассмотренные зависимые переменные. Относительная мера их воздействия колеблется вокруг нулевого значения, а с течением времени этот эффект существенно не меняется. На этом основании можно сформулировать предварительный вывод о том, что

¹ См. подробнее: Kolmakov, V. V. An analysis of the impact of venture capital investment on economic growth and innovation: evidence from the USA and Russia / V. V. Kolmakov, A. G. Polyakova, V. S. Shalaev // Economic Annals. – 2015. – Vol. LX. – No. 207. – P. 7-37.

трансформации регионального имущественного комплекса, приведшие к возникновению интеграционных объединений на традиционной основе – предприятий в совместном владении частных и публичных субъектов, не способствуют рационализации экономических отношений и повышению экономической результативности функционирования воспроизводственной системы регионов.

Сказанное можно рассматривать в качестве аргумента в пользу выдвинутого ранее теоретического предположения о том, что существующие сегодня формы организации взаимодействия между государственным и частным сектором, такие, например, как государственно-частное партнерство, являются промежуточным звеном на пути к сетевым структурам пространственных взаимодействий.

Для проверки обозначенных выше выводов о вкладе различных институциональных секторов в результативность региональных имущественных комплексов было выполнено моделирование зависимости доходов консолидированных бюджетов регионов от объемов инвестиций в основной капитал из различных источников. В качестве исходных данных были использованы суммарные значения величин доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за вычетом безвозмездных поступлений.

Полученные результаты моделирования позволяют констатировать, что инвестиции субъектов частного сектора по-прежнему обеспечивают наиболее существенный вклад в приращение собственных доходов бюджетов регионов, причем это влияние в относительном выражении превышает в 8 раз меру воздействия со стороны публичного сектора, в составе которого в наибольшей степени влиятельными являются субъекты, находящиеся в муниципальной собственности (бета-коэффициент равен 0,5, см. табл. 4.9).

Таблица 4.9 – Регрессионные коэффициенты зависимости доходов консолидированных бюджетов регионов от объемов инвестиций в основной капитал из различных источников

	$Y=f(x), R^2=0.986$		$\ln(Y)=f(\ln(x)), R^2=0.995$	
	Beta	p-level	Beta	p-level
Частные	0,835548	0,000760	0,971281	0,000110
Смешанные	0,046218	0,561619	0,083404	0,111881
Публичные	0,117852	0,558155	-0,048760	0,796374
Федеральные	0,080476	0,718842	-0,108902	0,604725
Региональные	-0,325390	0,135274	-0,034543	0,877928
Муниципальные	0,495304	0,035326	0,128022	0,572937

Наибольший положительный эффект трансформации регионального имущественного комплекса в пользу частного сектора обеспечивается с лагом в 3-4 года, тогда как публичные инвестиции в целом размывают собственные доходы консолидированных бюджетов российских регионов (см. рис. 4.4).

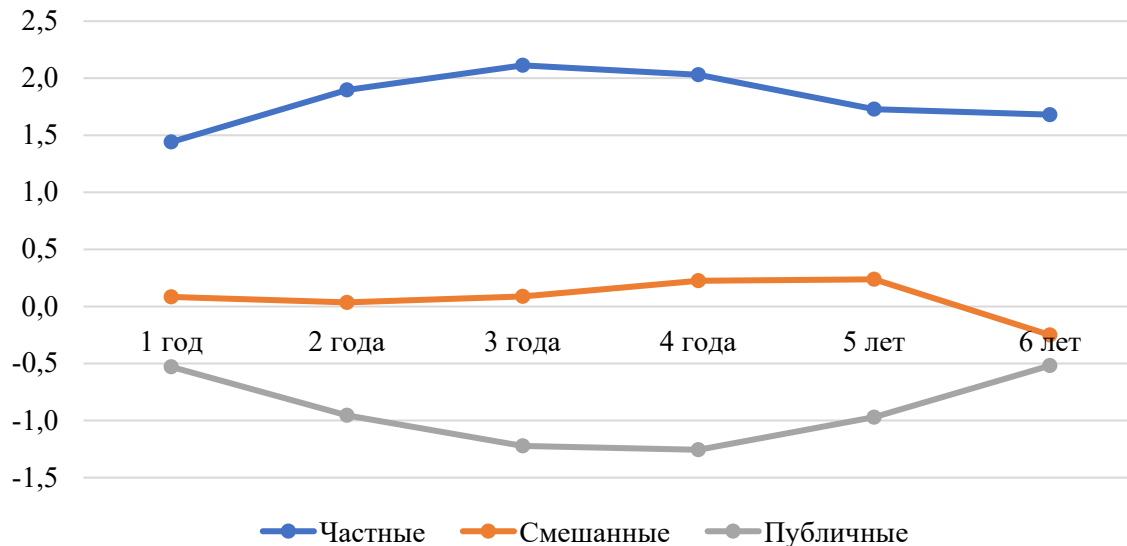

Рисунок 4.4 – Графический профиль бета-коэффициентов зависимости ИРЧП от инвестиций в основной капитал из различных источников на соответствующих лагах

Выполненное моделирование доказывает принципиально разные роли институциональных секторов в экономике регионов: публичные инвестиции,

особенно те, что профинансированы из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации, длительно окупаемые по своей сути, ориентированы на создание объектов инфраструктуры; частные инвестиции, как и вклад частного сектора в экономику, обеспечивают более значительный экономический эффект в терминах создания добавленной стоимости.

Также очевидно, что построенные по суммарным значениям модели необходимо проверить на предмет их применимости к условиям конкретных регионов. Вполне вероятна ситуация, что результаты такого эмпирического исследования укажут на существование нескольких отличных друг от друга типов организации регионального имущественного комплекса, ставших следствием специфических процессов трансформации отношений собственности в соответствующих регионах.

Институциональная трансформация отношений собственности способствовала значительному перераспределению ролей частного и государственного секторов в обеспечении воспроизводства в российских регионах. Основываясь на предположении, что в ряде регионов преобладание одного сектора над другим может быть незначительным и экономическая эффективность соответствующих инвестиций может быть неодинаковой, было выполнено моделирование вклада институциональных секторов в обеспечение прироста среднедушевого ВРП и других целевых показателей эффективности регионального имущественного комплекса в каждом из наблюдаемых регионов. Модель в общем виде выглядела следующим образом:

$$\text{ВРП}_{\text{рс}} = b_1 I_{\text{публ.}} + b_2 I_{\text{смеш.}} + b_3 I_{\text{част.}} + c, \quad (4.2)$$

где $\text{ВРП}_{\text{рс}}$ – среднедушевой объем ВРП в заданном регионе (в р.);

I – объем инвестиций в основной капитал (в млн р.), осуществленных соответствующим сектором экономики (публичным, смешанным или частным);

b, c – регрессионные коэффициенты.

Оценки коэффициентов множественной линейной регрессии выполнены в абсолютных и нормализованных значениях, нивелирующих дифференциацию значений объемов инвестиций и ВРП между регионами.

Выполненный корреляционно-регрессионный позволил установить, что российские регионы демонстрируют различную степень чувствительности к изменениям объемов инвестиций в целом и в разрезе институциональных секторов в частности. Так, инвестиции частного сектора во всех регионах, за исключением Хабаровского края, оказывают положительное воздействие на прирост среднедушевого ВРП, причем разброс значений регрессионных коэффициентов нельзя назвать нормально распределенным (см. рис. 4.5): максимальное значение составляет 252,2 (Чукотский автономный округ), минимальное положительное значение – 0,5 (Нижегородская область), медианное значение составляет 3,1 (Вологодская обл.), а среднее – 8,0.

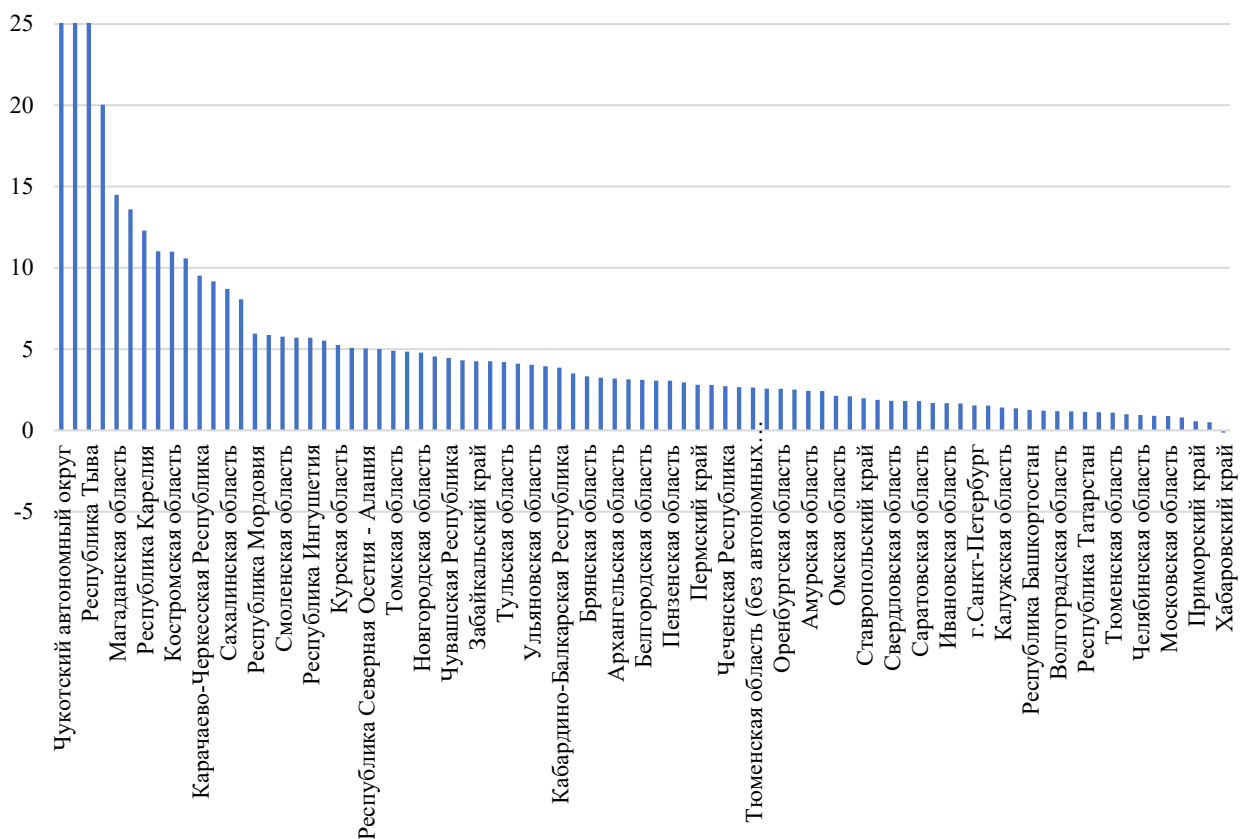

Рисунок 4.5 – Распределение значений регрессионного коэффициента при переменной «объем инвестиций в основной капитал» частного сектора

Влияние инвестиций публичного сектора на среднедушевой ВРП более разнообразно в разрезе регионов. Максимальное значение отмечено в Ненецком автономном округе (245,6), причем следующее значение составляет 35,7 (Магаданская область). Негативное влияние публичных инвестиций на ВРП отмечено в 18 регионах, достаточно разнородных по совокупному влиянию инвестиций на рассматриваемый показатель (см. рис. 4.6).

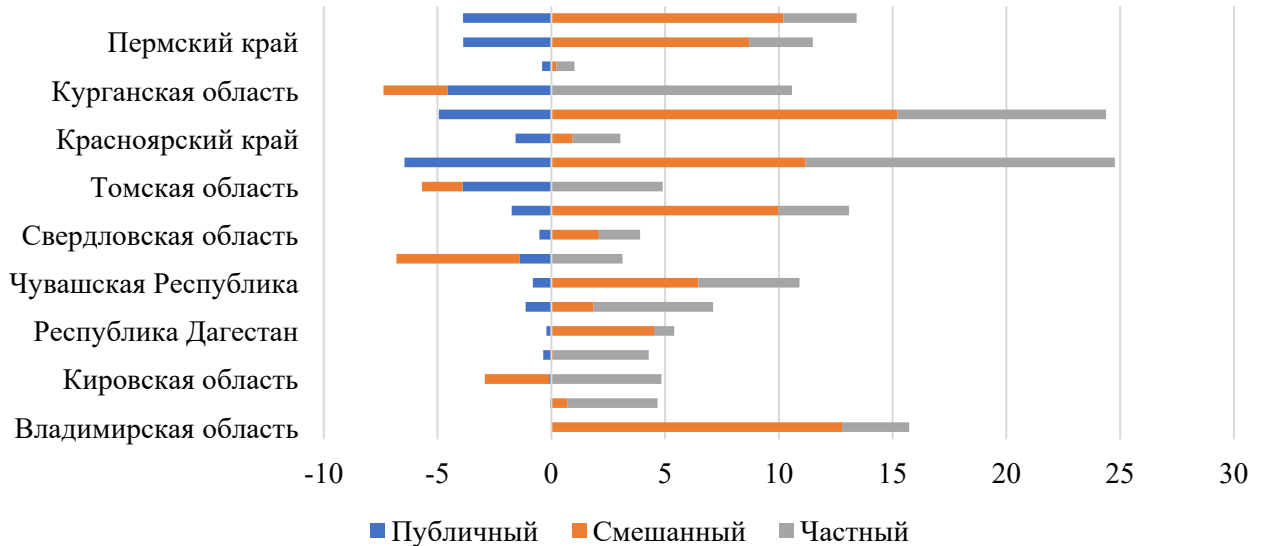

Рисунок 4.6 – Значения регрессионных коэффициентов зависимости среднедушевого ВРП от инвестиций в основной капитал соответствующего институционального сектора (выборочно, в регионах с отрицательными значениями влияния инвестиций публичного сектора)

Так, среднедушевой ВРП Краснодарского края имеет весьма ограниченную чувствительность к изменениям инвестиций трёх рассматриваемых институциональных секторов, в отличие от Псковской области или Респ. Адыгея.

Представляет интерес также и показатель совокупного влияния трёх секторов на прирост среднедушевого ВРП. Очевидно, что суммирование регрессионных коэффициентов имеет смысл лишь при условии допущения, что инвестиции каждого из трёх секторов за период времени будут одинаковы по абсолютной величине. Представленные в таблице 4.10 значения суммарных невзвешенных оценок влияния всех секторов на среднедушевой ВРП учитывают возможное взаимно противоположное их воздействие.

Таблица 4.10 – Обобщенные результаты оценки регрессионных коэффициентов зависимости среднедушевого ВРП российских регионов от объемов инвестиций в основной капитал различных институциональных секторов

	Публичный	Смешанный русский	Частный	Суммарное невзвешенное
Максимум	245,6	45,1	252,2	341,0
Минимум	-6,5	-15,2	-0,1	-6,6
Медиана	2,2	2,1	3,1	8,7
Среднее	7,0	4,4	8,0	19,4
Кол-во отрицательных	18	21	1	5

С учетом результатов регрессионного анализа можно констатировать, что трансформация отношений собственности в различных регионах привела к тому, что эффективность региональных имущественных комплексов в терминах среднедушевого ВРП находится в различной зависимости от инвестиций частного и публичного секторов. Отдельного рассмотрения требуют причины сложившейся ситуации, однако полученных данных достаточно для формулирования вывода о невозможности применения универсальных решений.

В частности, в 18 регионах публичный сектор обеспечивает более динамичный прирост ВРП, нежели частный, причем в ряде регионов наблюдается перевес в объемах в стоимостном выражении в пользу частного сектора. Такое положение может быть обусловлено не только разной эффективностью инвестиций, но и отраслевой спецификой вложений. С другой стороны, группировка регионов по рассчитанным регрессионным коэффициентам позволяет выделить несколько принципиальных категорий в зависимости от желаемого или экономически целесообразного участия публичного и частного секторов в инвестиционной деятельности.

Следовательно, трансформация регионального имущественного комплекса в сторону увеличения доли частного сектора как ключевого и наиболее производительного пользователя расположенных на территории региона активов являются в целом благоприятной. Однако эффективная эксплуатация

регионального имущественного комплекса частным сектором во многом зависит от успехов в развитии инфраструктуры, вложения в которую финансируются преимущественно за счет средств публичных субъектов.

Процесс трансформации отношений собственности, очевидно, не завершен, хотя статистические данные и демонстрируют некоторую стабилизацию, на фоне которой набирают вес разного рода интегративные формы выстраивания экономических отношений, в том числе и отношений собственности. Как представляется, существующие формы партнерской организации воспроизводственного процесса в дальнейшем должны эволюционировать в сторону сетевой организации экономического пространства регионов, создавая новые условия и требуя разработки адекватных им организационно-экономических механизмов управления собственностью, а также нового инструментария управления региональным имущественным комплексом.

При этом, как показал проведенный анализ, смешанные инвестиции государственного и частного секторов характеризуются наименее выраженной эффективностью с точки зрения вклада в обеспечение социально-экономического развития российских регионов. Более того, широкому внедрению государственно-частного партнерства в масштабах экономики препятствуют значительные регуляторные преграды, что в совокупности заставляет рассматривать государственно-частное партнерство как прообраз более динамичных сетевых форм организации управления региональными имущественными комплексами.

Выполненное исследование позволило установить совокупность системных недостатков современной системы управления региональными имущественными комплексами, проявляющуюся в значительном рассогласовании существенных ее компонент:

- узкая трактовка региональной собственности, исключая из спектра воздействия целый ряд объектов;
- ограниченные возможности применения инструментов программно-целевого подхода и неадекватное определение целевых ориентиров пространственного развития;

– недостатки в системе стратегического планирования социально-экономического развития регионов, несогласованность прогнозов, стратегий и государственных программ вкупе с недостаточной обеспеченностью регионов собственными финансовыми ресурсами;

– применение в целеполагании набора показателей, опирающегося на традиционный воспроизводственный подход и не учитывающего специфику новых социально-экономических феноменов и происходящих трансформаций отношений собственности;

– организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью, основанные на приватизации, утрачивают актуальность, а гибридизация государства и частного сектора в рамках партнерств характеризуется наименьшей экономической эффективностью.

Следовательно, налицо выраженная потребность в разработке организационно-экономических условий функционирования новой адаптивной системы управления региональной собственностью.

ГЛАВА 5 АДАПТИВНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

5.1 Обоснование адаптивной системы управления региональной собственностью

Современные условия хозяйствования характеризуются усложнением связей и взаимодействий между субъектами различного размера и уровня управленческой иерархии, нарастанием неопределенности и волатильности значительного количества макроэкономических параметров внешней среды, повышением степени открытости и протекционизма экономических систем разного рода, нарастанием значимости информации и многократным увеличением ее количества, ростом мобильности финансового и человеческого капитала, переоценкой роли последнего в воспроизводственном процессе. Параллельно с указанными процессами происходит изменение макроэкономического и финансового регулирования, которое также накладывает свой отпечаток на эффективность функционирования региональных экономических систем.

Объектом отношений собственности выступает региональный имущественный комплекс, который является фактором создания стоимости, то есть активной частью воспроизводственного процесса. Он требует определенного уровня текущих затрат на содержание, равно как и инвестиций в восстановление и развитие, без которых перспективное его использование будет становиться всё менее эффективным. Очевидно, что вопрос определения субъекта-носителя текущих и капитальных затрат решается во многом на основе соотнесения текущих затрат и перспективных выгод от владения тем или иным активом, в связи с чем широкая прослойка объектов собственности является экономически нецелесообразной для приобретения и потому продолжает оставаться бременем для текущего собственника. Этому способствуют и объективные ограничения,

связанные с низкой доступностью финансовых ресурсов, высокой стоимостью капитала и т.п. В целом, систематизируя существующие в научной и практической литературе мнения, можно выделить в совокупности проблем управления региональной собственностью несколько обобщенных категорий, таких как экономические, управленческие и нормативно-правовые.

Немаловажную роль в рассматриваемой проблеме недофинансирования имущественного комплекса играют имеющиеся противоречия между научно-техническим прогрессом и уровнем социально-экономического развития региона. Так, собственники имущества, приходя к пониманию целесообразности инвестиций в развитие и модернизацию имущественного комплекса, зачастую становятся заложниками недостатка капитала или необходимости нести социальную ответственность, если актуальная и перспективная технология оказывается более дорогой или менее трудоемкой, нежели более доступная по цене устаревшая технология. В результате социально-экономическая эффективность таких капиталовложений в развитие имущественного комплекса оказывается заведомо более низкой, что негативно сказывается на динамике социально-экономического развития региона.

Таким образом, экономические факторы накладывают целый ряд ограничений на полноту реализации отношений владения, пользования и распоряжения, окрашивая их в «целесообразное и ответственное владение», «рациональное пользование» и «эффективное распоряжение». В противном случае имущественный комплекс, по своей материально-вещественной форме относящийся к активной части воспроизводственного механизма, может стать фактором снижения стоимости совокупного капитала территории, что требует управленческого вмешательства. Именно с этой точки зрения важен второй класс проблем, связанных с администрированием отношений собственности, предметом которых являются объекты регионального имущественного комплекса.

Организационные и административные проблемы реализации отношений собственности в контексте управления региональным развитием включают в себя следующие наиболее значимые позиции:

1) Формальное или неадекватное целеполагание и прогнозирование развития регионального имущественного комплекса, отсутствие четкого видения его перспектив, существующих и потенциальных угроз. Иными словами, концепция управления региональным имущественным комплексом и вытекающие из нее положения о необходимых и предпочтительных направлениях трансформации отношений собственности существуют лишь на уровне обобщенных представлений без должных организационно-экономических обоснований. Исключением является программа приватизации, которая, тем не менее, в большей степени представляет собой инструмент пополнения бюджета и, в некоторых случаях, избавления от активов, «непрофильных» или особо обременительных в плане расходов на содержание. При этом вопросы оптимизации состава и количества отчуждаемых и приобретаемых в публичную собственность объектов остаются за рамками рассмотрения.

2) Недостаточная самостоятельность регионального уровня управления, как в части принимаемых решений, так и в части финансового обеспечения их реализации. Адаптация программно-целевого подхода к управлению социально-экономическим развитием подчинила принимаемые решения логике государственных (муниципальных) программ, мероприятия которых не должны противоречить мерам, предусмотренным в документах вышестоящего уровня, а в практике применения – должны соответствовать и воспроизводить их. Подобная система лишает органы региональной власти гибкости и мобильности в принятии решений, касающихся реализации отношений собственности в интересах максимизации параметров социально-экономического развития территории. В частности, у регионов зачастую отсутствует действенная возможность проводить диверсифицированную политику в отношении различных классов объектов регионального имущественного комплекса, даже если их целесообразность была доказана, чего тоже в большинстве случаев не наблюдается.

В спектре проблем взаимоотношений регионов и федерального центра на первом месте значится обусловленный бюджетным федерализмом вопрос о финансовой самостоятельности российских регионов и вытекающее из этого

наличие целого ряда регионов, неспособных существовать в режиме саморазвития, в связи с чем постоянно претендующих на выравнивающие субсидии из федерального бюджета.

Политика выравнивания финансовой обеспеченности российских регионов многими исследователями характеризуется как неэффективная, поскольку ощутимые результаты в виде повышения степени финансовой обеспеченности собственными доходами в итоге не наблюдаются. Более того, понижается мотивация к развитию у лидирующих регионов, а у отстающих – закрепляется иждивенческая модель поведения. Тем не менее, политика выравнивания доходов бюджетов субъектов Российской Федерации посредством трансфертов из федерального бюджета оказывает позитивное влияние на положение депрессивных территорий, однако выступает бременем и проявлением несправедливости по отношению к экономически развитым регионам.

Бюджетное выравнивание можно отнести к числу перманентных мер поддержки соответствующих регионов наряду с государственными программами выравнивания качества жизни населения и укрепление социальной стабильности. Очевидно, что данное направление не обеспечивает экономическое развитие регионов, если измерять его показателями, отличными от темпов роста ВРП.

В принятии решений о назначении или продолжении поддержки того или иного субъекта, выражающейся в компенсации недополученных или недостающих доходов (будь то домохозяйство или регион) экономическая система современного типа должна руководствоваться адекватными целями и критериями экономической эффективности: любая мера, направленная на подобного рода «поддержку» в качестве одного из целевых параметров должна иметь следствием сокращение потребности в такой поддержке в перспективе, в противном случае необходимы институциональные изменения.

3) Противоречия и несогласованность между различными уровнями управления, равно как и между различными категориями собственников, приводят к избыточной концентрации объектов собственности, особенно в разрезе видов объектов имущества и их функциональной структуры. Например, в ряде регионов

с развитым АПК наблюдается тенденция выстраивания бизнес-моделей, основанных на консолидации земельных угодий в собственности крупных конгломератов с последующим предоставлением этих земель в аренду сельхозпроизводителям. Подобное разделение прав на землю перекладывает риски на арендаторов, делая производство в некоторых условиях экономически нецелесообразным.

Проблемой также является ограниченный и, возможно, уже устаревший набор инструментов, используемых в рамках государственного управления развитием регионов: в основном используются государственные программы, критика которых звучит на различных уровнях¹. Анализ исполнения государственных программ субъектов Российской Федерации также позволяет установить ряд проблем управления социально-экономическим развитием:

- недостатки планирования программ и несоответствие перечня и содержания программ фактическому состоянию дел региона;
- неисполнение программ по срокам, объемам и результатам;
- отсутствие координации между отдельными программами региона и программами федеральных ведомств;
- неэффективность механизма ответственности заказчиков и исполнителей программ;
- отсутствие координации контроля за использованием бюджетных средств. Большая часть этих средств не поддается централизованному контролю и «растворяется» в регионах;
- отсутствие единого механизма разработки и реализации федеральных государственных программ с учетом объективных потребностей развития региона.

¹ См., например: Орлова С.Ю. Систему управления развитием Дальнего Востока нужно менять [Электронный ресурс] / С.Ю. Орлова / Счетная Палата РФ. – 29.01.2020. – Режим доступа: <http://ach.gov.ru/news/svetlana-orlova-sistemu-upravleniya-razvitiem-dalnego-vostoka-nuzhno-menyat> (дата обращения: 02.12.2020); Отчеты о промежуточных результатах мониторинга реализации национальных проектов [Электронный ресурс] / Счетная Палата РФ, 2020. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/audit-national/9508> (дата обращения: 02.12.2020)

4) Отсутствие экономических и иных стимулов к рациональному управлению имущественным комплексом и к его модернизации, к внедрению новых форм и методов реализации отношений собственности.

Существующие инструменты государственного управления социально-экономическим развитием регионов представляют собой сложную и запутанную систему, которую, несомненно, надо оптимизировать. Она включает трансферты, направляемые в бюджеты субъектов Российской Федерации из федерального бюджета, дополнительную финансовую поддержку депрессивных регионов, которая местами необъективна, бюджетные инвестиции на реализацию конкретных инвестиционных проектов, которые имеют целью увеличение занятости, реструктуризацию экономического потенциала, решение социальных проблем. Как показывает практика, они оторваны от целей экономического развития регионов, слабо контролируются со стороны федеральных органов исполнительной власти. Зачастую они оказывают незначительное влияние на развитие регионов.

5) Непрозрачность и непубличность принимаемых решений по вопросам реализации отношений собственности в регионах: частный сектор – в первую очередь бизнес – зачастую не принимает участия в выработке и обсуждении проектов решений, тогда как с его стороны имеется готовность и заинтересованность в таком участии.

Проблема регулирования переносит нас к нормативно-правовым аспектам, которые раскрываются в неоднозначной правоприменительной практике как в части обеспечения и защиты права собственности и иных вещных прав, так и в части организационно-правового оформления отношений между разноуровневыми субъектами, например, между публичными и частными. Наиболее ярким примером является ситуация с принятым в 2015 г. федеральным законом «О государственно-частном партнерстве...», который, несмотря на позитивную концепцию, положенную в его основу, содержит целый ряд ограничений на возможные взаимодействия по поводу создания или модернизации регионального имущественного комплекса.

Другой срез нормативно-правовых проблем касается вопроса обеспечения и защиты прав собственности, а также усилий государства, предпринимаемых в данной сфере. Так, А. Ирмен и Дж. Кюнель¹ в своей работе обращались к вопросу оправданности вовлечения государства в регулирование отношений собственности с позиции его влияния на динамику социально-экономического развития. В частности, они исследовали наличие связи между эффективностью защиты и обеспечения государством права собственности, с одной стороны, и стимулами к инвестициям в инновации, а также эндогенными факторами экономического роста, с другой стороны. Ими было предложено измерять степень защиты права собственности как долю прибыли производителей промежуточного продукта, присваиваемую владельцами соответствующих предприятий, доказав, что эта доля прибыли зависит от доли особой категории госслужащих в совокупной численности занятых в экономике. В состав этой особой категории цитируемые авторы предлагают включать тех государственных и муниципальных служащих, чья деятельность прямо или косвенно сопряжена с обеспечением или защитой прав собственности: органы охраны правопорядка, юстиции, налоговые органы и т.д. Также указанными авторами было установлено, что ослабление охраны права собственности – сокращение доли описанных категорий служащих в совокупной численности занятых – замедляет инвестиции в инновационную деятельность и снижает темпы экономического роста.

Таким образом, с теоретической точки зрения современная система стратегического управления социально-экономическим развитием территорий ориентирована на решение целого ряда задач, сущность и содержание которых сводится к обеспечению достижения таких эффектов, как повышение информированности и осведомленности хозяйствующих субъектов о среднесрочных и долгосрочных перспективах социально-экономического развития, минимизация инвестиционных и иных рисков, обеспечение согласованности и исключение противоречий между целями и задачами субъектов

¹ Irmen, A. Property rights, optimal public enforcement, and growth / A. Irmen, J. Kuehnel // CREA Discussion Paper Series. – 2011. – No. 3668. – P. 11-18.

различного уровня управленческой иерархии на всех временных горизонтах планирования, синхронизация циклов развития различных элементов инфраструктуры, рынков труда, капитала и иных факторов производства, а также их балансировка. Однако с практической точки зрения государственное управление социально-экономическим развитием российских регионов осуществляется в условиях отсутствия стратегической устойчивости, незаконченности процесса формирования среднего класса. При этом сложившееся федеративное устройство способствует выделению трех относительно обособленных областей исследования проблематики регионального развития: взаимоотношения региона и федерального центра, взаимоотношения региона и местного самоуправления, а также реализация комплексного подхода к развитию территории. В результате Россия является ярким примером асимметрии условий экономического развития и условий жизни населения между центром и периферией. Значительная социально-экономическая дифференциация регионов и пространственная асимметрия подчеркиваются во многих документах стратегического планирования как проблемы, требующие скорейшего разрешения. Обоснование тому исходит из принципа рассмотрения национальной экономики как суммы экономик отдельных регионов, в соответствие с которым возможности поступательного социально-экономического развития значительно ограничиваются наличием проблемных регионов, число которых значительно.

Следовательно, представляется возможным обозначить объективные предпосылки к разработке адаптивной системы управления региональной собственностью как имущественным базисом региональной воспроизводственной системы.

Во-первых, стратегическая неопределенность государственной политики управления региональным развитием проявляется в том, что начиная с 2018 года в Посланиях Президента проблема региональной асимметрии лишь констатируется, а основные меры сводятся к увеличению транспортной связанности (что, безусловно, тоже важно). В экспертном и научном сообществе было распространено мнение, что государство отстранилось от решения данной

проблемы, де факто признав неработоспособность используемых мер и неэффективность модели бюджетного федерализма, и пытается обеспечить достижение целей и задач социально-экономического развития регионов через избыточную централизацию. Поскольку социально-экономическая напряженность во многих регионах по-прежнему остается высокой, делается упор на дальнейшее применение механизмов выравнивания, что создает неравные конкурентные условия для субъектов Российской Федерации, имеющих значительный уровень собственных доходов, обеспечиваемых более эффективной эксплуатацией регионального имущественного комплекса.

Во-вторых, недостоверное или ошибочное целеполагание при разработке документов стратегического планирования является сдерживающим фактором социально-экономического развития за счет нерационального использования ограниченных ресурсов. Целый ряд показателей, используемых в качестве контрольных или целевых, либо не связан со стратегическими целями (повышение уровня и качества жизни населения), либо не позволяет однозначно судить о наличии прогресса. В числе формализованных задач можно встретить повышение конкурентоспособности региона как фактор, способствующий повышению уровня и качества жизни населения. Отчасти соглашаясь с такой постановкой задачи, необходимо отметить, что на протяжении длительного промежутка времени региональная наука была нацелена на решение вопроса о рациональном размещении производительных сил и на обеспечение максимального эффекта от реализуемой индустриальной политики. Сегодня данный подход трансформируется, перемещаясь от вопросов размещения производительных сил в рамках территориальных комплексов в сторону определения путей пространственного развития регионов, способствующих увеличению их конкурентоспособности, которая рассматривается как совокупность предпосылок обеспечения поступательной динамики социально-экономического развития. Иными словами, конкурентоспособность региональной экономики представляет собой способность реализации основной задачи ее функционирования, а именно

обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона с достижением высокого качества жизни населения.

Важным измерением конкурентоспособности региона является возможность длительной результативной эксплуатации имеющегося базиса развития, в связи с чем некоторые исследователи расширяют трактовку конкурентоспособности региона до его «конкурентоустойчивости»¹, в основе которой лежит парадигма устойчивого развития, саморазвития регионов и обеспечения их конкурентоспособности. Оценку конкурентоустойчивости регионов целесообразно реализовывать в разрезе трех основных укрупненных блоков показателей: способность региона к обеспечению выпуска товаров и услуг, качество жизни населения и финансовая устойчивость региона.

Тем не менее, наличие факторов конкурентоспособности и устойчивости не означает «автоматического» повышения уровня социально-экономического развития территории, равно как и не дает ответа на вопрос о приоритетах социально-экономического развития региона, что выводит на передний план вопрос о надлежащем способе и векторе управления развитием региона.

Перечисленное выше позволяет судить о наличии в Российской Федерации институциональных предпосылок дальнейшей управляемой трансформации отношений собственности с целью повышения эффективности управления региональным имущественным комплексом. Однако в плоскости практических решений это требует устранения разрыва между логикой территориального стратегического планирования и пространственного развития и обеспечения полноценного перевода методологических основ функционирования организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью от региональной к пространственной экономике.

Полномасштабное и качественное перестроение системы управления экономическим развитием регионов, столь востребованное для решения значимой народно-хозяйственной проблемы обеспечения ускоренной динамики социально-

¹ Ашихина, Т. Ю. СФО: особенности региональной экономической Политики в условиях глобализации / Т. Ю. Ашихина // Российское предпринимательство. – 2010. – № 10. – С. 164-168.

экономического развития, возможно при включении в контур управления региональным имущественным комплексом элементов перспективного организационно-экономического механизма управления региональной собственностью – распределенного пользования и сопряженных с ним сетевых эффектов. Такое решение является рациональным, поскольку предполагает сохранение существующей системы, опирающейся на «традиционные» (приватизация, контрактация) и актуальные (государственно-частное партнерство) механизмы управления собственностью на региональном уровне. Подчинение логики их применения новым трендам и способам организации взаимодействий позволит значительно расширить текущую стадию их жизненного цикла и обеспечит мягкую модель перехода всей системы управления на новые принципы, основывающиеся на пространственных эффектах перетока знаний и на других сетевых эффектах (см. рис. 5.1).

Ключевым направлением преобразований преобладающего на сегодняшний день организационно-экономического механизма управления региональной собственностью должно стать повышение его адаптивности за счет расширения состава объектов имущества, попадающих в фокус системы управления, расширения состава субъектов управления и неизбежной децентрализации и дерегулирования как следствия интенсификации взаимодействий внутри сетей и повышения их автономности. Децентрализация управления станет ключом к выявлению и капитализации экономических эффектов, возникающих внутри сетей распределенного пользования. Основным трендом целеполагания и программно-целевого управления должна стать адаптация актуальных форм и механизмов взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества между собой по поводу наиболее эффективного использования объектов регионального имущественного комплекса в интересах достижения широкой совокупности локальных и национальных, текущих и стратегических целей социально-экономического развития.

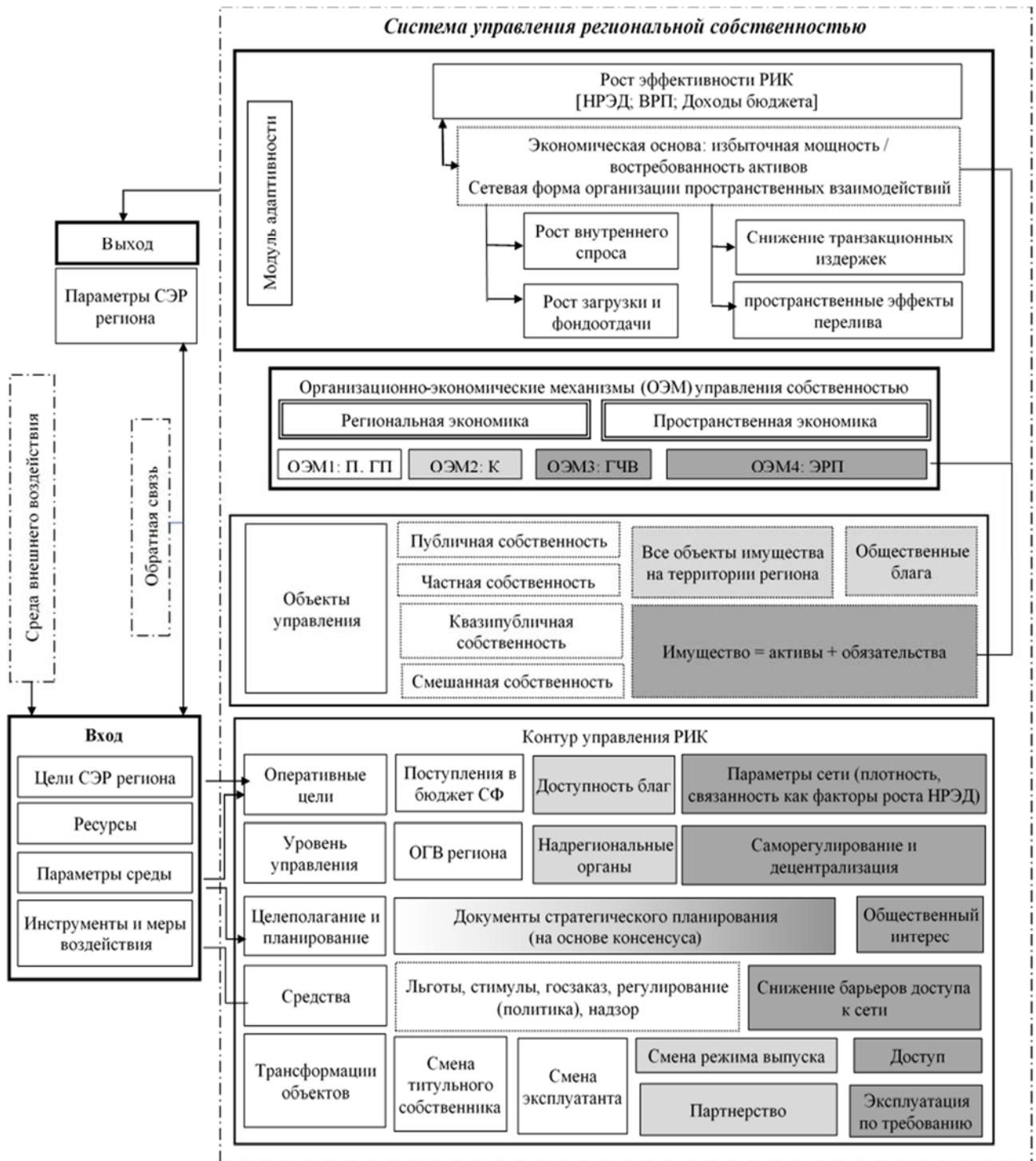

Рисунок 5.1 – Формы и направления преобразования организационно-экономических механизмов управления собственностью в системе управления собственностью в регионе

При этом на смену концепции эффективного собственника, разрешающей задачу определения принадлежности титула представителям частного или публичного секторов, должна прийти концепция эффективного субъекта

управления, для чего потребуется распространение на региональном уровне нового организационно-экономического механизма управления региональной собственностью, основанного на принципах распределенного пользования. Перечисленные условия, как и многие другие, обуславливают необходимость использования на практике организационно-экономических основ управления собственностью в регионе, рассматриваемой в широком контексте как вся совокупность объектов имущества, располагающихся на территории региона, независимо от принадлежности субъектам частного сектора или публично-правовым образованиям. В таком случае целесообразно вести речь о новых способах и векторах реализации отношений собственности, то есть об их практической трансформации.

Новый организационно-экономический механизм управления региональным имущественным комплексом позволит обеспечить вклад в решение еще одной значимой проблемы, связанной с учетом выхода экономической активности за пределы границ региона. Несовпадение центра осуществления экономической активности с центром «присвоения» ее результатов, а также неравномерное распределение этой активности между регионами, особенно граничащими друг с другом, неоднократно становилось поводом для дискуссий и непопулярных решений федерального центра. Примером таких решений может стать централизация НДС в части углеводов (движение из регионов в центр) и обязательство регистрировать центр прибыли на территории того субъекта, где ведется хозяйственная деятельность (движение из центра в регионы). Другой пример – межрегиональная миграция ресурсов, следствием которой является то, что один регион «обеспечивает» показатели другого или неоправданный рост какого-либо статистического показателя (как, например, объемы розничной торговли в Московской области). Все перечисленное, безусловно, усложняет управляемость территории, а также обуславливает потребность в новых источниках информации, необходимой для принятия взвешенных управленческих решений.

Проявления данной проблемы еще раз подчеркивают искусственный характер административно-территориальных границ субъектов и контрпродуктивность их выделения. При этом очевидно, что решение проблемы посредством пересмотра административных границ – нерационально, следовательно, необходимы механизмы «справедливого» распределения экономического эффекта так, чтобы «центр прибыли» был тоже территориально распределенным.

Сложившиеся территориальные границы зачастую не отвечают современным потребностям повышения темпов экономического роста и размаху стратегий развития регионов. В странах с развитыми экономиками уже довольно давно обозначился тренд на укрупнение регионов с целью повышения их конкурентоспособности и минимизации издержек на основе эффекта масштаба. Параллельный тренд – формирование децентрализованных сетей пространственных взаимодействий – сформировался на фоне распространения кластерного подхода к управлению социально-экономическим развитием территорий.

Вопросами инновационного экономического развития территорий (регионов) на основе предпринимательских сетей занимались многие авторы (например, Й. Шумпетер, Р. Коуз, Д. Норт, М. Портер, П. Кругман, М. Энрайт и др.). Но авторы неоднозначно рассматривают сущность и содержание понятия предпринимательской сети в современных условиях, заменяя его термином «кластер». С одной стороны, кластер выступает в качестве совокупности разветвленных предпринимательских сетей, которые могут выходить за пределы одного региона, но при этом имеющих кооперационные и конкурентные взаимосвязи между участниками кластера на протяжении всей цепочки создания стоимости. В этой связи оценка эффективности деятельности кластера рассматривается в рамках процессного подхода по схеме «входящие ресурсы – исходящие ресурсы».

М. Портер в своих исследованиях приводил сравнительную характеристику традиционного подхода и кластерного подхода к выделению и развитию основных

секторов экономической деятельности. Обобщенное сопоставление двух подходов и преимущества сетевого подхода представлены в таблице 5.1.

Таблица 5.1 – Сравнительная характеристика институционального и кластерного подходов к обеспечению развития регионов¹

Традиционный подход	Кластерный подход
<p>Положение участников групп в предпринимательских сетях равнозначно</p> <p>Основной акцент сделан на развитие промышленных предприятий, занятых в производстве конечного продукта</p>	<p>В предпринимательских сетях доминируют стратегические группы, позиции которых не равнозначны, в тоже время они дополняют друг друга</p> <p>Наряду с промышленным предприятием внимание уделяется таким участникам, как потребители, поставщики, услуги посреднических организаций, узкоспециализированные институты</p>
<p>Поиск решений по улучшению существующих позиций, условий экономического развития в уже сложившихся направлениях</p> <p>Концентрация внимания на основных (прямых) и косвенных конкурентах, составляющих основную массу участников экономических отношений</p> <p>Не рассматривается возможность возникновения кооперационных связей с конкурирующими участниками рынка, даже в сферах, не являющихся непосредственным объектом конкуренции</p>	<p>Поиск принципиально новых комбинаций участников с целью получения положительного эффекта синергии</p> <p>Рассматриваются общность взаимосвязанных участников производственного процесса, включающая технологический процесс производства, профессиональные навыки производственных рабочих и управленческого персонала, потребителей, каналы распределения</p> <p>Большинство участников рынка не являются прямыми конкурентами, сетевой рынок достаточно разветвлен, поэтому существует возможность в установлении кооперационных связей участников регионального рынка, образующих кластер</p>
<p>Взаимодействие с органами власти ограничивается выделением дотаций и субсидий</p>	<p>Предполагается, что роль государства не ограничивается однонаправленными решениями о поддержке, а присутствует диалог между сторонами (органы законодательной и исполнительной власти – тоже участники кластера), обеспечение государственно-частного партнерства</p>

Таким образом, адаптация сетевого и кластерного подходов к организации экономического пространства позволит повысить эффективность управления

¹ Сост. авт. по: Porter, M. E. The Economic Performance of Regions / M. E. Porter // Regional Studies. – 2003. – Vol. 37. – No. 6&7. – P. 549-578.

региональными имущественными комплексами. Вектор управленческого воздействия должен быть направлен на стимулирование процессов консолидации хозяйствующих субъектов не только вокруг определенного сегмента рынка, но и вокруг технологии, знаний, ноу-хау, в том числе овеществленных в определенных объектах имущественного комплекса.

Происходящие трансформации отношений собственности в регионах являются значимым стимулом для внедрения адаптивной системы управления региональным имущественным комплексом с целью повышения его эффективности. Однако в плоскости практических решений это требует устранения разрыва между логикой территориального стратегического планирования и пространственного развития.

Для обеспечения трансфера существующей модели управления региональным развитием к модели, основанной на принципах пространственной экономики, необходимы меры системного характера, предполагающие совершенствование программно-целевого подхода к управлению и расширение практики применения проектного подхода, пересмотр и расширение набора целевых индикаторов управления.

Меры управленческого воздействия должны быть направлены на стимулирование развития предпринимательских сетей, основу которых формируют не «искусственно назначенные» кластеры, выделенные по принципу географического соседства, а реальные сети взаимодействия хозяйствующих субъектов, осуществляющих совместное или распределенное использование активов. Такой подход обеспечит снятие еще одного значимого ограничения – монопольного целеполагания, сосредоточенного в руках публично-правовых образований: если региональное управление будет подчинено задаче повышения эффективности регионального имущественного комплекса и предпринимательских сетей, его эксплуатирующих, привлечение частного сектора – хозяйствующих субъектов – к постановке целей и задач, выбору приоритетов развития и мер поддержки будет не декларативным, а реальным. Интегрированное целеполагание станет прологом к интегрированному государственно-частному управлению,

межрегиональному управлению и самоуправлению. Последнее развивается вне зависимости от усилий региональных органов власти по мере развития технологий распределенного пользования.

Для повышения адаптивности системы управления региональным развитием необходимо повышать адаптивность воспроизводственного базиса регионов: каждый регион должен проводить политику повышения конкурентоустойчивости хозяйствующих субъектов, эффект от объединения которых в предпринимательские сети должен усиливать общую тенденцию роста адаптивности и устойчивости отдельных бизнесов в свете регулярно меняющихся правил игры.

Регионам также целесообразно включить в повестку дня политики управления региональными имущественными комплексами вопросы стимулирования предпринимательской активности в части развития распределенных сетей, а также вопросы формирования основанных на данных и на знаниях платформ «притягивания» добавленной стоимости с целью создания положительного нетто-результата экономической деятельности, обеспечивая возможность реализации таких концепций развития конкурентоспособного региона, как «регион – налоговый паспорт», «регион – комфортная среда для бизнеса» или «регион – удобная среда для жизни».

Вклад публичного сектора со стороны субъекта федерации может быть обеспечен дальнейшими инвестициями в повышение связанности пространства посредством развития каналов связи и транспортной доступности.

Практическая реализация адаптивной системы управления региональным имущественным комплексом должна быть встроена в существующие рамки программно-целевого подхода к управлению социально-экономическим развитием регионов. Признавая существующую критику сложившегося подхода, следует отметить его перспективность при условии устранения ключевых противоречий и подчинения описанной ранее логике.

5.2 Совершенствование подходов к реализации программно-целевого управления

Действующая система управления региональной собственностью, представленная в качестве двумерной конструкции, не может рассматриваться как эффективная и отвечающая современным условиям социально-экономического развития. Традиционное восприятие объекта управления – региональной собственности как имущества, принадлежащего субъекту федерации, – и его целевых установок вкупе с ограниченным инструментарием, применяющимся в системе координат «национализация – приватизация» подрывают эффективность функционирования региональной воспроизводственной системы.

Более того, характеристики существующей системы и механизма ее функционирования не отвечают на вопрос о том, в какую сторону должны быть направлены изменения с точки зрения ее оптимизации, в связи с чем дальнейшая трансформация отношений собственности на региональном уровне должна происходить на принципиально новых методологических основаниях. Таким образом, трансформацию отношений собственности следует рассматривать как процесс, который позволит привести управляемую систему в режим эффективного функционирования.

Изменение условий хозяйствования диктует потребность в переходе от отраслевого или ведомственного целеполагания к многомерной системе параметров территориального управления, в том числе в отношении управления региональным имущественным комплексом. Поэтому оправданной представляется необходимость применения принципов пространственного развития к вопросам структурирования организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью. Следовательно, трансформация отношений собственности в регионе призвана стимулировать достижение совокупности экономических и социальных эффектов, измеряемых большим количеством

параметров, значимость которых может быть различной для тех или иных субъектов управления.

Обеспечению перечисленных эффектов может способствовать частичное перестроение и подстройка системы государственного стратегического планирования и устранение наиболее существенных ее недостатков. Так, уже упоминавшаяся ситуация с целеполаганием осложняется тем, что эта основа программно-целевого подхода является не урегулированным с теоретико-методологической точки зрения моментом в деле разработки государственных программ на всех уровнях их реализации. Многие стратегии и государственные программы не актуальны, рассогласованы с «майским указом», не способствуют выстраиванию горизонтальных интеграционных объединений, не ориентированы на создание воспроизводственного ядра территорий.

Проблемы с обеспечением адекватного целеполагания выражаются в слабой взаимосвязи целевых показателей и индикаторов программ с мероприятиями и с положениями иных документов стратегического планирования, что не позволяет осуществлять оценку вклада госпрограммы в реализацию государственной политики в заданной сфере регулирования. Многие государственные программы разработаны в рамках инерционного сценария развития, пренебрегая достижениями науки в области целеполагания и проактивного управления (Vision-теория, форсайт, экономико-математическое моделирование, дорожные карты), они опираются на утрачивающие актуальность методологии, на смену которым приходит пространственный подход и проектное управление, концепции интеграции и разгосударствления, государственно-частное партнерство. Кроме того, недостаточно активно исследуются и используются лучшие практики программно-целевого управления других стран, а также лидирующих российских регионов.

Применяемые в государственных программах критерии эффективности не универсальны, что делает несопоставимыми оценки результатов их реализации с позиции вклада в реализацию государственной политики. Применяемые подходы и методы оценки эффективности программ нуждаются в совершенствовании,

поскольку не учитывают степень приоритетности включенных в них мероприятий, а также не содержат научно-обоснованных весов целевых показателей в расчетах интегральных коэффициентов эффективности.

Свой вклад в формирование негативной картины обеспечивает отсутствие эффективных механизмов взаимодействия с частным сектором на предмет софинансирования программных мероприятий в свете необходимости сокращения расходов бюджетной системы. В значительной мере зарегулированная бюджетная сфера не имеет пространства для маневра, тогда как возможности непосредственного привлечения частного капитала в конкретные проекты существуют, хотя и в значительной степени ограничены нормативными рамками.

Отдельный пласт проблем в реализации государственных программ скрывается за исключительно формальными механизмами их реализации в случаях, когда их действие распространяется на несколько территорий или попадает в область предметов ведения нескольких министерств (ведомств). Учитывая взаимосвязь и взаимозависимость ряда государственных программ Российской Федерации с государственными программами субъектов Российской Федерации, проблемное поле расширяется и усугубляется спектром проблем, с которыми сталкиваются региональные органы исполнительной власти. Эти проблемы проецируются на практику исполнения государственных программ Российской Федерации, в связи с чем также нуждаются в урегулировании следующие значимые аспекты:

– недостаточный уровень ИТ подготовки специалистов на местах, что выражается в замедлении процесса разработки обосновательной части программ в связи с необходимостью внесения изменений в расчеты и прогнозно-аналитические модели при поступлении обновленных данных (например, в результате принятия изменений в бюджет субъекта Российской Федерации);

– низкое качество инструктивных или рекомендательных актов по целому ряду документов стратегического планирования, включая процесс разработки государственных программ субъекта Российской Федерации и обеспечения их взаимосвязи с документами вышестоящего уровня.

Представленный перечень проблем не является исчерпывающим и может быть дополнен, а складывающаяся совокупность вопросов все больше подчеркивает необходимость совершенствования практики применения программно-целевого подхода к управлению социально-экономическим развитием территорий.

Новацией в области совершенствования стратегического планирования является попытка интегрировать в контекст управления разработкой и реализацией государственных программ относительно инновационных достижений управленческой мысли, таких как процессный подход и проектное управление, а также более продвинутое техники целеполагания. В первую очередь необходимо отметить потребность в расширении практики применения основных положений, теоретических основ и практического инструментария, имеющего отношение к совершенствованию методологии разработки и реализации государственных программ и оценке их эффективности:

- инструментов целеполагания на основе vision-технологий и интеграции форсайта в процесс разработки государственных программ;

- принципов программно-целевого управления пространственным развитием с учетом необходимости обеспечения взаимосвязи государственных программ с документами целеполагания, в том числе со «Стратегией пространственного развития Российской Федерации»;

- подходов к формализованной оценке эффективности государственной политики на основе анализа и мониторинга общественного мнения и возможных направлений интеграции таких подходов в практику оценки государственных программ и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Перечисленные подходы и техники позволяют выйти на новый уровень осмысления проблем государственного программирования, обеспечив возможности для активного вовлечения частного сектора в процесс реализации государственных программ. Таким образом, применение проектного подхода сделает процесс более прозрачным и понятным всем заинтересованным сторонам

и, главное, позволит обеспечить унификацию процедур принятия решений с бизнесом.

В результате внедрения и адаптации проектного подхода будут созданы предпосылки и действенные возможности для преодоления существующего сегодня фундаментального противоречия:

– субъект управления социально-экономическим развитием (орган исполнительной власти) и непосредственный исполнитель программных мероприятий (любое лицо, включая частные хозяйствующие субъекты) разделены;

– первый не имеет властно-подчинительных полномочий по отношению ко второму;

– разорвана причинно-следственная связь между принимаемыми решениями, усилиями по их воплощению и достигнутым результатом при сохранении ответственности органа исполнительной власти за результат.

В этой связи требуются конкретные рекомендации, делающие федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» действенным инструментом, который не просто «описывает документооборот в процессе реализации государственной политики», а обеспечивает причинно-следственную связь между принимаемыми решениями и достигнутыми результатами в материально-вещественной плоскости через призму удовлетворенности населения уровнем и качеством жизни, а также деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Важным направлением в развитии программно-целевого управления социально-экономическим развитием является формирование методических и нормативно-правовых оснований для налаживания интеграционных связей, наиболее благоприятную почву для развития которых формирует экономика распределенного пользования в рамках предпринимательских сетей. Теория и методология более раннего организационно-экономического механизма, основанного на интеграции, – государственно-частного партнерства – получила достаточное освещение в научной литературе, при том, что практическая сторона реализации данного феномена находится лишь на начальной стадии развития в

России. Это обусловлено отсутствием связующих элементов между инфраструктурными и иными интересами государства, закрепленными в государственных программах, и интересами бизнеса. Представляется, что интеграция принципов распределенного пользования элементами регионального имущественного комплекса в процесс разработки государственных программ позволит обеспечить более эффективную их реализацию на фоне возрастающих бюджетных ограничений.

На протяжении последних нескольких лет философия государственно-частного партнерства получила свое развитие, трансформировавшись из сугубо организационно-правовой формы, определяющей режим хозяйствования, в политику широкого действия, направленную на решение проблем развития инфраструктуры и обеспечения доступа к общественным благам. Взаимная интеграция государства и бизнеса, проявляющаяся в системе государственных закупок и контрактации, субсидирования и перекрестного финансирования, поддержки и спонсирования и т.д., в настоящее время выходит на качественно новый уровень «соучастия» в обеспечении поступательного социально-экономического развития территорий. Концептуальной основой такой интеграции является принятие бизнесом солидарной ответственности за благосостояние местных сообществ или социума в более широком смысле в рамках парадигмы социальной ответственности бизнеса или более новых течений – так называемого инклюзивного капитализма, который имеет под собой достаточно противоречивую, но, тем не менее, работоспособную идеологию: бедные общества потребляют меньше, поэтому, обеспечивая рост благосостояния населения, бизнес может способствовать своему развитию.

Данный вектор эволюции отношений собственности представляется не менее значимым, хотя в части приоритетов, как показало проведенное эмпирическое исследование, следует выделять именно формирование и развитие предпринимательских сетей распределенного пользования элементами регионального имущественного комплекса.

Развитие сетей распределенного пользования активами в контексте совершенствования теории и практики стратегического планирования предполагает сосредоточение внимания на следующих аспектах:

– интеграция экономики распределенного пользования в логику программно-целевого подхода и в практику разработки и реализации государственных программ;

– формулирование принципов и разработка механизмов эффективного управления имущественным базисом регионов в интересах постановки адекватных целей реализации экономической политики;

– адаптация практических подходов к сценарному моделированию параметров динамики социально-экономических систем, применимых в целеполагании и выработке перечня мероприятий государственной программы, а также к оценке эффективности ее реализации.

В дополнение к перечисленному, совокупность предложений, связанных с совершенствованием системы стратегического планирования, предусматривает работу по следующим перспективным направлениям, условно сгруппированным в операционный, тактический и стратегический блоки.

Стратегический блок предложений направлен на совершенствование общей конструкции и архитектуры системы программно-целевого управления:

1. Разработка и обоснование предложений по адаптации лучших зарубежных практик применения программно-целевого подхода для целей совершенствования процесса разработки и реализации государственных программ. Формирование выборки стран, чей опыт будет исследоваться на предмет выявления лучших практик, должно учитывать критерии информационной прозрачности процедур принятия решений, которым, например, соответствуют страны ОЭСР. Выборка должна включать не менее пяти наиболее развитых и пяти наименее развитых экономик по состоянию на последний зафиксированный момент времени по критерию величины индекса человеческого развития.

2. Формирование предложений по обеспечению открытости и прозрачности процесса разработки государственных программ.

3. Разработка предложений по интеграции организационно-экономических механизмов распределенного пользования в процесс реализации государственных программ.

4. Выработка рекомендаций по интеграции процессного подхода к планированию реализации государственных программ.

5. Моделирование взаимосвязи основных мероприятий подпрограмм государственных программ и показателей реализации государственных программ на основе результатов анализа и обобщения практики.

6. Определение подходов к формированию единой базы программных документов и их увязки в систему планирования в рамках народного хозяйства федеративного государства.

Тактический блок рекомендаций охватывает следующие направления регулируемого воздействия, предполагающие устранение известных на сегодняшний день проблем и недостатков системы.

1. Проведение анализа соответствия процедуры формирования расходной части федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации требованию о переходе к программному бюджету в полном объеме.

2. Обоснование концепции формирования единого пространства разработки и реализации государственных программ Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В практической плоскости эта концепция должна результировать в единую базу данных документов стратегического планирования, систему рейтингов субъектов планирования и т.д.

3. Проведение комплексной экспертизы государственных программ и оценки их соответствия основным направлениям государственной политики, целям и приоритетам, обозначенным в документах стратегического планирования.

Совершенствование процедур формирования государственных программ и планов их реализации, а также программной части бюджетов предусматривает решение следующих задач операционного уровня управления системы стратегического планирования:

1. Доработка и унификация методологического подхода к оценке эффективности реализации государственных программ;

2. Разработка методических основ сравнительной оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации по подготовке проектов государственных программ;

3. Формирование проекта типовых методических указаний по разработке и оценке эффективности реализации государственных программ субъектов Российской Федерации.

4. Разработка проекта методики осуществления мониторинга реализации государственных программ;

5. Формирование комплексного рейтинга государственных программ Российской Федерации по данным о фактической эффективности их реализации.

Перечисленные выше направления совершенствования программно-целевого управления нуждаются в определённых комментариях, особенно в части подхода к их осуществлению. С этой точки зрения представляется целесообразным осветить пути и методы решения поставленных задач в области разработки и реализации государственных программ в терминах конкретных действий, необходимых для успешного достижения желаемого результата.

Во-первых, необходима регулярная оценка существующей практики стратегического планирования и программно-целевого управления в части реализации государственных программ, а также оценка их эффективности. Оценку целесообразно проводить по следующему алгоритму:

– формирование базы данных по репрезентативной выборке государственных программ субъектов Российской Федерации;

– систематизация методических подходов к оценке эффективности госпрограмм, в том числе в разрезе направлений оценки: оценка содержания программ с позиции соответствия их целей и задач приоритетам социально-экономического развития; оценка мероприятий, индикаторов и показателей с позиции соответствия документам целеполагания и государственным программам вышестоящего уровня; оценка процесса реализации программы, включая

налаживание системы мониторинга; оценка ожидаемой и фактической эффективности программы с позиции достижения целей и задач, выполнения планов мероприятий и освоения средств бюджета.

– выявленные «узких мест» существующих методик и проблем их практического применения;

– определение направлений для совершенствования, унификации и обеспечения сопоставимости подходов к оценке программ по видам (например, «инфраструктурные», «социально-ориентированные», «текущие» и т.д.).

– подготовка рекомендаций по совершенствованию методик оценки эффективности госпрограмм;

– перекрестная апробация методик оценки эффективности госпрограмм различных субъектов Российской Федерации, благодаря чему может быть эмпирически обоснован потенциал для дальнейшего совершенствования методологии разработки государственных программ и других документов стратегического планирования.

Во-вторых, целесообразно регулярное проведение экспертного опроса представителей органов исполнительной власти и сторонних разработчиков проектов государственных программ с целью выявления недостатков процесса и, возможно, формулирования предложений по его совершенствованию.

В-третьих, необходимо формирование массива данных и обобщение накопленного органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации опыта в части следующих значимых аспектов:

1. Внутреннее (ведомственное) регулирование процесса разработки и реализации государственных программ. Это необходимо для выполнения критического анализа содержания существующих рекомендаций и наставлений по разработке государственных программ и для выработки предложений по его совершенствованию.

2. Распределение ответственности за разработку проектов государственных программ между органами исполнительной власти, организация

документооборота, горизонтального и вертикального взаимодействия между органами исполнительной власти:

– тестирование инициатив по созданию единого органа, ответственного за разработку документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации,

– сбор сведений о текущих проблемах организации процесса разработки проектов государственных программ и о предлагаемых вариантах их решения,

– выявление эффективных и неэффективных организационных структур взаимодействия региональных органов исполнительной власти при разработке и согласовании проектов государственных программ.

3. Уровень автоматизации процесса разработки проектов государственных программ в части аналитического обеспечения и обосновывающих и поясняющих материалов (за рамками утверждаемой части).

4. Готовность региональных органов исполнительной власти осуществлять разработку проектов государственных программ собственными силами и привлекать к этому сторонние организации на договорной основе. Для этого необходимо систематизировать опыт регионов по разработке документов стратегического планирования собственными силами и с привлечением сторонних разработчиков, сформулировать критерии отбора исполнителей и предъявляемые к ним требования, обозначить пределы целесообразности выделения бюджетных ассигнований для оплаты работ по разработке проекта государственной программы сторонними разработчиками.

В-четвёртых, требуется разработка методики ранжирования приоритетности расходов бюджета с учетом взаимосвязи ключевых показателей реализации государственной политики и показателей государственных программ, имеющей в своей основе инструментарий корреляционно-регрессионного анализа, в том числе принимающий во внимание временной лаг между мероприятиями программы и их возможным отложенным эффектом. Предложения по ранжированию основных мероприятий по степени их влияния на достижение конечных результатов реализации государственных программ должны разрабатываться на основе

многокритериальной оценки, учитывающей затратность, длительность, социальную значимость и другие характеристики мероприятий.

Реализация описанных выше предложений предполагает формирование экономии бюджетных средств. Экономическая эффективность в данном случае будет достигнута в результате снижения трудозатрат, причем ожидается как прямой, так и косвенный экономический эффект: планы сокращения численности государственных гражданских служащих, реализуемые на федеральном уровне и в большинстве субъектов Российской Федерации, наслаиваются на временное увеличение трудоемкости процесса разработки документов стратегического планирования в целом и государственных программ в частности, что также следует признать препятствием эффективному функционированию системы разработки и реализации государственных программ Российской Федерации.

Основываясь на оценках эффекта, полученных при обобщении практики стандартизации бизнес-процессов в сложно структурированных системах управления, к числу которых справедливо относятся органы государственной власти, можно снизить трудоемкость разработки проекта государственной программы с 100 человеко-часов (усредненная оценка на основе опросов представителей органов государственной власти 15 субъектов Российской Федерации) до 70 человеко-часов, т.е. на 30 %. В пересчете на количество государственных программ Российской Федерации и количество итераций при их разработке и утверждении, а также при координации соподчиненных подпрограмм и государственных программ субъектов Российской Федерации экономический эффект многократно превысит стоимость затрат на реализацию работ по внедрению обозначенных рекомендаций.

Многие субъекты Российской Федерации выражают готовность поручить разработку проектов большинства государственных программ сторонним организациям на контрактной основе за счет средств соответствующих бюджетов, мотивируя свое намерение отсутствием успешного опыта разработки проектов госпрограмм силами органов исполнительной власти субъекта РФ или отсутствием

компетентных специалистов. Условный размер экономии оценивается исходя из следующих ориентировочных параметров:

- среднего расчета количества государственных программ субъектов РФ (20 в каждом);
- обозначенного процента передачи разработок подрядчикам: 75 % регионов и 75 % проектов программ в каждом из них (по фактической оценке), 50 % регионов и 50 % программ (по ожидаемой оценке);
- средней стоимости контракта на разработку проекта программы (320 тыс. р.);
- количества регионов (85).

Таким образом, прямая экономия средств бюджетной системы за один цикл разработки государственных программ субъектов Российской Федерации составит 170 млн р. (306 млн р. – потенциальная оценка в текущих условиях и 136 млн р. с учетом доведения до региональных органов исполнительной власти результатов исследования). Косвенная оценка через сокращение рабочего времени так же, как и на федеральном уровне, обеспечит 30-процентную экономию трудозатрат.

С учетом сказанного становится очевидным, что совершенствование практики разработки и реализации государственных программ на уровне субъектов Российской Федерации неразрывно связано с внедрением результатов научных разработок в текущую деятельность органов исполнительной власти Российской Федерации. В этой связи целесообразно рекомендовать регулярную публикацию результатов научных исследований для стимулирования дальнейших разработок и получения обратной связи, включение результатов исследований в программы повышения квалификации государственных гражданских служащих, инициирование комплексных научных исследований практики разработки и реализации государственных программ в субъектах Российской Федерации, а также широкое обсуждение результатов научных разработок с привлечением представителей научной общественности и экспертного сообщества.

Стратегическое планирование представляет собой значимую компоненту системы стратегического управления, также являющейся фактором

конкурентоспособности государства. Внедрение стратегического управления, основанного на адаптивных механизмах управления региональным имущественным комплексом, позволит гармонизировать целеполагание на федеральном, региональном и субрегиональном уровне, равно как и обеспечит согласование принимаемых проектов государственных и муниципальных программ по срокам, ресурсам, исполнителям и источникам финансирования в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Следовательно, можно будет ожидать и ряда косвенных эффектов, таких как повышение эффективности расходования бюджетных средств, повышение связанности экономического пространства, повышение производительности регионального имущественного комплекса и процесса управления им.

Прямой экономический эффект от распространения сетей распределенного пользования объектами регионального имущественного комплекса также подлежит оценке. В дальнейшей части работы обосновывается и апробируется методический инструментарий, который также может быть положен в основу адаптивной системы управления региональной собственностью, основанной на организационно-экономическом механизме распределенного пользования. Применение данного методического инструментария позволит не только обосновать преимущества модели сетевой организации экономического пространства реализации отношений собственности, но и количественно оценить их с точки зрения потенциального экономического эффекта.

5.3 Потенциальный эффект применения сетевых механизмов организации отношений собственности в экономике распределенного пользования

Описанные в данном диссертационном исследовании предложения по совершенствованию практики государственного стратегического планирования и программно-целевого управления предполагают достижение такого результата,

как повышение конкурентоспособности или конкурентоустойчивости социально-экономической системы региона за счет достижения экономического эффекта. Принимая в качестве объекта управления региональный имущественный комплекс, можно отметить, что результативность и эффективность его функционирования в значительной степени зависят от возможности хозяйствующих субъектов и образованных ими предпринимательских сетей обеспечить собственную устойчивость в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Адаптивная система управления региональным имущественным комплексом, основанная на применении организационно-экономических механизмов распределенного пользования активами, позволяет задействовать новые эффекты, достижение которых ставится ведущими мировыми центрами стратегического управления во главу угла обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов.

В ряде исследований сформулировано ошибочное предположение, что экономические выгоды от экономики распределенного пользования производственными активами могут получить либо очень крупные хозяйствующие субъекты, обладающие избыточными мощностями, либо конечные потребители – домохозяйства. Тем не менее, есть основания полагать, что потенциальными выгодоприобретателями распределенного пользования, предъявляющими значительно больший спрос на доступ к временно свободным производственным мощностям, являются именно малые и средние региональные производители.

Региональные производители сталкиваются с серьезными вызовами в своей конкуренции за доли рынка и ниши, с множеством ограничений, в том числе со стороны спроса на их продукцию, макроэкономической политики, предложения ресурсов, доступности капитала и его стоимости. Значительные ограничения есть и в части используемых ими технологий. Теоретически, малые производители могут быстрее реагировать на изменяющийся спрос благодаря предполагаемой гибкости в точной подстройке продукта под запросы потребителя, но они довольно ограничены в возможности предоставления необходимого дополнительного количества товаров и услуг своим текущим и потенциальным клиентам, если

увеличение количества требуется в кратчайшие сроки. Детальное сравнение бизнес-процессов мелкосерийных и крупных товаропроизводителей представлено в работе И. Чао, который исследовал факторы, влияющие на эффективность их производства, и построил модель повышения производительности с учетом вариации запросов клиента, дизайна продукта, способа организации производства, характера обработки и качества материалов для увеличения производительности¹. Так, по сравнению с крупными хозяйствующими субъектами малые региональные производители могут более оперативно реагировать на изменения рыночного спроса только в том случае, если у них есть соответствующий капитал или избыточные производственные мощности. Именно поэтому доступность капитала может иметь решающее значение, если конкурентоспособность компании определяется ее способностью масштабировать выпуск.

В работе Р. Карра детально рассмотрена специфика конкурентоспособности, обусловленной гибкостью производственного процесса, которая свойственна малым региональным производителям: в условиях цифровизации «продукты на заказ для небольших нишевых рынков доступны потребителям по щелчку мыши. Это повышает ожидания потребителей в отношении получения именно того, *что* они хотят и *когда* они этого хотят ... Это создает новые деловые возможности для производителей, которые могут поддержать такой запрос»². Следовательно, если региональный производитель сможет оперативно пересмотреть планы производства и внести необходимые изменения, он, скорее всего, преуспеет в положительном ответе на вызовы рынка и сможет присвоить новую добавленную стоимость. Иными словами, гибкость производства – это способность регионального производителя выпускать небольшие партии товара по запросу или изделия с высоким уровнем кастомизации.

¹ Chao, Y. F. Production Efficiency Promotion Model of Multi-Product and Small-Batch Machinery Manufacturing Enterprises / Y. F. Chao // *Advanced Materials Research*. – 2012. – No. 542–543. – P. 390-393.

² Carr, R. In small-batch manufacturing location, flexibility is crucial [Электронный ресурс] / R. Carr // *Plant Engineering*. – 2018. – Режим доступа: <https://www.plantengineering.com/articles/in-small-batch-manufacturing-location-flexibility-is-crucial/> (дата обращения: 0.12.2020).

Второе слагаемое конкурентной гибкости региональных производственных сетей распределенного пользования – это средняя продолжительность повышенного спроса, которая заставляет рассматривать расходы на возвращение status quo как критически важные. Повышенный спрос может быть лишь краткосрочной возможностью для регионального производителя, после чего последует спад продаж. Следовательно, если хозяйствующий субъект приобретает основные средства по традиционной схеме, он сталкивается с оттоком денежных средств, который будет не в полном объеме возмещен приростом производства. Покупка, в том числе в кредит, или аренда могут быть реализованы быстро лишь теоретически и обычно не рассматриваются как способ краткосрочного вмешательства: когда импульс повышенного спроса истощается, необходимо минимизировать стоимость владения активами, в противном случае такая иммобилизация денежных средств в долгосрочной перспективе может быть экономически нерациональной из-за проблем ликвидности и прибыльности, которые подрывают стоимость бизнеса.

Анализ современной литературы позволяет установить еще одну важную концепцию гибкости регионального производителя как основы предпринимательской сети распределенного пользования – адаптивность (agility) которая физически означает способность эффективно и действенно изменять направление материального объекта при различных внешних воздействиях или шоках, достигаемых сочетанием статического и динамического баланса, скорости, силы и координации. В таком случае адаптивность хозяйствующего субъекта (сети хозяйствующих субъектов) – это его способность реагировать на неожиданные изменения в окружающей среде, используя доступные ресурсы. По мнению Э. Лейборна, адаптивность интерпретируется как «способность бизнес-системы быстро реагировать на изменения путем адаптации своей первоначальной стабильной конфигурации»¹. Г. Хамел и Л. Вяликангас предполагают, что адаптивное предприятие стремится сделать изменения рутинной частью

¹ Leybourn, E. Directing The Agile Organisation: A lean approach to business management. / E. Leybourn. – L. : IT Governance Publishing, 2013. – 275 p.

организационной жизни, чтобы уменьшить или устранить организационную травму, которая парализует многие предприятия, пытающиеся адаптироваться к новым рынкам и условиям¹.

Иными словами, под давлением постоянных изменений, адаптивный экономический субъект может быстро приспособиться и воспользоваться появляющимися возможностями. Это подразумевает, что региональный производитель должен иметь достаточные производственные мощности, чтобы предоставлять дополнительный объем или расширенную номенклатуру продукции вкпе с готовностью руководства и собственников предприятия реагировать на изменения. В контексте рассматриваемой проблемы адаптивный производитель – это тот, чей объем производства может колебаться синхронно с рынком без значительных альтернативных и транзакционных издержек.

Адаптивность часто синонимична корпоративной устойчивости, определяемой как способность системы противостоять изменениям в ее среде, продолжая функционировать. Но распространенное понимание риска сопряжено лишь с его «негативной» коннотацией: предполагается, что изменение является негативно влияющим фактором, а адаптивность и устойчивость считаются призванными обеспечить восстановление хозяйствующего субъекта от «травмы» (см. выше) или шока – вернуться к некоторому уровню нормальности. Тем не менее, риск является двусторонним явлением, по крайней мере, математически (квадратный корень из стандартного отклонения), и неспособность соответствовать потенциальным *благоприятным* изменениям также является проблемой с точки зрения текущей и будущей конкурентоспособности регионального имущественного комплекса и эксплуатирующей его предпринимательской сети региональных производителей.

Следовательно, в рамках продвигаемой в настоящем диссертационном исследовании адаптивной системы управления региональным имущественным комплексом, основанной на организационно-экономическом механизме

¹ Hamel, G. The Quest for Resilience / G. Hamel, L. Välikangas // Harvard Business Review. – 2003. – P. 52-63.

распределенного пользования активами в рамках региональных предпринимательских сетей, одним из целевых критериев управления, поддерживаемых всеми уровнями субъектов, должна стать «адаптивная гибкость» – теоретическая концепция, которая предполагает обеспечение способности регионального производителя быстро реагировать на изменения спроса увеличением выпуска и впоследствии сокращать выпуск до прежних уровней без значительных затрат. Такое сочетание (устойчивость – адаптивность – гибкость) может быть очень хорошим конкурентным преимуществом, а сама гибкость может стать ключевой компетенцией для любого регионального производителя и всей социально-экономической системы региона в целом.

Известные технические и финансовые ограничения не позволяют региональным производителям идеально сочетать гибкость и адаптивность: они могут быть гибкими с точки зрения качества, но количественные вызовы не всегда могут быть оперативно приняты. Лучшие практики регионального управления на основе кластеров и предпринимательских сетей, распространенные в России и за рубежом, позволяют выделить несколько подходов, позволяющих региональным производителям следовать сигналам расширения рынка и соответствующим образом реагировать на них. Возможные варианты включают субподряд, аутсорсинг, расширение собственных мощностей (посредством инвестиций) и некоторые современные явления, основанные на распределенном пользовании.

Несомненно, многие региональные производители используют субподряд и аутсорсинг, чтобы избежать инвестиций в дорогостоящее оборудование: капитал является ограниченно доступным, а благодаря субподрядным компаниям малые региональные производители могут быстро увеличить выпуск без дополнительных капиталовложений¹.

Частным случаем субподряда является организационно-экономический механизм аутсорсинга. Основная компетенция специализирующегося на аутсорсинге поставщика заключается в том, чтобы надлежащим образом

¹ Pardo, R. Is the pro-network bias justified? Outsourcers, small batch production, and advanced manufacturing technology / R. Pardo, R. Rama // SAGE Open. – 2013. – Vol. 3. – No. 3. – P. 1-16.

подготовиться к изменчивости выпуска, нестабильности объемов партий, сложности логистики или чрезмерному уровню кастомизации продукта. Эта концепция вписывается в модель «производство как услуга» (PaaS), которая связывает расположенных на территории региона разработчиков продуктов, имеющих небольшие потребности в серийном производстве, с существующими производственными мощностями, имеющими недостаточно загруженные ресурсы¹. По свидетельству Э. Балты, организационно-экономический механизм «производство как услуга» представляет собой платформу, основанную на сервисно-ориентированной архитектуре, которая разбивает процесс производства продукта на несколько этапов (каждый из которых представляет отдельную услугу), чтобы подключить различных региональных производителей с имеющимися у них мощностями для выполнения производственного запроса с учетом максимизации экономического эффекта.

Проблема доступа к технологиям, а также обеспечения сохранности технологий подчеркивается в литературе как не менее актуальная. С одной стороны, малые региональные производители, использующие PaaS, сталкиваются с риском нарушения прав интеллектуальной собственности, особенно если аутсорсер находится в иностранной юрисдикции. С другой стороны, Р. Пардо и Р. Рама утверждают, что «субподряд производства не обязательно снижает технологические потребности. Одно лишь сетевое взаимодействие вряд ли позволит получить доступ к новым технологиям»². Последний аргумент является разумной критикой для апологетов концепции «сеть как панацея». Тем не менее, опросы³ показывают, что региональные производители могут извлечь выгоду из увеличения плотности сети при эксплуатации регионального имущественного комплекса, если деловая активность на рынке соответствующего продукта или

¹ Balta, E. C. Production as a service: A centralized framework for small batch manufacturing / E. C. Balta, Y. Lin, K. Barton, et al. // IEEE International Conference on Automation Science and Engineering. – 2018. – P. 382-389.

² Pardo, R. Is the pro-network bias justified? Outsourcers, small batch production, and advanced manufacturing technology / R. Pardo, R. Rama // SAGE Open. – 2013. – Vol. 3. – No. 3. – P. 1-16.

³ Balland, P.-A. Proximity and the Evolution of Collaboration Networks: Evidence from Research and Development Projects within the Global Navigation Satellite System (GNSS) Industry / P.-A. Balland // Regional Studies. – 2012. – Vol. 46. – No. 6. – P. 741-756.

услуг в регионе или за его пределами становится более интенсивной. Таким образом, теоретически сетевые эффекты обеспечивают нелинейное увеличение общей производительности регионального имущественного комплекса, что положительно влияет на экономическую добавленную стоимость производителей.

Распределенное пользование активами как наиболее актуальный организационно-экономический механизм управления региональным имущественным комплексом, имеющий характерные признаки субподряда и аутсорсинга, также основывается на интенсификации взаимодействий между участниками предпринимательской сети. Согласно М. Мёльманн, распределенное пользование активами так же, как и совместное потребление имеет место в организованных системах или сетях, в которых участники проводят совместную деятельность, в форме аренды, кредитования, торговли и обмена товарами, услугами, транспортными решениями¹. Подобное расширение трактовки экономики распределенного пользования представляет собой недалекую перспективу, которая также должна быть освоена региональным имущественным комплексом, являясь следующим очевидным этапом эволюции организационно-экономических механизмов управления им. Таким образом, достижение адаптивной гибкости регионального имущественного комплекса и его эксплуатантов наилучшим образом обеспечивается именно в сетевой среде: сетевые эффекты и распределенное пользование активами могут повысить общую стоимость регионального имущественного комплекса как функцию операционной и финансовой эффективности.

Выполнено разграничение вариантов моделей распределенной организации производства позволило разработать и апробировать модель оценки экономического эффекта от практического внедрения распределенного пользования временно свободными или незадействованными производственными мощностями.

¹ Möhlmann, M. Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again / M. Möhlmann // Journal of Consumer Behaviour. – 2015. – Vol. 14. – No. 3. – P. 193-207.

Для классификации известных бизнес-моделей распределенного пользования, таких как шеринг и подобных ему способов организации доступа к активам, в данном диссертационном исследовании принята следующая классификация четырех базовых слагаемых воспроизводственного процесса с точки зрения их принадлежности:

- “F” – основные средства (недвижимость, машины и оборудование),
- “W” – оборотные активы (сырье, материалы, и т.д.),
- “C” – компетенция (дизайн продукта и технология его производства, меры защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, рабочая сила нужной квалификации, включая руководителей и исполнителей);
- “M” – рынок (совокупность имеющихся и потенциальных потребителей, каналов дистрибуции и т.д.).

За исключением «M», факторы могут мигрировать между владельцами или держателями. Таким образом, возможны следующие комбинации (см. таблицу 5.2):

Таблица 5.2 – Варианты организации производства на базе моделей распределенного пользования

Компоненты	C			W	F
	Дизайн продукта	Технология, ноу-хау	Человеческие ресурсы	Материальные ресурсы	Оборудование
М.1. Производитель полного цикла	1	1	1	1	1
М.2. Пользователь аутстаффинга	1	1	0	1	1
М.3. Пользователь шеринга	1	1	1	0	0
М.4. Пользователь аутсорсинга	1	0/1	0	0	0
М.5. Пользователь субконтракции	0	0	0	0	0
М.6. Аутсорсер	0	0/1	1	1	1
М.7. Поставщик шеринга	0	0/1	0	1	1
Примечание – “0” – компонент отсутствует, “1” компонент присутствует.					

Очевидно, что модель распределенного пользования временно свободными или незадействованными производственными мощностями («шеринг») характеризуется уникальной комбинацией слагаемых производства, отличающих данную модель организации производства от иных способов, совместно именуемых как «аутсорсинг» или «контрактация». Основываясь на представленной классификации, можно утверждать, что распределенное пользование на базе региональных предпринимательских сетей представляет собой особый подход к организации производства, основанный на доступе к объектам регионального имущественного комплекса по требованию, в котором используется собственный интеллектуальный капитал хозяйствующего субъекта, тогда как физические активы поступают извне.

Выполненное исследование влияния экономики распределенного пользования на результативность регионального имущественного комплекса позволило установить, что во всем разнообразии частных моделей реализации организационно-экономического механизма управления региональной собственностью наиболее ценным фактором производства выступает компетенция как собирательный фактор труда и интеллектуального капитала. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о целесообразности использования моделей распределенного пользования, позволяющих получить отдачу на ранее сделанные инвестиции, направленные на формирование и развитие у хозяйствующего субъекта данной компетенции, а также доказывает значимость накопления и распространения знаний как капитализируемого ресурса для обеспечения ускоренной динамики социально-экономического развития региона.

Итак, экономика распределенного пользования была определена как набор платформ и видов деятельности, которые позволяют участникам региональных предпринимательских сетей приобретать и передавать производственные активы и иные ресурсы во временное пользование или владение. Выгоды данного организационно-экономического механизма вполне очевидны: для хозяйствующих субъектов – производителей такой механизм значительно снижает стоимость владения и увеличивает доступность основного капитала по сравнению с

традиционными способами его формирования, а для обладателей избыточных производственных мощностей это создает стоимость в результате их продуктивного использования за счет большей их загрузки.

Чтобы оценить потенциал влияния организационно-экономического механизма распределенного пользования активами на результативность и эффективность регионального имущественного комплекса, было выполнено имитационное моделирование и измерен нетто-результат экономической деятельности хозяйствующего субъекта при следующих двух сценариях:

– Сценарий 1: избыточный спрос на продукцию регионального товаропроизводителя, не подкрепленный собственными производственными мощностями, реакция – инвестиции, соразмерные росту спроса;

– Сценарий 2: избыточный спрос на продукцию регионального товаропроизводителя, не подкрепленный собственными производственными мощностями, реакция – использование активов сторонней организации в рамках распределенного пользования, для поддержки положительной динамики спроса.

Для оценки нетто-результата экономической деятельности был использован описанный в данном диссертационном исследовании подход, модифицированный посредством добавления фактора дисконтирования по стоимости капитала:

$$\text{НРЭД} = \frac{(R - K - A)(1 - t) - I + A - W}{(k_d D + k_e E) / (D + E)}, \quad (5.1)$$

где R – выручка; $R=f(\text{Количество})$

K – себестоимость; $K=f(R)$; если $\Delta R=R*(1+x) - R \Rightarrow \Delta K=K*(1+y) - K$, $x>y$;

A – амортизация; $A=0$ для $M(3, 4, 5)$, $A>0$ для $M(1, 2, 6, 7)$, номера моделей в соответствии с таблицей 5.2;

t – ставка налога на прибыль, принята в качестве константы;

I – инвестиции в основной капитал; $\Delta I/I = \Delta A/A$;

W – инвестиции в оборотный капитал;

D – рыночная стоимость заемного капитала, $D \geq 0$;

E – рыночная стоимость собственного капитала, $E > 0$; $(D+E) = f(R)$;

k_d – цена заемного капитала, % годовых;

k_e – цена акционерного капитала, % годовых, $k_d < k_e$.

В построенной модели сделано допущение, что колебания спроса на цену реализации продукции не влияют, поэтому выручка остается исключительно функцией количества. Увеличение количества выпускаемой продукции в случае с собственным производством активирует эффект операционного рычага, таким образом, увеличение затрат будет непропорционально меньшим, что также применимо и ко всем моделям, которые предполагают расширение выпуска за счет внешних мощностей. Поскольку любое расширение производства требует инвестиций в оборотный капитал, хотя и в разной степени, в зависимости от принятой на предприятии политики управления оборотным капиталом и от некоторых внешних факторов, расширение рыночного спроса будет одинаково влиять на потребность в оборотном капитале независимо от того, какой режим производства используется.

В случае полного использования производственных мощностей региональный производитель полного цикла будет вынужден инвестировать средства в машины и оборудование, что приведет к увеличению инвестиций в основной капитал, а затем к увеличению амортизации (стоимости владения) и изменению общего капитала в результате расширения заимствований или собственного капитала. Последнее приведет к изменениям структуры капитала и к изменению его средневзвешенной стоимости.

Для моделирования стоимости компаний при различных сценариях проникновения экономики распределенного пользования в экономику регионов необходима репрезентативная панель данных, которые могут быть собраны исключительно опросным методом. В отсутствие такой информации для измерения кумулятивного эффекта от адаптации распределенного пользования была использована имитационная модель по методу Монте-Карло на основе описанной выше модели (5.1). Для симуляции были использованы параметры отклика, полученные на основе оценки параметров регрессии относительного изменения компонентов нетто-результата экономической деятельности в результате

относительного изменения выручки по выборке из 57 российских хозяйствующих субъектов, действующих в различных регионах Российской Федерации, что характерно для пространственной экономики¹.

Полученные регрессионные коэффициенты свидетельствуют о высокой степени достоверности полученной зависимости себестоимости от выручки, что представляется вполне закономерным. Также статистически значимыми являются зависимости изменений капитала и инвестиций в основной капитал, тогда как амортизация ожидаемо демонстрирует недостоверную зависимость от изменений выручки, так как напрямую с изменениями продаж не связана. Детализация представлена в таблице 5.3.

Таблица 5.3 – Регрессионные коэффициенты зависимости темпов роста компонентов нетто-результата экономической деятельности от темпа прироста выручки

	B	p-level
K	0,809859	0,000000***
A	0,173998	0,421111
I	0,48340	0,197242*
D	0,56600	0,071233**
E	0,305015	0,041606***

Для целей построения имитационной модели сделано допущение о валидности полученных регрессионных коэффициентов.

Следующие предположения заложены в основу симуляции:

– производитель задействует 100 % производственной мощности, то есть может увеличить выпуск лишь за счет инвестиций в основной капитал или за счет использования мощностей другой стороны (в частности, шеринга; другие варианты аутсорсинга и контрактации не рассматриваются);

¹ Российские промышленные предприятия различного профиля, объединенные в БД Thomson Reuters в группу «производители потребительских товаров».

– выбор между шерингом и внутренним производством реализован случайным образом (выражена через фиктивную переменную $\alpha = 0$ при шеринге и $\alpha = 1$ при внутреннем производстве);

– себестоимость продаж при $\alpha = 1$ связывается с выручкой через функциональную зависимость вида

$$K = B_K * R, \quad (5.2)$$

где B_K – регрессионный коэффициент процентного изменения себестоимости в результате 1 % изменения выручки;

– при $\alpha = 0$ ожидается дополнительный к описанному прирост себестоимости на экспертно-определяемые 10-50 % за счет транзакционных издержек, сопутствующих шерингу: предполагается, что прямые затраты, за исключением оплаты труда, будут в таком случае выше;

– при отказе от использования шеринга ($\alpha = 1$) инвестиции в основной капитал увеличиваются пропорционально выручке с плечом 101-110 %. Более высокие затраты предполагаются заложенными в бизнес-планы, поскольку производственная мощность на пределе (см. входящие условия);

– амортизация при $\alpha = 1$ будет описываться функциональной зависимостью следующего вида:

$$A = B_A * R, \quad (5.3)$$

где B_A – регрессионный коэффициент процентного изменения амортизации в результате 1 % изменения выручки;

– при $\alpha = 0$ темп прироста амортизации также равен нулю, так как при шеринге инвестиции в основной капитал не предполагаются;

– инвестиции в основной капитал финансируются за счет роста долга или собственного капитала пропорционально соответствующему регрессионному коэффициенту. При $\alpha = 1$ вводится еще одна пара фиктивных переменных, характеризующих изменения компонентов капитала: увеличивается заемный капитал ($\beta = 1$, иначе 0), увеличивается собственный капитал ($\gamma = 1$, иначе 0).

– стоимость капитала принята неизменной;

– одномоментный рост спроса (через рост выручки) заложен в интервале от 100,01 % до 11 % от нормальных продаж за заданный период (экспертная оценка);

– значения α , β и γ являются нормально распределенными случайными величинами, причем β и γ обязательно находятся в противофазе.

В итоге были сформированы три комбинации фиктивных переменных $\{\alpha, \beta, \gamma\}$, задействованных в имитационном моделировании:

– $\{1,0,1\}$ – расширение собственных производственных мощностей за счет увеличения собственного капитала;

– $\{1,1,0\}$ – расширение собственных производственных мощностей за счет увеличения заемного капитала;

– $\{0,0,0\}$ – использование шеринга.

Поскольку данная имитационная модель была построена для тестирования теоретической гипотезы, практическая реализация которой может произтекать в различных социально-экономических условиях регионов, контроль валидности результата осуществлялся масштабированием числа итераций: 2000, 5000, 15000, 100000 итераций, – а также воспроизведением имитационной модели на других вводных данных (данные другого случайно выбранного субъекта хозяйствования из различных регионов). Пример симуляции (несколько итераций) представлен в таблице 5.4.

Таблица 5.4 – Величина нетто-результата экономической деятельности и оценка отдельных его компонентов при различных сочетаниях факторов внешней среды в регионах

Компоненты	Исходное значение	Расчетное значение для заданной итерации					
		И.1	И.2	И.3	И.4	И.5	И.6
Дисконтированный НРЭД	11,216	12,218	11,572	11,829	11,240	11,630	10,806
НРЭД	1,839	1,994	1,897	1,939	1,848	1,906	1,777
Средневзвешенная стоимость капитала при $K_d=8,5$; $k_e=18,6$	0,164	0,163	0,164	0,164	0,164	0,164	0,164
Выручка (R)	6,546	7,023	6,781	6,966	7,135	6,788	7,240
Себестоимость (K)	2,305	2,441	2,455	2,578	2,473	2,450	2,503
Амортизация (A)	0,613	0,621	0,613	0,613	0,623	0,613	0,624

Компоненты	Исходное значение	Расчетное значение для заданной итерации					
		И.1	И.2	И.3	И.4	И.5	И.6
Инвестиции в основной капитал (I)	-1,406	-1,505	-1,406	-1,406	-1,711	-1,406	-1,838
Инвестиции в оборотный капитал (W)	-0,271	-0,291	-0,281	-0,289	-0,296	-0,281	-0,300
Величина заемного капитала (D)	3,267	3,401	3,267	3,267	3,267	3,267	3,267
Величина собственного капитала (E)	11,629	11,629	11,629	11,629	11,948	11,629	12,005
		Случайные значения для заданной итерации					
Темп прироста выручки	-	7,28	3,59	6,42	9,00	3,70	10,61
Темп прироста себестоимости	-	5,89	6,51	11,84	7,28	6,28	8,58
Темп прироста амортизации	-	1,27	0,00	0,00	1,57	0,00	1,85
Темп прироста инвестиций в основной капитал	-	7,03	0,00	0,00	21,73	0,00	30,74
Темп прироста инвестиций в оборотный капитал	-	7,28	3,59	6,42	9,00	3,70	10,61
Темп прироста заемного капитала	-	4,12	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Темп прироста собственного капитала	-	0,00	0,00	0,00	2,74	0,00	3,23
Фиктивная переменная выбора между шерингом и внутренним производством (α -dummy)	-	1	0	0	1	0	1
Фиктивная переменная увеличения заемного капитала (β -dummy)	-	1	0	0	0	0	0
Фиктивная переменная увеличения собственного капитала (γ -dummy)	-	0	1	1	1	1	1

Усредненный результат симуляций, выполненных методом Монте-Карло, позволяет установить, что реакция субъектов хозяйствования в регионах на кратковременный рост спроса без привлечения дополнительных инвестиций, но с использованием шеринга обеспечивает прирост нетто-результата экономической деятельности в среднем на 4,4 %, тогда как расширение инвестиций в основной капитал при заданных параметрах размывает нетто-результата экономической деятельности в среднем на 0,9 %. Обобщенные результаты имитационного моделирования представлены в таблице 5.5.

Таблица 5.5 – Результаты имитационного моделирования

	Среднее значение относительного прироста стоимости, %	Вероятность снижения нетто-результата экономической деятельности, %
По всей совокупности симуляций	1,94	-
При расширении собственных мощностей	-0,84	49,6 %
С применением подели распределенного пользования активами	4,37	0,0 %

Нулевая вероятность снижения нетто-результата экономической деятельности с применением модели распределенного пользования активами, возможно, обусловлена особенностями спецификации модели. Необходимо отметить, что может потребоваться коррекция модели оценки экономического эффекта для учета специфики конкретно заданных условий хозяйствования, присущих соответствующему субъекту Российской Федерации.

Полученный результат имитационного моделирования устойчиво воспроизводится на аналогичных симуляциях с использованием исходных значений разных компаний из 57 включенных в панель, что позволяет (с описанными допущениями) сделать вывод о том, что организационно-экономический механизм управления имущественным комплексом на основе распределенного пользования активами имеет потенциал развития.

Следует также отметить, что построенная модель учитывает экономические эффекты лишь для эксплуатанта производственных мощностей в рамках региональной предпринимательской сети, тогда как дополнительный эффект в виде прироста доходов и экономии на издержках будет присущ и собственнику передаваемых в распределенное пользование производственных мощностей.

Экономические эффекты от распространения практик распределенного пользования на региональном уровне в ходе исследования также были экстраполированы на уровень национальной экономики, где положительные эффекты тоже воспроизводятся: сопоставление композитных индексов экономики распределенного пользования с индексами широкого рынка позволило установить,

что их относительная доходность на несколько процентных пунктов выше при сопоставимом уровне риска (положительный совокупный прирост доходности сверх нормальной величины)¹.

С помощью имитационной модели было доказано, что обеспечиваемая сетевыми формами взаимодействия гибкость и адаптивность – способность поддерживать запрос рынка на увеличение количества выпускаемой продукции – позволяет эффективно увеличивать добавленную стоимость и не терять ее при возвращении спроса на исходный уровень, равно как и не нести издержки в связи с отрицательным действием операционного рычага при сокращении спроса. Подобный принцип может быть положен в основу целенаправленной региональной политики управления собственностью: региональные органы власти могут консолидировать ресурсы для формирования пулов основных производственных фондов или стимулировать инвестиции в гибкие и адаптивные производственные линии, основывающиеся на легио-принципе.

Таким образом, основанные на распределенном использовании активов организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью имеют значительный потенциал роста экономической эффективности региональных имущественных комплексов, могут обеспечить вклад в приращение конкурентоспособности российских регионов с учетом имеющихся ограничений. Адаптация таких механизмов в практике управления пространственным развитием Российской Федерации позволит устранить имеющиеся пробелы в программно-целевом подходе к управлению социально-экономическим развитием российских регионов. Сформулированные в работе принципы и теоретические подходы, методические разработки и рекомендации обеспечивают необходимое развитие теории пространственной экономики, а их применение дает возможность достижения экономического эффекта от внедрения нового организационно-экономического механизма управления региональной собственностью, основанного на распределенном пользовании активами.

¹ Более подробно см. в: Kolmakov V.V. et al. Stock market verification of the sharing economy contribution. Article in press.

Выполненное в работе обоснование преимуществ и описание модели сетевой организации отношений собственности в экономическом пространстве будет способствовать максимизации вклада региональных имущественных комплексов и разворачивающихся вокруг них отношений в социально-экономическую динамику регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Федеративный принцип управления обуславливает привлечение внимания к региональным аспектам и повышает роль управления собственностью на региональном уровне. Выполненная систематизация существующих подходов к определению понятия «региональная собственность», а также объективная необходимость повышения экономического эффекта управления региональными имущественными комплексами позволяют инициировать включение элементов негосударственной собственности в повестку дня государственного управления.

Управление региональной собственностью представляет собой целерациональную деятельность субъектов управления – региональных органов власти – по организации эффективного использования региональной собственности посредством надлежащих механизмов и инструментов, осуществляемую в интересах обеспечения позитивной динамики социально-экономического развития и развития человеческого потенциала территории. Принятое в работе определение региональной собственности обуславливает изменение контуров системы управления ею. Во-первых, изменения связаны с включением в систему управления всего имущества, располагающегося на территории региона вне зависимости от формы собственности, что расширяет возможность получения экономического эффекта за счет учета новых процессов, разворачивающихся в экономическом пространстве. Во-вторых, изменение системы управления региональной собственностью имеет место как посредством расширения объектного состава посредством включения в него помимо существующих еще и объекты, находящиеся вне государственной собственности, а также нематериальные объекты и инфраструктуру предоставления общественных благ.

Различные формы собственности в административных границах региона в процессе экономической деятельности находятся в тесном взаимодействии и формируют целостную систему отношений, экономической характеристикой которых может выступать либо традиционно применяемая величина доходов

соответствующих субъектов от использования собственности, либо, как было обосновано в исследовании, более актуальная ее интерпретация в виде доходов, скорректированных на величину затрат на содержание и поддержание объектов собственности, что выводит на передний план вопрос создания добавленной стоимости. Данное обстоятельство обуславливает необходимость отказа от исключительно «активной» трактовки региональной собственности в пользу «активно-пассивной», которая расширяет традиционную триаду прав владения, пользования и распоряжения комплексом неотчуждаемых обязательств (модернизация, текущее финансирование, предоставление доступа и т.д.), а также включает в состав регионального имущественного комплекса совокупность общественных благ и институтов, обеспечивающих блага. Это позволяет дополнить существующие организационно-экономические механизмы управления региональной собственностью и в дальнейшем использовать потенциал тех из них, которые эксплуатируют синергетические эффекты партнерства и взаимодействия, допуская в экономический оборот новые формы доступа к средствам производства, описываемые феноменом экономики распределенного пользования.

Под организационно-экономическим механизмом управления региональной собственностью понимается совокупность средств и методов достижения целей управляющей системы по отношению к совокупности управляемых объектов и субъектов, опирающихся на объективные экономические законы и социальные процессы в заданных институциональных условиях. К числу организационно-экономических механизмов управления региональной собственностью относят приватизацию, государственное предпринимательство, контрактацию и государственно-частное взаимодействие. Расширение представления о региональной собственности и системе управления ею приводит к активному использованию не только базовых и отработанных механизмов (приватизация, контрактация и ГЧП), но и механизма распределенного пользования активами на базе предпринимательских сетей, что в конечном счете расширяет возможность извлечения дополнительного социально-экономического эффекта.

Органы государственной власти в качестве «активной» стороны имеют возможность управлять только тем имуществом, которое находится в их собственности, при этом объекты имущества частного сектора не охвачены инструментами управления прямого действия, тогда как необходимость целерационального воздействия на частный сектор с целью гармонизации его интересов с интересами региона очевидна. Но в распоряжении государства имеется лишь инструментарий стратегического планирования, призванный в его лучшем виде довести до сведения всех заинтересованных сторон видение органами государственной власти ключевых характеристик функционирования социально-экономической системы, а также принципиальных способов их достижения. В силу этого расширение контуров системы управления региональной собственностью и задействование такого организационно-экономического механизма как распределенное пользование способствует повышению эффективности отечественной экономики за счет формирования совокупности условий в рамках комплексного подхода для внедрения и развития взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества, которые оказывают позитивное влияние на социально-экономическое развитие и способствуют ускорению развития инфраструктуры и увеличения объемов инвестиционных вложений.

Возможность извлечения дополнительного экономического эффекта от управления региональной собственностью – один из самых значимых вопросов с учетом поставленной задачи обеспечения ускоренных темпов социально-экономического развития страны. Единая методика оценки эффективности, удовлетворяющая требованиям разного уровня пользователей, до сих пор не выработана, тогда как совокупный набор показателей, доступных для выполнения подобных оценок, достаточно широк. Эти показатели присутствуют в различных программных документах в качестве измерителей прогресса или частных идентификаторов целевых функций. Однако эти целевые функции не в полной мере объективно отражают наличие или отсутствие экономического роста, как было доказано в эмпирической части исследования: даже при позитивной

динамике используемых индикаторов, рост качества жизни может отсутствовать или запаздывать. В этой связи выделены три подхода к устранению данного противоречия. Предполагается, что универсальным критерием эффективности управления государственной собственностью может выступать продолжительность генерируемой цепочки добавленной стоимости, интегрируемая в такие измерители, как экономическая добавленная стоимость: по мере укрупнения объекта региональной собственности вокруг него будут формироваться интеграционные объединения, мультиплицирующие экономический эффект и распространяющие позитивные импульсы роста человеческого капитала. Дополняющий подход к оценке эффективности управления региональной собственностью лежит через измерение динамики сил связанности регионального экономического пространства, а также через измерение конкурентоспособности территории.

Установлено, что значительный потенциал генерации добавленной стоимости заложен в развитии региональных предпринимательских сетей, поскольку принципиальным является именно способ организации отношений внутри пространственного образования и их экономическая основа. Многие конкурентные преимущества предпринимательских сетей зависят от наличия свободного обмена информацией, понимания процессов или транзакций, создающих добавочную стоимость, готовности следовать намеченному курсу и работать с другими организациями, а также готовности к изменениям. Предпринимательские сети и их частные случаи – промышленные и производственные кластеры – формируют экономическую основу повышения эффективности эксплуатации региональных имущественных комплексов благодаря агломерационным эффектам, сокращению издержек и наращиванию интенсивности взаимодействий, движимых формированием и накоплением социального капитала. Именно он позволяет формировать и эффективно использовать новый класс объектов региональной собственности – знания, а также увеличивать результативность использования «традиционных» ресурсов за счет снижения транзакционных издержек, связанных с риском контрагента.

Методологической основой, дающей объяснительный базис для генерации потенциальных экономических эффектов экономики распределенного пользования, выступает пространственная экономика. В логике признания пространственной экономики научным направлением, исследующим процессы и результаты деятельности субъектов пространственного развития (пространственных образований), был выявлен ряд основополагающих закономерностей, которые коррелируют с идентифицированными в данном диссертационном исследовании трендами преобразований экономического пространства: формирование одноранговых и разнородных сетей взаимодействия экономических субъектов (акторов), присутствие внутренних источников экономического роста и саморазвития, в том числе основанных на знаниях, интенсификация пространственных эффектов перетока знаний и технологий по мере уплотнения экономической активности, зависимость регионов от перетока знаний и иных ресурсов из других регионов. Эффект пространственного перелива определяется как ситуация или совокупность условий, при которых динамика экономического роста одного региона стимулирует рост в других регионах, не обязательно географически сопряженных, через сетевые взаимодействия между акторами. Пространственный эффект может быть отрицательным: экономический рост более развитого региона не подпитывает сателлиты, создавая каскады валовой добавленной стоимости, а, напротив, оттягивает на себя создаваемую в других регионах стоимость. Подобная ситуация была обозначена как эффект гравитационного колодца, что в свою очередь явилось одним из эффектов, обосновывающих целесообразность внедрения показателя нетто-результата экономической деятельности как измерителя эффективности управления региональным имущественным комплексом. Лежащая в основе пространственных эффектов передача части потенциала развития от ресурсоизбыточного субъекта менее развитым формирует базис функционирования экономики распределенного пользования – принцип эксплуатации избыточной производственной мощности недозагруженного материального актива. Когда плотные и тесно связанные предпринимательские сети достигают требуемой интенсивности взаимодействия,

они становятся важными структурами для создания и сохранения необходимого разнообразия знаний – нового класса объектов собственности, не охваченного «традиционным» подходом к управлению региональной собственностью. Это позволило констатировать, что методология пространственной экономики является надлежащей при определении исследовательских позиций в отношении процессов формирования предпринимательских сетей и возникающих на этой основе экономических феноменов.

В вышеобозначенной логике процесс трансформации отношений собственности может быть охарактеризован как процесс переопределения ролей и статусов различных акторов за счет наращивания имущественного потенциала, равно как и за счет диверсификации существующего имущественного базиса в пользу повышения его производительности, эффективности или иной отдачи, которую конкретный субъект рассматривает в качестве ключевого параметра. В ходе исследования было выявлено несколько измерений трансформации отношений собственности, одним из которых является морфологическая (или видовая) трансформация, в рамках которой возникают интегративные конструкции форм реализации рассматриваемых отношений. В числе морфологических трансформаций отношений собственности выделены агглютинативные, фузионные и диффузионные трансформации, а также функциональные, качественные, объемные и системные трансформации отношений собственности. Следствием экономической трансформации является перманентное преобразование экономического пространства, движимое рядом трендов, в основе которых лежат преобразования институтов, адаптация новых технологий, социальная инженерия, информатизация и другие общецивилизационные процессы.

Таким образом, современное научное представление о сущности трансформации отношений собственности в регионе позволило охарактеризовать данный феномен как многомерный процесс преобразования субъектно-объектных отношений между элементами региональной воспроизводственной системы по поводу наиболее результативного использования объектов регионального

имущественного комплекса. Такой организационно-экономический механизм управления региональной собственностью как распределенное пользование в новом методологическом ключе предстает в качестве экономического феномена, идущего дальше по сравнению с простым способом передачи объекта или актива пользователю для временной работы. Современные коннотации экономики распределенного пользования предполагают передачу функций и бизнес-процессов, опосредованную технологическими платформами многопользовательского взаимодействия. Для органов власти, ответственных за реализацию региональной и экономической политики, «якорение» платформ распределенного доступа на территории соответствующего региона может стать эффективным ответом на вызовы, которые данный феномен, являясь разрушительной технологией, ставит перед рядом традиционных отраслей экономической специализации регионов. Принятая в данном исследовании широкая трактовка региональной собственности позволила установить еще одну группу субъектов, получающих выгоду от распределенного пользования: индивиды могут использовать собственный имущественный базис для формирования дополнительного экономического эффекта.

Эмпирическое исследование показало, что за два с половиной десятилетия перераспределение инвестиционной активности между частным и публичным секторами экономики обеспечило не только номинальную трансформацию отношений собственности, заключающуюся в институциональных преобразованиях, но и фундаментальное перестроение воспроизводственного базиса экономики регионов. Оценка эффективности регионального имущественного комплекса, выполненная в рамках традиционного подхода, была соотнесена с результатами анализа целевых ориентиров управления пространственным развитием. Результаты можно резюмировать следующими утверждениями:

– на уровне среднего по всем регионам значения динамика стоимости основных фондов практически синхронно увеличивается с валовым региональным

продуктом, однако в разрезе регионов имеются примеры интенсивного и экстенсивного роста ВРП;

– продолжается сокращении доли смешанной российской собственности в совокупном объеме инвестиций в основной капитал, что свидетельствует о продолжающемся процессе размежевания форм собственности, в том числе в пользу новых форм выстраивания отношений между различными субъектами, основанных на сетевых взаимодействиях;

– трансформация отношений собственности сказалась значительно на пропорциях частного и публичного секторов: роль частного сектора в инвестициях в основной капитал выросла в 55 регионах, тогда как снизилась лишь в одном. Публичный сектор потерял свои позиции в 41 субъекте федерации, тогда как сохранил – в 37 регионах.

Исследование проблематики управления региональной собственностью в логике действующей системы стратегического планирования и программно-целевого управления в своей основе имеет давно устоявшийся принцип специализации территорий. В целом можно признать, что управление, построенное исключительно на территориальной специализации, во многом несет в себе отголосок ранее существовавшей системы территориального планирования. Проведенный анализ целевых ориентиров управления региональной собственностью в современной системе пространственного развития Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что формальная идентификация приоритетных видов деятельности для соответствующих регионов не является надлежащей практикой целеполагания, поскольку не содержит очевидной постановки цели управления региональным имущественным комплексом, инструментом которого является инвестиционная деятельность. Для реализации имеющегося в науке потенциала была адаптирована методика оценки конкурентной специализации региона, содержащая оценку общих коэффициентов отраслевой специализации с учетом масштаба экономики региона, оценку индекса конкурентной специализации региона и оценку конкурентного потенциала отраслей, с использованием которой были выделены перспективные направления,

на базе которых регион имеет возможность выстраивать свою стратегическую конкурентоспособность. Таким образом был сформулирован теоретический критерий выделения вида экономической деятельности в качестве приоритета для формирования сетевых форм пространственных взаимодействий и разработан соответствующий методический инструментарий. Он развивает имеющиеся достижения региональной мысли и содержит потенциал выявления базиса для развития предпринимательских сетей.

Пространственный анализ имущественного комплекса во многом связан с пониманием пространственной структуры, а соответствующий исследовательский аппарат ориентирован на оценку пространственных данных и потоков. Такая методологическая трансформация открывает более широкие перспективы перехода к альтернативным измерителям эффективности регионального управления, основывающимся на принципах стоимости и на учете создаваемого денежного потока. Для альтернативной оценки эффективности предложена модель расчета нетто-результата экономической деятельности как способа расчета агрегированной факторной стоимости имущественного комплекса российских регионов. Показатель представляет собой сумму денежных средств, сгенерированную экономическим субъектом за определенный период, доступную для изъятия всеми поставщиками капитала (кредиторами и акционерами) без ущерба для его операционной и инвестиционной деятельности. Его положительная величина свидетельствует о приращении экономического эффекта, а отрицательная – о сокращении. При этом отрицательная величина показателя в отдельно взятом периоде не обязательно свидетельствует о наличии неэффективного имущественного комплекса, поскольку инвестиции в основной капитал, размывающие стоимость, могут иметь отложенный экономический эффект.

Медианное значение нетто-результата экономической деятельности в 2009-2017 гг., за исключением 2016 года, отрицательное, что указывает на преобладание среди численного состава регионов модели эксплуатации регионального имущественного комплекса, размывающей стоимость. Распределение нетто-результата экономической деятельности между регионами крайне неравномерное

и подчеркивает высокую степень асимметрии между ними, а также эмпирически доказывает наличие противоречий в используемых показателях, положенных в основу оценки эффективности функционирования региональных имущественных комплексов: положительные темпы прироста ВРП не являются однозначным индикатором прироста эффективности управления региональным имущественным комплексом. Более детальное исследование показателя нетто-результата экономической деятельности регионов позволило проследить постепенное распространение региональной экономической активности за пределы административно-территориальных границ субъектов Российской Федерации. Его слагаемые – операционная прибыль и чистые инвестиций – могут генерировать отрицательный результат в том, например, случае, когда экономические субъекты, ведущие деятельность в одном регионе, осуществляют капитальные вложения в другой регион без последующего возвращения результатов этих инвестиций в регион базирования. Это отчасти объясняет хронически отрицательный нетто-результат в значительном количестве субъектов Российской Федерации, для которых это означает отток капитала в сторону одного из центров притяжения (например, в столичный регион), что фактически свидетельствует о включенности целого ряда экономически активных субъектов в интенсивно взаимодействующие предпринимательские сети.

Широко применяемыми, а потому ключевыми организационно-экономическими механизмами управления региональной собственностью являются приватизация, государственное предпринимательство и контрактация. Эти механизмы являются равнопорядковыми и сосуществующими в региональном экономическом пространстве, хотя имеют различную по продолжительности историю применения. Каждый более современный механизм есть результат эволюции имеющихся в более сложные эклектические способы организации взаимодействия.

Результатом действия организационно-экономического механизма «приватизация» является формирование обособленных групп собственников – частных и государственных – каждая из которых осуществляет эксплуатацию

принадлежащего ей имущественного комплекса. Анализ применения механизма приватизации в регионах дал представление о вкладе частного и государственного секторов в социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации: влияние инвестиций частного сектора на среднедушевой ВРП положительное и более существенное по сравнению с капиталовложениями государственного сектора, однако есть группа регионов, где влияние государственного сектора является преобладающим. Совместные инвестиции частного и государственного секторов оказывают наименее выраженное воздействие на динамику ВРП. Применение другого организационно-экономического механизма, основанного на объединении ресурсов и капитала частного и государственного секторов, – ГЧП – в большинстве регионов, согласно результатам проведенного исследования, не оказывает значительного эффекта на показатели социально-экономического развития или воздействует на них негативно. На этом основании сделан вывод о том, что трансформации регионального имущественного комплекса, приведшие к возникновению интеграционных объединений частного и государственного секторов, не способствуют повышению экономической эффективности функционирования воспроизводственной системы регионов. Данное обстоятельство доказывает, что ГЧП как организационно-экономический механизм управления региональной собственностью движется к пику своей эффективности, потому отношения собственности в регионах трансформируются, что способствует развитию механизма распределенного пользования, который дает возможность извлечения новых экономических эффектов от интеграции различных субъектов. При этом остальные организационно-экономические механизмы не исключаются из практики и в дальнейшем будут развиваться и функционировать.

Для извлечения экономического эффекта распространения организационно-экономического механизма управления региональной собственностью, основанного на распределенном пользовании активами, требуется устранение разрыва между логикой территориального стратегического планирования и пространственного развития. Для этого, основываясь на полученных в эмпирической части исследования предложениях, была предложена адаптивная

система управления региональной собственностью и сформулированы условия ее функционирования. Основу адаптивности системы обеспечивает расширение состава объектов собственности, попадающих в контур управления, а также децентрализация управления для обеспечения возможности выявления и капитализации экономических эффектов, возникающих внутри сетей распределенного пользования. Основным трендом целеполагания и программно-целевого управления в адаптивной системе управления региональной собственностью должна стать адаптация актуальных форм и механизмов взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества между собой по поводу наиболее эффективного использования объектов регионального имущественного комплекса.

Развертывание адаптивной системы управления региональной собственностью потребует изменения подходов к стратегическому планированию и программно-целевому управлению на уровне субъектов Российской Федерации для совершенствования процесса разработки и реализации государственных программ. Интегрированный в систему управления организационно-экономический механизм распределенного пользования активами обеспечит рост адаптивности и гибкости хозяйствующих субъектов, действующих на территории региона, и позволит обеспечить получение экономического эффекта, для оценки которого был разработан и апробирован надлежащий методический инструментарий.

Оценка экономического эффекта основывается на имитационном моделировании изменения нетто-результата экономической деятельности хозяйствующих субъектов из различных регионов при увеличении объемов выпуска в результате реализации региональными органами власти мер по стимулированию внутреннего спроса. Результат апробации модели оценки экономического эффекта свидетельствует, что применение распределенного пользования как механизма управления региональной собственностью обеспечивает прирост нетто-результата экономической деятельности в среднем на 4,4 %, тогда как расширение инвестиций в основной капитал при заданных

параметрах размывает нетто-результата экономической деятельности в среднем на 0,9 %. Также регионы смогут извлечь дополнительный экономический эффект, происходящий из прироста доходов и экономии на издержках собственников передаваемых в распределенное пользование производственных мощностей.

Внедрение предложенной адаптивной системы управления региональной собственностью открывает перед органами государственной власти субъектов Российской Федерации новые возможности реализации политики управления собственностью: региональные органы власти могут консолидировать ресурсы для формирования пулов основных производственных фондов или стимулировать инвестиции в гибкие и адаптивные производственные линии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин, Л. И. Собственность, хозяйственный механизм, производительные силы / Л. И. Абалкин // Экономическая наука современной России. – 2000. – № S1. – С. 52-53.
2. Абдрахманов, А. И. Государственно-частное партнерство в России и государствах Западной Европы: политологический анализ: автореферат дис. ... канд. полит. наук / Абдрахманов Альберт Илдусович. – Москва, 2013. – 30 с.
3. Абрамов, А. Е. Государственная собственность и характеристики эффективности / А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова, Р. М. Энтов // Вопросы экономики. – 2017. – № 4. – С. 5-37.
4. Абрамов, Р. А. Долгосрочное финансирование проектов государственно-частного партнерства: опыт, проблемы и пути решения / Р. А. Абрамов, В. М. Заернюк, Ю. В. Забайкин // Kant. – 2019. – № 2 (31). – С. 293-297.
5. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня = Comparative Politics Today: мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд, Д. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. [сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; науч. ред. перевода М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль]. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
6. Амирова, О. А. Ресурсное обеспечение инвестиционно-инновационного процесса на региональном уровне / О. А. Амирова, К. В. Екимова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. – 2013. – Т. 7. – № 2. – С. 68-73.
7. Анимица, Е. Г. Региональная собственность: понятие, структура, особенности / Е. Г. Анимица, А. Г. Лысенко, Н. М. Сурнина // Антикризисное управление муниципальной собственностью: Материалы Российской научно-практической конференции. – Екатеринбург : УрГЭУ, 1999. – 288 с.

8. Анимица, Е. Г. Региональный имущественный комплекс: методология и практика / Е. Г. Анимица, Н. М. Сурнина, А. Г. Лысенко. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2000. – 271 с.
9. Анохин, М. Г. Политические аспекты проблемы: "приватизация - национализация" / М. Г. Анохин, Д. О. Матвенков, З. Х. Нигматуллин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2006. – № 1 (1). – С. 13-22.
10. Архипова, Л. С. Пространственная дифференциация регионов РФ и их конкурентоспособность / Л. С. Архипова, Г. Ю. Гагарина // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. – 2015. – Т. 25. – № 2-4. – С. 22-27.
11. Асалиев, А. М. Человеческий капитал в контексте стратегии социально-экономического развития / А. М. Асалиев // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2017. – № 6 (96). – С. 96-105.
12. Ашихина, Т. Ю. СФО: особенности региональной экономической Политики в условиях глобализации / Т. Ю. Ашихина // Российское предпринимательство. – 2010. – № 10. – С. 164-168.
13. Баланс активов и пассивов и счета накопления в части основного капитала [Электронный ресурс]. – М. : Росстат, 2020. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRKdz9r1/bap_osn.htm (дата обращения: 02.12.2020).
14. Барыгин, И. Н. Региональная политика в концепциях и политической практике современных европейских крайне правых / И. Н. Барыгин // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 5 (20). – С. 151-158.
15. Белицкая, А. В. Государство как участник и регулятор инвестиционных отношений в рамках государственно-частного партнерства / А. В. Белицкая // Бизнес, менеджмент и право. – 2017. – № 1-2 (37-38). – С. 42-46.
16. Бойко, А. Н. Государственное регулирование регионального развития: приоритеты и механизмы: монография / А. Н. Бойко, И. В. Биткина, А. Г. Гладышев, Н. Л. Красюкова, П. А. Федин, Л. С. Архипова, Н. А. Барменкова. – М. : «Научный консультант», 2017. – 300 с.

17. Бойко, А. Н. Государственное управление в контексте устойчивого развития / А. Н. Бойко, С. Е. Прокофьев, В. Р. Маркарян // Управление устойчивым развитием. [под ред. А. В. Трачука]. – СПб. : ООО «Издательский дом „Реальная экономика”», 2015. – С. 35-47.

18. Большая приватизация: 25 лет спустя. Пресс-выпуск №3480 [Электронный ресурс]. – М. : ВЦИОМ, 2017. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116426> (дата обращения: 02.12.2020).

19. Бочко, В. С. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории / В. С. Бочко, Е. А. Захарчук // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 688-704.

20. Валентей, С. Д. Готовность региональных экономик к модернизации / С. Д. Валентей, А. Р. Бахтизин, А. В. Кольчугина // Федерализм. – 2018. – № 3 (91). – С. 143-156.

21. Валовой региональный продукт в текущих ценах (2009-2018) [Электронный ресурс]. – М. : Росстат. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/VRP98-18.xlsx> (дата обращения 02.12.2020).

22. Вардомский, Л. Б. Об усилении азиатского фактора трансформации экономического пространства России / Л. Б. Вардомский // Мир перемен. – 2015. – № 2. – С. 114-128.

23. Варнавский, В. Г. Частно-государственное партнерство в промышленности России / В. Г. Варнавский // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 5. – С. 41-54.

24. Варнавский, В. Г. Основы государственно-частного партнерства. Теория, методология, практика / В. Г. Варнавский, Е. М. Бухвальд, А. Г. Зельднер, В. Н. Мочальников, В. С. Осипов, С. Н. Сильвестров, И. И. Смотрицкая, С. И. Черных. – М. : Анкил, 2015. – 252 с.

25. Вебер, А. Избранное: Кризис европейской культуры / А. Вебер. – СПб. : Университетская книга, 1998. – 565 с.

26. Вега, А. Ю. Обеспечение экологических и социальных стандартов жизни населения на основе государственно-частного партнерства / А. Ю. Вега, И. М. Потравный // Вестник алтайской науки. – 2012. – № 3-1. – С. 79-82.

27. Ветрова, Е. Н. О целях промышленного развития экономического пространства региона и целях региональной пространственной промышленной политики / Е. Н. Ветрова, Л. В. Лапочкина, В. Е. Рохчин // Комплексные научные исследования и сотрудничество в Арктике: взаимодействие вузов с академическими и отраслевыми научными организациями. – Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – М., 2015. – С. 60-64.

28. Вилисов, М. В. Как (не) работают институциональные реформы в России / М. В. Вилисов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2016. – Т. 9. – № 3. – С. 75-89.

29. Гагарина, Г. Ю. Сетевые структуры и их роль в формировании и развитии пространственной интеграции экономики регионов / Г. Ю. Гагарина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – № 5 (44). – С. 17-19.

30. Гагарина, Г. Ю. Роль анализа устойчивого развития регионов России в стратегическом планировании / Г. Ю. Гагарина, Л. Н. Чайникова, Л. С. Архипова // Федерализм. – 2019. – № 4 (96). – С. 5-21.

31. Гайдар, Е. Т. Смуты и институты / Е. Т. Гайдар // Общественные науки и современность. – 2010. – № 6. – С. 6-16.

32. Геттнер, А. География, ее история, сущность и методы / А. Геттнер. – Л.; М., 1930. – 416 с.

33. Гимади, И. Э. Трансформация отраслевой структуры территориально-хозяйственного комплекса УрФО / И. Э. Гимади, Л. М. Аверина, Н. А. Матушкина // Технологическое развитие экономики Урала: региональные и отраслевые проблемы. – Москва, Екатеринбург : Издательство "Экономика", 2006. – С. 252-257.

34. Глазьев, С. Ю. О стратегии развития экономики России. Научный доклад / С. Ю. Глазьев, В. В. Ивантер, В. Л. Макаров, А. Д. Некипелов,

А. И. Татаркин, Р. С. Гринберг, В. А. Цветков и др. [под ред. С. Ю. Глазьева]. – М. : ООИ РАН, 2011. – 48 с.

35. Головихин, С. А. Проблема диагностики региональной конкурентоспособности / С. А. Головихин // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-5. – С. 982-985.

36. Гранберг, А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России / А. Г. Гранберг // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 166-178.

37. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

38. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер [пер. с англ. З. В. Котельникова] // Экономическая социология. – Т.10. – №4. – С. 31-51.

39. Гребенников, В. Г. Формы собственности, альтернативные частной / В. Г. Гребенников // Теория и практика институциональных преобразований в России. – Сборник научных трудов. – М. : Центральный экономико-математический институт РАН, 2014. – С. 28-64.

40. Гретченко, А. И. Закономерности эволюции цифровой экономики и перспективы ее развития в России / А. И. Гретченко // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2018. – № 2 (30). – С. 28-36.

41. Гришаева, О. Ю. Современные тенденции социально-экономического развития регионов / О. Ю. Гришаева, Ю. В. Долженкова, А. А. Угрюмова и др. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2017. – 209 с.

42. Гурьева, М. А. Методический инструментарий оценки экологизации территории: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Гурьева Мария Андреевна. – Екатеринбург, 2013. – 162 с.

43. Гусаков, М. А. Ключевые институты организации научно-инновационного процесса постиндустриальной экономики в России и регионах / М. А. Гусаков // Экономика и управление. – 2016. – № 8 (130). – С. 33-39.

44. Гутман, Г. В. Регион в формировании социального государства / Г. В. Гутман, О. П. Звягинцева, А. А. Мироедов. – М. : Финансы и статистика, 2005. – 157 с.
45. Добродей, В. В. Механизм согласования параметров прогноза социально-экономического развития и топливно-энергетического баланса региона / В. В. Добродей // Экономика региона. – 2015. – № 2 (42). – С. 220-235.
46. Дорогов, Н. И. Управление хозяйством в условиях многообразия форм собственности: региональный аспект / Н. И. Дорогов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1997. – 200 с.
47. Дробышевский, С. М. Долговременная стагнация в современном мире / С. М. Дробышевский, П. В. Трунин, А. В. Божечкова // Вопросы экономики. – 2018. – № 11. – С. 125-141.
48. Екимова, К. В. Сущность кластерных предпринимательских сетей и их роль в экономике региона / К. В. Екимова, Е. В. Федина // Экономическое возрождение России. – 2010. – № 2. – С. 67-74.
49. Емельянов, Ю. С. Государственно-частное партнерство как антикризисный инструмент развития инфраструктуры / Ю. С. Емельянов // Транспортное дело России. – 2011. – № 5. – С. 11-16.
50. Жданов, С. А. Синергия региональной кластеризации / С. А. Жданов, О. Н. Гримашевич, Л. Ф. Попова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 4 (73). – С. 80-85.
51. Замятин, Д. Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии / Д. Н. Замятин. – Смоленск : Ойкумена, 1999. – 256 с.
52. Заякина, Р. А. Сетевой подход: между топологиями пространства и формы / Р. А. Заякина, М. В. Ромм // Russian sociological review. – 2017. – Том. 16. – № 2. – С. 163-179.
53. Зинчук, Г. М. Индикативное планирование в развитии аграрных территорий / Г. М. Зинчук, А. С. Макекадырова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 5 (101). – С. 192-198.

54. Зудин, А. Ю. Государство и бизнес в России (опыт применения концепции Норта-Уоллиса-Вайнгаста). Статья 2. Тенденции развития отношений между государством и бизнесом / А. Ю. Зудин. // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 3. – С. 5-17.

55. Ивантер, В. В. Концептуально-методологические основы программно-целевого управления развитием российской Арктики / В. В. Ивантер, В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев // *Стратегические приоритеты развития российской Арктики. Сборник научных трудов*. – СПб.: Санкт-петербургский государственный политехнический университет, 2014. – С. 13-25.

56. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард [пер. с англ. В. М. Гохмана, Ю. Г. Липеца, С. Н. Тагера]. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.

57. Изгалина, Л. А. Глобальный кризис и механизмы государственно-частного партнёрства / Л. А. Изгалина // *Власть*. – 2009. – № 10. – С. 83-85.

58. Инвестиции в основной капитал по полному кругу хозяйствующих субъектов [Электронный ресурс]. – М.: ЕМИСС, 2020. – Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/59047> (дата обращения: 02.12.2020).

59. Иоффе, Г. В. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов / Г. В. Иоффе, Т. Г. Нефедова // *Проблемы прогнозирования*. – 2001. – № 6. – С. 100-110.

60. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // *Антология экономической классики: в 2 т.* / [сост. И.А. Столяров] – М.: Эконов, 1992. – Т. 2. – С. 137-432.

61. Кинякин, А. А. Проблемы взаимоотношения власти и бизнеса в современной России / А. А. Кинякин / *Актуальные проблемы современной политической науки*. – Сборник методических материалов [ред. О. Е. Гришин и др.]. – М., 2017. – С. 60-86.

62. Клейнер, Г. Б. Промышленные экосистемы: взгляд в будущее / Г. Б. Клейнер // *Экономическое возрождение России*. – 2018. – № 2 (56). – С. 53-62.

63. Клейнер, Г. Б. Системная сбалансированность экономики России: региональный разрез / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 309-323.
64. Климанов, В. В. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем / В. В. Климанов, С. М. Казакова, А. А. Михайлова // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 46-64.
65. Колесникова, К. И. Частно-государственное партнерство: опыт зарубежных стран и перспективы для России / К. И. Колесникова // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2008. – № 3(4). – С. 112-115.
66. Колмаков, В. В. Адаптивное управление регионом в условиях сетевизации экономического пространства / В. В. Колмаков // Инновации и инвестиции. – 2020. – №3. – С. 314-320.
67. Колмаков, В. В. Взаимоотношения малого бизнеса и субъектов государственной власти при реализации механизма государственно-частного партнерства / В. В. Колмаков // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1. – С. 117-120.
68. Колмаков, В. В. Государственно-частное партнерство: сущностные аспекты [Электронный ресурс] / В. В. Колмаков // Управление экономическими системами (электронный журнал). – 2014. – № 4(64). – Режим доступа: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/2858-2014-04-15-10-44-41> (дата обращения: 02.12.2020).
69. Колмаков, В. В. Инновационные отраслевые подходы к кластеризации экономики на основе государственно-частного партнерства: монография / В. В. Колмаков, К. В. Екимова, К. В. Ордов и др. – [Под общ. ред. К. В. Ордова]. – М. : Ист Консалтинг, 2016. – 172 с.
70. Колмаков, В. В. Интернет-федерализм и его проявления в консолидации либеральных сил России / В. В. Колмаков, С. В. Поляков // Федерализм. – 2017. – № 3(87). – С. 7-18.

71. Колмаков, В. В. К вопросу о совершенствовании нормативно-правовой базы государственно-частного партнерства в Российской Федерации [Электронный ресурс] / В. В. Колмаков // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 9. – Часть 1. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/09/57673> (дата обращения: 02.12.2020).

72. Колмаков, В. В. Определение приоритетных сфер внедрения механизмов государственно-частного партнерства в регионе / В. В. Колмаков, И. С. Симарова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8 (часть 3). – С. 677-682.

73. Колмаков, В. В. Отношения собственности как основание для дифференциации территорий / В. В. Колмаков, И. С. Симарова // Глобальный научный потенциал. – 2014. – № 6 (39). – С. 91-93.

74. Колмаков, В. В. Подходы к терминологической идентификации региональной собственности / В. В. Колмаков // Перспективы науки. – 2010. – № 9(11). – С. 78-80.

75. Колмаков, В. В. Предпосылки реализации кластерного подхода к управлению социально-экономическим развитием Российской Федерации [Электронный ресурс] / В. В. Колмаков, А. Г. Полякова // Управление экономическими системами – электронный научный журнал. – 2017. – № 8(102). – Режим доступа: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/4512-2017-08-18-07-51-22> (дата обращения: 26.02.2020).

76. Колмаков, В. В. Пространственный анализ и его роль в исследовании регионального имущественного комплекса при переходе к сетевым моделям организации хозяйственных взаимодействий / В. В. Колмаков // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – № 4(21). – С. 112-115.

77. Колмаков, В. В. Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов / В. В. Колмаков, А. Г. Полякова, С. В. Карпова, А. Н. Головина // Экономика региона. – 2019. – Том 15. – №1. – С. 270-284.

78. Колмаков, В. В. Развитие представления о сущности и содержании региональной собственности и ее воздействии на пространственную асимметрию / В. В. Колмаков // Наука, техника и образование. – 2017. – № 3(33). – С. 76-80.

79. Колмаков, В. В. Развитие региона на основе механизмов государственно-частного партнерства / В. В. Колмаков, И. С. Симарова // Наука и бизнес: пути развития. – 2014. – № 6 (36). – С. 47-51.

80. Колмаков, В. В. Разработка механизма эффективного управления региональной собственностью: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Колмаков Владимир Владимирович. – Тюмень, 2005. – 180 с.

81. Колмаков, В. В. Совершенствование практики разработки документов стратегического планирования / В. В. Колмаков, Г. Ю. Гагарина, А. Г. Полякова // Векторы смены экономического курса (к 85-летию со дня рождения академика Л.И. Абалкина и 109-й годовщине РЭУ им. Г.В. Плеханова): монография по материалам международных научно-практических конференций "Абалкинские чтения" в РЭУ им. Г.В. Плеханова (2012-2015 гг.) / рук. иссл. В.И. Гришин и др. – М., Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 295-308.

82. Колмаков, В. В. Сценарный прогноз развития реального сектора и социальной сферы в условиях ГЧП / В. В. Колмаков, А. Г. Полякова // Глобальный научный потенциал. – 2016. – № 11. – С. 43-47.

83. Колмаков, В. В. Трансформация управления имущественным комплексом на основе приватизации: региональный аспект / В. В. Колмаков // Карельский научный журнал. – 2017. – № 4. – С. 197-199.

84. Колмаков, В. В. Управление собственностью в регионах как фактор обеспечения конкурентоспособности социально-экономических систем / В. В. Колмаков // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 8(90). – С. 40-45.

85. Колмаков, В. В. Экономика распределенного пользования как основа организационно-экономического механизма управления региональной собственностью / В. В. Колмаков // Теоретическая и прикладная экономика. – 2020. – №1. – С. 49-63.

86. Колмаков, В. В. Экономическая политика в сфере управления отношениями собственности в регионе / В. В. Колмаков // Проблемы устойчивого развития российских регионов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – [отв. ред. Л. Н. Руднева]. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. – С. 65-68.

87. Колмаков, В. В. Экономические и финансовые аспекты концепции публичного предпринимательства в исследовании трансформации отношений собственности / В. В. Колмаков // Проблемы экономики и менеджмента. – 2015. – № 9(49). – С. 39-46.

88. Колмаков, В. В. Экспериментальный подход к интерпретации концептов на основе принципов big data (на примере концепта "пространство") / В. В. Колмаков, А. Г. Полякова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 146-149.

89. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М. : Мысль, 1969. – 136 с.

90. Комкова, Г. Н. Власть, общество и бизнес в регионе: перспективы эффективного взаимодействия / Г. Н. Комкова, А. А. Вилков, Н. И. Шестов и др. – Саратов : Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2012. – 221 с.

91. Комлева, Н. В. Трансформация менеджмента в эпоху становления и развития SMART-общества / Н. В. Комлева, Л. А. Данченко // Вестник факультета управления СПбГЭУ. – 2017. – № 1-2. – С. 171-175.

92. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов [Электронный ресурс]. – М. : Федеральное Казначейство, 2019. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/974/> (дата обращения: 02.12.2020).

93. Кошкин, В. И. Реформирование отношений собственности – условие формирования солидарной экономики / В. И. Кошкин, К. Н. Ермолаев // Экономика и управление собственностью. – 2015. – № 3. – С. 2-9.

94. Круглов, В. В. Реформы в России: изматывающий бег на месте / В. В. Круглов, А. В. Лабудин, А. А. Самодуров // Управленческое консультирование. – 2017. – № 2 (98). – С. 32-43.

95. Куракин, В. И. Оценка возможностей реализации стратегии инновационного развития России / В. И. Куракин, С. М. Казанцева, В. В. Шеломенцев // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2017. – № 41. – С. 93-99.

96. Курманалиева, З. Г. Концепция устойчивого развития / З. Г. Курманалиева, М. А. Гурьева // Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (СНГ-2015). Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. – [Отв. ред. О. М. Барбаков, Ю. А. Зобнин]. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. – С. 293-296.

97. Курушина, Е. В. Экономическая интеграция с позиций методологии научного познания (вопросы классификации) / Е. В. Курушина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8 (часть 5). – С. 1146-1150.

98. Лексин, В. Н. Стратегия пространственного развития России: разработка и начало реализации / В. Н. Лексин // Россия: тенденции и перспективы развития. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества, 2019. – С. 84-94.

99. Леонтьев, Р. Г. Финансирование инфраструктурных объектов в рамках государственно-частного партнёрства на железнодорожном транспорте / Р. Г. Леонтьев, А. В. Барчуков // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 3. – С. 29-36.

100. Леонтьева, Л. С. Региональный кластер как механизм формирования инновационного потенциала и устойчивого развития территории / Л. С. Леонтьева, А. Б. Ильин, Д. А. Шпилев // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – №1. – С. 40-43.

101. Леш, А. Пространственная организация хозяйства / А. Леш. – М. : Наука-М, 2007. – 663 с.

102. Лоскутов, В. В чем суть "позднего капитализма"? / В. Лоскутов, Ж. Тихонова // Свободная мысль. – 2014. – № 5 (1647). – С. 113-124.

103. Мальгинов, Г. Управление государственным имуществом: новации статистического портретирования / Г. Мальгинов, А. Радыгин // Экономическое развитие России. – 2016. – Т. 23. – № 8. – С. 52-63.

104. Мельвиль, А. Ю. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности / А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 8-30.

105. Метелева, Е. Р. Сетевой подход к управлению развитием городов: базовые понятия, ключевые положения, направления использования / Е. Р. Метелева // Вопросы управления. – 2011. – №2. – С. 85-95.

106. Мизес, Л. Либерализм в классической традиции / Л. Мизес. – М. : Социум; Экономика, 2001. – 239 с.

107. Минакир, П. А. Институциональные отображения пространственного развития / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2016. – № 4-5. – С. 7-12.

108. Мироедов, А. А. Совершенствование управления региональной экономикой на базе новой концепции его информационного обеспечения: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Мироедов Александр Александрович. – Иваново, 2007. – 328 с.

109. Морковкин, Д. Е. Современные проблемы и траектории социально-экономического развития региона (на примере Самарской области) / Д. Е. Морковкин, В. А. Умнов, С. В. Шманев // Вестник ОрелГИЭТ. – 2018. – № 4 (46). – С. 99-107.

110. Мюрдаль, Г. Современные проблемы «третьего мира» / Г. Мюрдаль. – М., 1972. – 768 с.

111. Насонова, Л. И. Цели социально-экономического развития общества и механизм их согласования и реализации / Л. И. Насонова, Н. Д. Колесов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8 (42). – С. 160-162.

112. Неживенко, Е. А. Актуальные проблемы исследования конкурентоспособности российских регионов / Е. А. Неживенко // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 83-95.

113. Некипелов, А. Д. Государство и рыночные институты в современной российской экономике / А. Д. Некипелов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – № 5. – С. 10-12.

114. Нисневич, Ю. А. Правящая номенклатура сегодня: “захват государства” / Ю. А. Нисневич // Общественные науки и современность. – 2014. – № 5. – С. 88-97.

115. Новоселов, А. С. Использование управленческих механизмов для формирования эффективной институциональной среды пространственного развития экономики региона / А. С. Новоселов, Т. В. Волянская, А. В. Фалеев // Государственный советник. – 2019. – № 3 (27). – С. 66-71.

116. Олсон, М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / М. Олсон. [пер. с англ.] – М. : Новое издательство, 2012. – 212 с.

117. Орлов, А. В. Государство и цифровая экономика (the digital economy): проблемы, поддержка и перспективы / А. В. Орлов, Э. Б. Гусев // Взгляд поколения XXI века на будущее цифровой экономики. Сборник статей преподавателей IX Международной научно-практической конференции "Современная экономика: концепции и модели инновационного развития". – М., 2018. – С. 522-529.

118. Орлова, Л. Н. Механизмы обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов / Л. Н. Орлова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2018. – № 2(98). – С. 161-170.

119. Орлова С.Ю. Систему управления развитием Дальнего Востока нужно менять [Электронный ресурс] / С.Ю. Орлова / Счетная Палата РФ. – 29.01.2020. – Режим доступа: <http://ach.gov.ru/news/svetlana-orlova-sistemu-upravleniya-razvitiem-dalnego-vostoka-nuzhno-menyat> (дата обращения: 02.12.2020)

120. Отчеты о промежуточных результатах мониторинга реализации национальных проектов [Электронный ресурс]/ Счетная Палата РФ, 2020. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/audit-national/9508> (дата обращения: 02.12.2020)

121. Паппэ, Я. Ш. Изменение соотношения между частным и государственным секторами в российском крупном бизнесе в 2000-2013 гг.: субъектный подход / Я. Ш. Паппэ, Н. С. Антоненко // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 3 (144). – С. 32-45.

122. Перегудов, С. П. Бизнес и власть как основные акторы на входе и выходе из кризиса: Запад и Россия / С. П. Перегудов // Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия. Сатериалы Конференции в ИМЭМО РАН. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – С. 21-30.

123. Польшнев, А. О. Комплексная оценка уровня инфраструктурной обеспеченности регионов / А. О. Польшнев, В. Н. Разбегин, Б. М. Штульберг // Регион: Экономика и Социология. – 2012. – № 3 (75). – С. 58-72.

124. Полякова, А. Г. Vision-технология как инструмент перспективного развития региона / А. Г. Полякова // Экономический журнал. 2011. – Том 22. – № 2. – С. 12-20.

125. Полякова, А. Г. Модернизация экономики регионов нового освоения / А. Г. Полякова. – Тюмень, 2009. – 108 с.

126. Пономаренко, Е. В. Архитектурно-градостроительное наследие Южного Урала: дис. ... докт. арх.: 18.00.01 / Пономаренко Елена Владимировна. – Челябинск, 2009. – 615 с.

127. Пономаренко, Е. В. Эволюция планировочных структур городов Южного Урала: автореферат дис. ... канд. арх.: 18.00.01 / Пономаренко Елена Владимировна. – Москва, 1997. – 24 с.

128. Радыгин, А. Собственность, корпоративные конфликты и эффективность / А. Радыгин, С. Архипов // Вопросы экономики. – 2000. – № 11. – С. 114-133.

129. Райзберг, Б. А. Ресурсоемкость целей государственных социально-экономических программ как критерий эффективности программно-целевого бюджетирования / Б. А. Райзберг // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 1. – С. 8-12.

130. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 18.02.2019. – № 7 (часть II). – ст. 702.

131. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – 1162 с.

132. Руднева, Л. Н. Формирование программ повышения качества жизни населения российских регионов / Л. Н. Руднева, Н. М. Чикишева, Е. А. Мосякина // Проблемы устойчивого развития российских регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. – С. 232-235.

133. Рябов, А. Взаимоотношение экономических и политических реформ в условиях межсистемной трансформации / А. Рябов // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 5. – С. 83-85.

134. Сагинова, О. В. Управление развитием агропромышленных кластеров / О. В. Сагинова, Д. В. Завьялов, Н. Б. Завьялова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 123-136.

135. Семенов, В. Л. Организация процесса обеспечения качества регионального производства / В. Л. Семенов, В. В. Смирнов // Аудит и финансовый анализ. – 2008. – № 6. – С. 357-381.

136. Сидорчук, Р. Р. Факторы формирования взаимосвязей и взаимного влияния участников кластерных образований / Р. Р. Завьялов, Д. В. Завьялов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 9-1 (86). – С. 1219-1223.

137. Симарова, И. С. Региональная связанность как фактор формирования единого экономического пространства / И. С. Симарова // Перспективы науки. – 2013. – № 1. – С. 110-113.

138. Симонова, Л. М. Особенности международных совместных предприятий в XXI веке / Л. М. Симонова, А. М. Качур // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 220-236.

139. Слизовский, Д. Е. Политические препятствия в правовом регулировании государственно-частного партнерства (ГЧП). Часть 1 / Д. Е. Слизовский, А. А. Амиантов, Н. Н. Соколов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 4(71). – С. 93-99.

140. Слизовский, Д. Е. Политические препятствия в правовом регулировании государственно-частного партнерства (ГЧП). Часть 2. / Д. Е. Слизовский, А. А. Амиантов, Н. Н. Соколов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 5(72). С. 117-124.

141. Сморгун, Л. В. Сетевая теория политики и управления / Л. В. Сморгун // Современная политическая наука: Методология. – [Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин]. – М., 2019. – С. 233-261.

142. Стиглер, Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании / Дж. Стиглер. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 336 с.

143. Стратегия формирования условий для ускоренного развития общественной инфраструктуры на принципах ГЧП в Российской Федерации на период до 2020 года – М. : Центр развития ГЧП, 2014. – 24 с.

144. Стрелецкий, В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Известия РАН. Серия географическая. – 2003. – №2. – С. 114-120.

145. Сурнина, Н. М. Региональное развитие: смещение пространственных приоритетов и измерителей / Н. М. Сурнина, Е. А. Шишкина // Известия УрГЭУ. – 2015. – № 5 (61). – С. 69-75.

146. Суспицын, С. А. Методология измерений устойчивых трансформаций социально-экономического пространства / С. А. Суспицын // Регион: экономика и социология. – 2009. – №2. – С. 179-182.

147. Суспицын, С. А. Сценарный анализ потенциальных пространственных трансформаций экономики России: методические подходы и эмпирические оценки / С. А. Суспицын // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 4. – С. 161-171.

148. Татаркин, А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий / А. И. Татаркин // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – № 1. – С. 9-27.

149. Татаркин, А. И. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики / А. И. Татаркин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 240 с.

150. Тинберген, Я. Математические модели экономического роста / Я. Тинберген, Х. Босс. – М.: Прогресс, 1967.

151. Тироль, Ж. Экономика для общего блага / Ж. Тироль. – [пер. с фр. И. Шевелевой; научный редактор перевода М. Левин]. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 696 с.

152. Трейвиш, А. И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность / А. И. Трейвиш // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 13-35.

153. Трещевский, Ю. И. Региональное управление и территориальное планирование / Ю. И. Трещевский, И. Е. Рисин. – М. : Компания КноРус, 2018. – 232 с.

154. Туровский, Р. Баланс отношений “центр-регионы” как основа территориально-государственного строительства / Р. Туровский. // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1. – С. 43-50.

155. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. / Под ред. Д. С. Львова и А. Г. Поршнева. – М. : Изд-во «Экономика», 2002. – 702 с.

156. Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М. : Новости, 1992. – 304 с.
157. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2017. – 640 с.
158. Чернявская, О. С. Теории социального пространства / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2008. – № 2(10). – С. 169-180.
159. Шабанов, Л. В. Компаративный анализ молодежной субкультуры и ее представителей в культурно-историческом пространстве мифов и дискурсов российского общества / Л. В. Шабанов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11. – С. 44-52.
160. Швецов, А. Н. "Точки роста" или "черные дыры"? (к вопросу об эффективности применения "зональных" инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) / А. Н. Швецов // Российский экономический журнал. – 2016. – № 3. – С. 40-61.
161. Швецов, А. Н. Инструменты политики поляризованного пространственного развития / А. Н. Швецов // Федерализм. – 2018. – № 1 (89). – С. 82-103.
162. Штульберг, Б. М. Методы обоснования региональной политики / Б. М. Штульберг // Проблемы стратегии и тактики регионального развития. – 2003. – Т. 1. – С. 64-67.
163. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
164. Anselin, L. Errors in Variables and Spatial Effects in Hedonic House Price Models of Ambient Air Quality / L. Anselin, N. Lozano-Gracia // Empirical Economics. – 2008. – Vol. 34. – No. 1. – P. 5-34.
165. Apter, D. The Politics of Modernization / D. Apter. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – 481 p.

166. Audretsch, D. B. R&D Spillovers and the Geography of Innovation and Production / D. B. Audretsch, M. P. Feldman // *American Economic Review*. – 1996. – No. 86. – P. 630-640.

167. Balland, P.-A. Proximity and the Evolution of Collaboration Networks: Evidence from Research and Development Projects within the Global Navigation Satellite System (GNSS) Industry / P.-A. Balland // *Regional Studies*. – 2012. – Vol. 46. – No. 6. – P. 741-756.

168. Balta, E. C. Production as a service: A centralized framework for small batch manufacturing / E. C. Balta, Y. Lin, K. Barton, et al. // *IEEE International Conference on Automation Science and Engineering*. – 2018. – P. 382-389.

169. Bardhi, F. The Sharing Economy Isn't About Sharing at All [Электронный ресурс] / F. Bardhi, G. M. Eckhardt // *Harvard Business Review*. – 2015. – Режим доступа: <https://hbr.org/2015/01/the-sharing-economy-isnt-about-sharing-at-all> (дата обращения: 02.12.2020).

170. Barness, J. A. Class and committees in a norwegian island parish / J. A. Barness // *Human Relations*. – 1954. – No. 7. – P. 39-58.

171. Basselier, R. The rise of the sharing economy / R. Basselier, G. Langenus, L. Walravens // *NBB Economic Review*. – 2018. – No. 9. – P. 57-78.

172. Beck, P. The feasibility of measuring the sharing economy / P. Beck. – London : Office for National Statistics, 2017. – 48 p.

173. Becker, G. S. A Theory of Social Interactions / G. S. Becker // *Journal of Political Economy*. – 1974. – Vol. 82. – No. 6. – P. 1063-1093.

174. Belk, R. Sharing / R. Belk // *Journal of Consumer Research*. – 2010. – Vol. 36. – No. 5. – P. 715-734.

175. Belk, R. Why not share rather than own? / R. Belk // *Annals of American Academy of Political and Social Science*. – 2007. – No. 611. – P. 126-140.

176. Benkler, Y. The wealth of networks: How social production transforms markets and freedom / Y. Benkler. – New Haven : Yale University Press, 2006. – 515 p.

177. Benneworth, P. Where Is the Value Added in the Cluster Approach? Hermeneutic Theorizing, Economic Geography, and Clusters as a Multiperspectival

Approach / P. Benneworth, N. Henry // *Urban Studies*. – 2004. – Vol. 41. – No. 5/6. – P. 1011-1024.

178. Böcker, L. Sharing for people, planet or profit? Analysing motivations for intended sharing economy participation / L. Böcker, T. Meelen // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. – 2017. – No. 23. – P. 28-39.

179. Boschma, R. The spatial evolution of innovation networks: A proximity perspective / R. Boschma, K. Frenken // *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. – London: Edward Elgar Publishing, 2010. – 576 p.

180. Boschma, R. Proximity and innovation: A critical assessment / R. Boschma // *Regional Studies*. – 2005. – No. 39. – P. 61-74.

181. Botsman, R. What's Mine Is Yours – How Collaborative Consumption is Changing the Way we live / R. Botsman, R. Rogers. – NY: Harper Business, 2010. – 304 p.

182. Boudeville, J. R.: *Les espaces économiques* / J. R. Boudeville. – Paris: P.U.F., 1961. – 126 p.

183. Boush, G. D. Agent modelling of cluster formation processes in regional economic systems. / G. D. Boush, O. M. Kulikova, I. K. Shelkov // *Economy of Region*. – 2016. – No. 1. – P. 64-77.

184. Bresnahan, T. Old Economy Inputs for New Economy Outcomes: Cluster Formation in the New Silicon Valleys / T. Bresnahan, A. Gambardella, A. Saxenian // *Industrial and Corporate Change*. – 2001. – Vol. 10. – No. 4. – P. 835-860.

185. Brown, J. D. Where Does Privatization Work? Understanding the Heterogeneity in Estimated Firm Performance Effects [Электронный ресурс] / J. D. Brown, J. S. Earle, Á. Telegdy // *GMU School of Public Policy Research Paper No. 15-6, 2015*. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2547819> (дата обращения: 02.12.2020).

186. Capello, R. The theoretical and methodological toolbox of urban economics: from and towards where? [Электронный ресурс] / R. Capello, P. Nijkamp // *43 th ERSA Congress Peripheries, Centres and Spatial Development in the New Europe*. – Jyvaskyla :

University of Jyvaskyla, 2003. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/188445097.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).

187. Carr, R. In small-batch manufacturing location, flexibility is crucial [Электронный ресурс] / R. Carr // *Plant Engineering*. – 2018. – Режим доступа: <https://www.plantengineering.com/articles/in-small-batch-manufacturing-location-flexibility-is-crucial/> (дата обращения: 0.12.2020).

188. Chao, Y. F. Production Efficiency Promotion Model of Multi-Product and Small-Batch Machinery Manufacturing Enterprises / Y. F. Chao // *Advanced Materials Research*. – 2012. – No. 542–543. – P. 390-393.

189. Chen, T. D. Carsharing's life-cycle impacts on energy use and greenhouse gas emissions / T. D. Chen, K. M. Kockelman // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. – 2016. – Vol. 47. – No. 8. – P. 274-286.

190. Christaller, W. Central Places in Southern Germany / W. Christaller [Translated by C.W. Baskin]. – NY: Englewood Cliffs, 1967. – 230 p.

191. Collaboration in Cities: From Sharing to “Sharing Economy”. – Geneva: World Economic Forum, 2017. – 28 p.

192. Commander, S. Enterprise Restructuring and Economic Policy in Russia / S. Commander, Q. Fan, M. Schaffer. – Wash. : The World Bank, 1996. – 290 p.

193. Cortright, J. Making Sense of Clusters: Regional Competitiveness and Economic Development / J. Cortright. // *The Brookings Institution Metropolitan Policy Program Discussion Paper*, 2006. – 66 p.

194. Dahl, R. Politics, Economics, and Welfare / R. Dahl, C. Lindblom. – New York : Harper & Bros, 1953. – 526 p.

195. Delgado, M. Defining clusters of related industries / M. Delgado, M. Porter, S. Stern // *Journal of Economic Geography*. – 2015. – No. 6. – P. 1-38.

196. Ellison, G. Geographic concentration in U.S. manufacturing industries: A Dartboard approach / G. Ellison, E. Glaeser // *Journal of Political Economy*. – 1997. – Vol. 105. – P. 889-927.

197. Enders, A. The Sharing Economy: Upending Business as Usual [Электронный ресурс] / A. Enders, A. L. Orlick // *IMD*, 2016. – Режим доступа:

<https://www.imd.org/research-knowledge/articles/the-sharing-economy-upending-business-as-usual/> (дата обращения: 02.12.2020).

198. Enright, M. Regional Clusters: What we know and what we should know / M. Enright. // Innovation Clusters and Interregional competition [eds. J. Brocker, D. Dohse, R. Soltwedel]. – NY: Springer, 2003. – P. 99-129.

199. Feser, E.J. Incorporating Spatial Analysis in Applied Industry Cluster Studies [Электронный ресурс] / E. J. Feser, К. Коо, Н. С. Renski, S. H. Sweeney // Economic Development Quarterly. – 2001. – Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.122.7444&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 02.12.2020).

200. Fienberg, S. E. Statistical analysis of multiple sociometric relations / S. E. Fienberg, M. M. Meyer, S. S. Wasserman // Journal of the American Statistical Association. – 1985. – Vol. 80. No. 389. – P. 51-67.

201. Fischer, M. M. Spatial Interaction Models: from the Gravity to the Neural Network Approach / M. M. Fischer, A. Reggiani // Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics [eds. R. Capello, P. Nijcamp]. – Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2005. – P. 319-346.

202. Frenken, K. Putting the sharing economy into perspective / K. Frenken, J. Schor // Environmental Innovation and Societal Transitions. – 2017. – No. 23. – P. 3-10.

203. Glaeser, E. The Wealth of Cities: Agglomeration economies and spatial equilibrium in the United States / E. Glaeser, J. Gottlieb // Journal of Economic Literature. – 2009. – Vol. 47. – No. 4. – P. 983-1028.

204. Gordon, I. R. Industrial Clusters: Complexes, Agglomeration and/or Social Networks? / I. R. Gordon, P. McCann // Urban Studies. – 2000. – Vol. 37. – No. 3. – P. 513-532.

205. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1985. – No. 91. – P. 481-510.

206. Hägerstrand, T. The propagation of innovation waves / T. Hägerstrand // Lund studies in geography: Series B, Human geography, 4. – Lund: Royal University of Lund, Dept. of Geography, 1952.
207. Hamari, J. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption / J. Hamari, M. Sjöklint, A. Ukkonen // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2016. – Vol. 67. – No. 9. – P. 2047-2059.
208. Hamel, G. The Quest for Resilience / G. Hamel, L. Välikangas // Harvard Business Review. – 2003. – P. 52-63.
209. Hayek, F. Competition as a discovery procedure / F. Hayek // Quarterly Journal of Austrian Economics. – 2002. – Vol. 5. – No. 3. – P. 9-23.
210. Heinrichs, H. Sharing economy: A potential new pathway to sustainability / H. Heinrichs // GAIA. – 2013. – Vol. 22. – No. 4. – P. 228-231.
211. Hellman, J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions / J. Hellman // World Politics. – 1998. – Vol. 50. – No 2. – P. 203-234.
212. Hill, E. A methodology for identifying the drivers of industrial clusters: the foundation of regional competitive advantage / E. Hill, J. F. Brennan // Economic Development Quarterly. – 2000. – Vol. 14. – P. 65-96.
213. Irmen, A. Property rights, optimal public enforcement, and growth / A. Irmen, J. Kuehnel // CREA Discussion Paper Series. – 2011. – No. 3668. – P. 11-18.
214. Isard, W. Introduction to Regional Science / W. Isard. – Englewood Cliffs, N.J: Prentice-Hall, 1975. – 506 p.
215. Jaffe, A. B. Geographic localization of knowledge spillovers as evidenced by patent citations / A. B. Jaffe, M. Trajtenberg, R. Henderson // Quarterly Journal of Economics. – 1993. – Vol. 108. – P. 577-598.
216. Jeronimo, V. Privatization and European Economic and Monetary Union / V. Jeronimo, J. A. Pagan, G. Soydemir // Eastern Economic Journal. – 2000. – Vol. 26. – No. 3. – P. 321-333.
217. Katsoulakos, Y. Fiscal and Other Macroeconomic Effects of Privatization [Электронный ресурс] / Y. Katsoulakos, E. Likoyanni // Fondazione Eni Enrico Mattei.

– 2002. – Working paper 113.2002. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=363900 (дата обращения: 02.12.2020).

218. Kolmakov, V. V. An analysis of the impact of venture capital investment on economic growth and innovation: evidence from the USA and Russia / V. V. Kolmakov, A. G. Polyakova, V. S. Shalaev // *Economic Annals*. – 2015. – Vol. LX. – No. 207. – P. 7-37.

219. Kolmakov, V. V. Distributed Use Models to Expand Small Batch Manufacturing Flexibility / V. V. Kolmakov, I. V. Sharova // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. – 2019. – Vol. 9. – No. 2. – P. 4037-4043.

220. Kolmakov, V. V. Regional competitiveness response to innovation changes: issues of evaluation / V. V. Kolmakov, A. G. Polyakova, O. V. Yamova // *Journal of Urban and Regional Analysis*. – 2019. – Vol. XI. – No. 2. – P. 159 -172.

221. Kolmakov, V. V. Regional free cash flow dataset: the new approach to regional performance evaluation [Электронный ресурс] / V. V. Kolmakov, A. G. Polyakova // *Data in Brief*. – 2019. – Vol. 25. – Item 104175. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104175> (дата обращения: 02.12.2020).

222. Krugman, P. Increasing returns and economic geography / P. Krugman // *Journal of Political Economy*. – 1991. – Vol. 99. – No. 3. – P. 483-499.

223. Krugman, P. Space: the last frontier / P. Krugman // *Spatial economy*. – 2005. – №3. – P. 121-126.

224. Leybourn, E. Directing The Agile Organisation: A lean approach to business management. / E. Leybourn. – L. : IT Governance Publishing, 2013. – 275 p.

225. Lindblom, C. Policy-making Process / C. Lindblom, E. Woodhouse. – NY : Prentice Hall, 1992. – 176 p.

226. Martin, C. J. The sharing economy: A pathway to sustainability or a nightmarish form of neoliberal capitalism? / C. J. Martin // *Ecological Economics*. – 2016. – No. 121. – P. 149-159.

227. Möhlmann, M. Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again / M. Möhlmann // *Journal of Consumer Behaviour*. – 2015. – Vol. 14. – No. 3. – P. 193-207.
228. Nellis, J. Time to rethink privatization in transition economies? / J. Nellis / *A decade of transition. Achievements and challenges*. – Washington D.C.: IMF, 2001. – 29 p.
229. Nooteboom, B. Learning by interaction: Absorptive capacity, cognitive distance and governance / D. Nooteboom // *Journal of Management and Governance*. – 2000. – No. 4. – P. 69-92.
230. Paelinck, J. H. P. *Operational Theory and Method in Regional Economics* / J.H.P. Paelinck, P. Nijkamp. – Farnborough : Saxon House, 1975. – 473 p.
231. Pardo, R. Is the pro-network bias justified? Outsourcers, small batch production, and advanced manufacturing technology / R. Pardo, R. Rama // *SAGE Open*. – 2013. – Vol. 3. – No. 3. – P. 1-16.
232. Piketty, T. About capital in the twenty first century / T. Piketty // *American Economic Review*. – 2015. – Vol. 105. – No. 5. – P. 48-53.
233. Porter, M. *Competitive Advantage. Creating and sustaining superior performance* / M. Porter. – New York: Free Press, 1998. – 558 p.
234. Porter, M. E. Clusters and the new economics competition / M. E. Porter // *Harvard Business Review*. – 1998. – Vol. 76. – No. 6. – P. 77-90.
235. Porter, M. E. The Economic Performance of Regions / M. E. Porter // *Regional Studies*. – 2003. – Vol. 37. – No. 6&7. – P. 549-578.
236. Puschmann, T. Sharing economy / T. Puschmann, R. Alt // *Business & Information Systems Engineering*. – 2016. – Vol. 58. – No. 1. – P. 93-99.
237. Richardson, L. Performing the sharing economy / L. Richardson // *Geoforum*. – 2015. – No. 67. – P. 121-129.
238. Rosenfeld, S. Industry Clusters: Business Choice, Policy Outcome, or Branding Strategy? / S. Rosenfeld // *Journal of New Business Ideas and Trends*. – 2005. – Vol. 3. – No. 2. – P. 4-13.

239. Saxenian, A. Regional advantage: Culture and competition in Silicon Valley and Route 128 / A. Saxenian. – Cambridge and London: Harvard University Press, 1994. – 240 p.
240. Schilling, M. A. Interfirm collaboration networks: The impact of large-scale network structure on firm innovation / M. A. Schilling, C. C. Phelps // *Management Science*. – 2007. – Vol. 53. – No. 7. – P. 1113-1126.
241. Schmitter, P. Governance arrangements for sustainability: a regional perspective / P. Schmitter // *Corporate Governance*. – 2010. – Vol. 10. – No. 1. – P. 85-96.
242. Schor, J. B. Does the sharing economy increase inequality within the eighty percent?: Findings from a qualitative study of platform providers / J. B. Schor // *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*. – 2017. – Vol. 10. – No. 2. – P. 263-279.
243. Shapiro, C. Economic Rationales for the Scope of Privatization. The Political Economy of Public Sector Reform and Privatization / C. Shapiro, R. Willig. – L. : Westview Press, 1990. – P. 55-87.
244. Shleifer, A. Politicians and Firms / A. Shleifer, R. Vishny // *Quarterly Journal of Economics*. – 1994. – Vol. CIX. – P. 995-1025.
245. Stiglitz, J. E. Redefining the Role of the State / J. E. Stiglitz // *World Economics*. – Vol. 2. – No. 3. – P. 45-86.
246. STOXX index methodology guide (portfolio-based indices). – NY : STOXX, 2019. – 228 p.
247. Tajani, F. A model to support decision for the valorization of public properties in disuse or underutilized / F. Tajani, A. Oppio, P. Morano // *Recent advances in urban planning, sustainable development and green energy*. – [Eds. N. E. Mastorakis, F. Batzias, C. Guarnaccia]. – Florence, 2014. – P. 28-34.
248. The rise of the sharing economy. Impact on the transportation space. – London: Deloitte, 2016. – 12 p.
249. The Sharing Economy - Consumer Intelligence Series. – NY : PricewaterhouseCoopers, 2015. – 30 p.

250. Uzzi, B. Collaboration and creativity: The small world problem / B. Uzzi, J. Spiro // *American Journal of Sociology*. – 2005. – No. 111. – P. 447-504.

251. Vickers, J. Privatization: An Economic Analysis / J. Vickers, G. Yarrow. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1988. – 454 p.

252. Wallerstein, I. World-System Analysis / I. Wallerstein // *Social Theory Today*. – [Ed. by A. Giddens and J. H. Turner]. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – P. 322-323.

253. Walman, H. Clusters and Cluster-Based Development: A Literature Review and Policy Discussion [Электронный ресурс] / H. Walman, D. Hincapie // George Washington Institute of Public Policy (GWIPP). – 2010. – Working Paper 2010. – 45 p.

– Режим доступа:
[http://www.clustermapping.us/sites/default/files/files/resource/Clusters and Cluster-Based Development- A Literature Review and Policy Discussion.pdf](http://www.clustermapping.us/sites/default/files/files/resource/Clusters_and_Cluster-Based_Development-_A_Literature_Review_and_Policy_Discussion.pdf) (дата обращения: 02.12.2020)

254. Wills, P. Managing government property assets: international experiences / P. Wills. // *Public Management Review*. – 2009. – Vol. 11. – No. 5. – P. 725-728.

255. Zervas, G. The rise of the sharing economy: Estimating the impact of Airbnb on the hotel industry / G. Zervas, D. Proserpio, J. W. Byers // *Journal of Marketing Research*. – 2017. – Vol. 54. – No. 5. – P. 687-705.

ПРИЛОЖЕНИЕ А
(ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ)

ЗНАЧЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТОВ ЛОКАЛИЗАЦИИ В РАЗРЕЗЕ
ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ НА НАЧАЛО 2018 ГОДА

Таблица А.1

Регион	Условный номер отрасли*															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Белгородская обл.	3,4	0,0	0,8	1,3	0,9	1,1	0,9	0,9	0,6	0,0	0,6	0,7	1,0	0,8	0,6	0,9
Брянская обл.	2,3	0,0	0,0	1,0	1,0	0,7	1,0	1,6	1,3	0,0	0,6	1,7	1,4	1,3	0,6	1,0
Владимирская обл.	1,5	0,0	0,0	1,8	1,0	0,9	0,7	1,1	0,9	3,4	0,7	1,3	1,2	1,2	1	1,1
Воронежская обл.	2,4	0,0	0,0	0,9	1,3	1,0	1,1	0,8	1,0	0,9	0,8	1,3	1,3	1,1	0,7	1,0
Ивановская обл.	1,2	0,0	0,0	1,1	1,4	1,3	0,9	1,2	0,9	0,0	0,5	2,1	1,8	1,8	1,5	1,1
Калужская обл.	1,8	0,0	0,1	1,8	0,9	1,4	0,8	0,8	0,6	0,0	0,7	1,3	1,2	1,1	0,7	0,9
Костромская обл.	2,4	0,0	0,0	1,2	2,2	0,7	0,7	1,0	1,0	0,0	0,5	1,9	1,4	1,4	0,9	1,0
Курская обл.	2,7	0,0	0,6	1,0	3,6	0,7	0,7	0,5	0,7	0,0	0,5	1,3	1,2	0,9	0,6	1,0
Липецкая обл.	1,8	0,0	0,1	2,6	0,7	1,6	0,5	0,5	0,6	0,2	0,4	0,9	0,8	0,8	0,7	0,8
Московская обл.	0,6	0,0	0,0	1,3	1,2	1,0	1,1	1,5	1,0	1,3	1,3	1,1	1,0	1,2	0,9	1,0
Орловская обл.	2,7	0,0	0,0	1,1	0,9	0,7	0,9	0,8	1,3	0,0	0,5	1,7	2,1	1,2	0,8	1,0
Рязанская обл.	2,4	0,4	0,0	1,5	1,2	0,6	0,9	0,9	1,0	0,0	0,6	1,5	1,5	1,2	0,7	1,0
Смоленская обл.	1,5	0,0	0,0	1,2	1,9	1,2	1,1	0,9	1,0	0,0	0,5	1,6	1,4	1,2	0,6	0,9
Тамбовская обл.	3,2	0,0	0,0	0,7	0,6	1,5	1,4	0,7	1,0	0,0	0,4	1,4	1,3	1,0	0,7	0,9
Тверская обл.	1,2	0,0	0,0	1,0	2,2	1,5	1,0	1,1	1,1	0,0	0,7	1,5	1,2	1,2	0,9	1,0
Тульская обл.	1,5	0,0	0,0	1,7	0,9	1,0	0,8	0,8	0,8	0,5	1,1	1,3	1,2	1,3	0,8	0,9
Ярославская обл.	0,9	0,0	0,0	1,5	1,2	1,1	0,8	1,1	1,7	0,0	0,7	1,2	1,2	1,1	1,1	0,9
г. Москва	0,0	0,0	0,0	0,8	1,0	0,4	1,8	0,9	0,9	3,1	1,9	0,7	0,7	0,7	1,9	1,0
Респ. Карелия	0,9	4,0	0,5	0,9	1,1	0,7	0,6	0,9	1,7	0,0	0,6	2,4	1,6	1,9	1	1,3
Респ. Коми	0,4	0,0	2,9	0,6	1,1	1,6	0,5	0,5	0,9	0,0	0,8	1,3	0,9	1,0	0,5	0,9
Архангельская обл.	0,6	5,5	3,0	0,7	0,4	0,9	0,5	0,8	1,3	0,0	0,4	1,4	1,0	1,0	0,6	1,2
Вологодская обл.	1,2	0,7	0,0	2,2	1,1	1,0	0,5	0,7	1,3	0,5	0,4	1,3	1,0	1,3	0,9	0,9
Калининградская обл.	1,2	5,9	0,7	1,0	0,5	1,1	1,1	0,9	0,6	0,4	1,0	1,5	1,1	1,2	1,4	1,3
Ленинградская обл.	1,3	0,4	0,3	1,8	1,4	2,2	0,5	0,7	1,3	0,0	0,5	0,7	0,6	0,8	0,6	0,9

Регион	Условный номер отрасли*															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Мурманская обл.	0,2	27,9	1,1	1,0	1,3	0,5	0,6	1,3	1,1	0,0	0,6	1,9	1,3	1,8	1,1	2,8
Новгородская обл.	1,2	0,4	0,0	1,9	1,1	1,1	0,8	1,3	1,1	0,0	0,5	1,3	0,8	1,2	0,8	0,9
Псковская обл.	1,4	0,4	0,0	1,1	1,0	0,6	1,1	1,6	1,5	0,0	0,4	2,1	1,4	1,5	1,2	1,0
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	1,4	0,9	1,1	1,1	1,3	1,0	0,5	1,5	0,8	1,2	1,3	1,6	0,9
Респ. Адыгея	3,4	0,0	0,1	0,8	0,5	1,5	1,1	1,0	0,4	0,0	0,5	2,0	1,8	1,5	0,9	1,0
Респ. Калмыкия	6,4	0,4	0,2	0,2	0,5	1,0	0,4	0,6	0,6	0,0	0,5	3,0	2,2	1,7	1	1,3
Краснодарский край	2,6	0,4	0,1	0,6	0,6	2,1	0,9	2,7	1,7	0,0	0,6	1,0	1,0	1,3	0,9	1,1
Астраханская обл.	1,9	2,6	0,3	0,9	0,8	2,2	0,6	1,6	1,3	0,0	0,8	1,4	1,3	1,5	0,7	1,2
Волгоградская обл.	2,5	0,0	0,5	1,4	0,8	0,7	0,8	0,8	1,1	0,2	0,7	1,2	1,2	1,2	0,7	0,9
Ростовская обл.	2,4	0,4	0,1	1,1	1,0	1,5	1,0	1,3	1,0	0,7	0,7	1,2	1,3	1,1	0,7	1,0
Респ. Дагестан	3,0	0,4	0,0	0,2	0,7	2,9	1,4	3,4	0,9	0,0	0,2	1,1	1,4	0,9	0,9	1,2
Респ. Ингушетия	1,8	0,0	0,2	0,1	0,3	2,7	0,6	0,2	0,9	0,0	0,2	4,2	3,0	2,0	1	1,2
Кабардино-Балкарская Респ.	4,0	0,0	0,0	0,7	0,7	1,3	1,0	1,0	0,7	0,0	0,4	1,9	2,2	1,4	0,7	1,1
Карачаево-Черкесская Респ.	4,8	0,0	0,1	0,7	1,6	1,2	0,7	1,0	0,5	0,0	0,5	1,9	1,5	1,6	0,9	1,1
Респ. Северная Осетия - Алания	3,7	0,0	0,0	0,6	0,9	1,0	1,1	0,6	0,7	0,0	0,5	2,3	1,9	1,4	0,8	1,0
Чеченская Респ.	2,2	0,0	0,3	0,1	0,2	2,6	0,9	0,9	0,7	0,0	0,3	4,1	2,5	1,4	0,9	1,1
Ставропольский край	2,2	0,4	0,1	0,8	1,3	1,1	1,1	1,8	1,1	0,4	0,5	1,5	1,5	1,9	0,7	1,1
Респ. Башкортостан	2,0	0,0	0,8	1,3	0,9	1,0	0,9	1,2	1,1	0,4	0,6	0,8	1,3	1,1	0,7	0,9
Респ. Марий Эл	3,5	0,0	0,0	1,3	1,2	1,2	0,6	1,1	0,8	0,0	0,5	1,9	1,6	1,2	1,3	1,1
Респ. Мордовия	3,6	0,0	0,0	1,3	1,0	1,4	0,7	0,7	0,8	0,0	0,6	1,7	1,3	1,0	0,6	1,0
Респ. Татарстан	1,5	0,0	2,2	0,9	0,7	1,3	0,7	1,2	0,8	0,5	0,8	0,6	0,8	0,5	0,7	0,9
Удмуртская Респ.	1,7	0,0	2,4	1,1	0,6	0,7	0,6	1,1	0,8	0,0	0,5	1,0	1,2	1,2	0,7	0,9
Чувашская Респ.	2,0	0,0	0,0	1,5	1,5	1,2	0,8	0,9	0,7	0,7	0,7	1,2	1,5	1,4	0,9	1,0
Пермский край	0,6	0,0	1,3	1,6	0,9	0,9	0,7	1,2	1,0	0,2	0,9	0,9	0,9	1,0	0,5	0,8
Кировская обл.	2,0	0,0	0,0	1,2	1,1	0,7	0,7	1,5	1,2	0,0	0,7	1,9	1,4	1,7	1,1	1,0
Нижегородская обл.	0,8	0,0	0,0	1,6	1,0	1,4	0,9	1,1	1,1	1,4	0,9	1,1	1,0	1,1	0,7	0,9
Оренбургская обл.	1,8	0,0	3,4	0,6	1,8	0,7	0,5	0,9	0,7	0,0	0,4	0,8	0,9	0,9	0,4	0,9

Регион	Условный номер отрасли*															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Пензенская обл.	2,5	0,0	0,0	1,1	0,9	1,0	0,9	0,9	1,2	0,0	0,9	1,5	1,4	1,4	0,9	1,0
Самарская обл.	1,1	0,0	1,2	1,2	1,0	0,6	0,8	1,3	1,2	0,4	0,9	0,9	1,1	0,9	0,6	0,9
Саратовская обл.	2,6	0,0	0,3	1,2	2,3	0,9	0,6	1,0	1,2	0,0	0,6	1,3	1,6	1,3	0,7	1,0
Ульяновская обл.	1,5	0,0	0,2	1,1	1,3	1,2	0,9	0,6	1,5	0,5	0,6	1,4	1,3	1,3	0,9	0,9
Курганская обл.	2,9	0,0	0,1	0,9	0,6	1,1	0,8	1,2	1,6	0,0	0,5	1,7	1,5	1,4	0,7	1,0
Свердловская обл.	0,7	0,0	0,3	1,7	1,1	0,8	1,1	1,2	0,9	0,0	0,8	1,0	1,1	1,3	0,7	0,8
Тюменская обл.	0,2	0,0	4,8	0,4	0,7	1,2	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,4	0,4	0,5	0,4	0,8
Ханты-Мансийский АО	0,1	0,0	6,0	0,2	0,6	0,9	0,3	0,4	0,6	0,9	0,7	0,3	0,4	0,5	0,3	0,8
Ямало-Ненецкий АО	0,0	0,0	4,6	0,1	0,7	2,0	0,6	0,7	0,7	0,2	0,7	0,6	0,4	0,4	0,4	0,8
Челябинская обл.	1,7	0,0	0,1	2,0	0,6	0,8	0,8	1,0	1,1	0,2	0,6	1,0	1,1	1,1	0,7	0,8
Респ. Алтай	3,7	0,0	0,2	0,2	0,8	1,7	0,5	1,3	0,6	1,3	0,5	3,6	2,9	2,0	1	1,3
Респ. Бурятия	1,4	0,4	0,7	0,7	0,8	0,7	0,7	1,6	2,2	0,0	0,4	2,0	1,7	1,4	0,9	1,0
Респ. Тыва	1,5	0,0	0,4	0,2	0,6	0,7	0,6	0,6	0,7	0,0	0,5	4,3	4,2	3,1	1,2	1,2
Респ. Хакасия	1,0	0,4	1,0	0,8	3,6	0,7	0,5	1,0	1,1	0,0	0,9	1,7	1,2	1,2	0,7	1,0
Алтайский край	3,7	0,0	0,1	1,1	1,0	0,6	1,0	0,7	0,8	0,0	0,6	1,5	1,4	1,4	0,8	1,0
Забайкальский край	1,2	0,0	0,7	0,2	0,9	0,8	0,8	1,1	2,3	0,2	0,5	2,2	1,7	2,0	0,8	1,0
Красноярский край	1,2	0,0	0,8	1,9	1,0	1,3	0,5	0,7	1,0	0,2	0,5	1,1	1,0	0,9	0,7	0,9
Иркутская обл.	1,6	0,0	0,5	1,0	1,4	0,9	0,7	0,7	2,1	0,2	0,6	1,4	1,3	1,2	0,7	0,9
Кемеровская обл.	0,7	0,0	2,4	1,0	1,1	0,6	0,8	0,9	0,8	0,4	0,6	1,0	1,0	1,1	0,7	0,9
Новосибирская обл.	1,6	0,0	0,3	1,0	1,0	0,5	0,8	0,9	1,3	1,4	1,3	1,3	1,6	1,3	0,9	1,0
Омская обл.	2,2	0,0	0,0	2,2	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,4	0,6	1,1	1,2	1,1	0,9	0,9
Томская обл.	1,0	0,4	2,2	0,8	0,8	0,7	0,5	0,9	1,2	0,0	1,0	1,1	1,4	1,0	0,7	0,9
Респ. Саха (Якутия)	0,7	0,0	2,7	0,1	0,9	2,5	0,5	0,9	1,1	0,2	0,5	1,2	1,6	1,1	0,9	1,0
Камчатский край	0,7	80,0	0,4	0,5	1,8	0,8	0,5	1,3	0,5	0,0	0,4	2,8	1,4	1,7	0,7	6,2
Приморский край	0,9	19,8	0,1	0,4	1,1	1,9	1,0	1,0	1,7	0,5	0,7	1,7	1,1	1,1	0,7	2,2
Хабаровский край	1,3	5,5	0,5	0,5	1,0	1,4	0,8	0,9	1,6	0,4	0,8	1,9	1,5	1,3	0,8	1,3
Амурская обл.	1,6	0,0	1,0	0,3	1,3	1,9	0,6	0,8	2,1	0,0	0,4	1,7	1,3	1,3	0,5	1,0
Магаданская обл.	0,5	19,8	1,8	0,2	1,7	0,9	0,5	0,7	0,7	0,2	0,5	3,7	1,5	1,7	0,9	2,3

Регион	Условный номер отрасли*															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Сахалинская обл.	0,2	10,3	5,4	0,3	0,3	1,4	0,3	0,8	0,5	0,0	0,4	0,7	0,5	0,7	0,3	1,5
Еврейская авт. обл.	2,7	0,0	0,0	0,3	1,2	1,8	0,5	1,0	1,7	0,0	0,5	2,8	1,4	2,0	1,1	1,1
Чукотский авт. округ	0,2	3,3	3,9	0,0	2,9	2,0	0,2	0,4	0,5	0,0	0,2	1,8	0,9	1,1	0,6	1,2
Среднее по отрасли	1,8	2,3	0,8	1,0	1,1	1,2	0,8	1,0	1,0	0,3	0,6	1,6	1,3	1,3	0,8	–
Максимальное по отрасли	6,4	80,0	6,0	2,6	3,6	2,9	1,8	3,4	2,3	3,4	1,9	4,3	4,2	3,1	1,9	–

Примечание – Расшифровка условных номеров отрасли

- 1 – Сельское хозяйство
- 2 – Рыболовство и рыбоводство
- 3 – Добыча полезных ископаемых
- 4 – Обрабатывающие производства
- 5 – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
- 6 – Строительство
- 7 – Оптовая и розничная торговля
- 8 – Гостиницы и рестораны
- 9 – Транспорт и связь
- 10 – Финансовая деятельность
- 11 – Операции с недвижимостью
- 12 – Государственное управление
- 13 – Образование
- 14 – Здравоохранение
- 15 – Прочие услуги

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ)

ЗНАЧЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТОВ ДУШЕВОГО ПРОИЗВОДСТВА
НА НАЧАЛО 2018 ГОДА

Таблица Б.1

Регионы	Отрасли															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Белгородская обл.	3,0	0,0	0,7	1,1	0,8	1,0	0,8	0,8	0,6	0,0	0,5	0,6	0,9	0,7	0,6	0,8
Брянская обл.	1,0	0,0	0,0	0,5	0,4	0,3	0,5	0,7	0,6	0,0	0,3	0,7	0,6	0,6	0,3	0,4
Владимирская обл.	0,9	0,0	0,0	1,1	0,6	0,5	0,4	0,6	0,5	2,0	0,4	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7
Воронежская обл.	1,5	0,0	0,0	0,6	0,8	0,6	0,7	0,5	0,6	0,5	0,5	0,8	0,8	0,6	0,4	0,6
Ивановская обл.	0,4	0,0	0,0	0,4	0,5	0,5	0,3	0,4	0,3	0,0	0,2	0,8	0,7	0,7	0,6	0,4
Калужская обл.	1,3	0,0	0,0	1,3	0,6	1,0	0,5	0,5	0,5	0,0	0,5	0,9	0,8	0,8	0,5	0,6
Костромская обл.	1,2	0,0	0,0	0,6	1,1	0,4	0,4	0,5	0,5	0,0	0,2	1,0	0,7	0,7	0,5	0,5
Курская обл.	1,7	0,0	0,4	0,6	2,3	0,5	0,4	0,3	0,5	0,0	0,3	0,8	0,8	0,6	0,4	0,6
Липецкая обл.	1,6	0,0	0,1	2,3	0,7	1,4	0,5	0,4	0,5	0,2	0,4	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7
Московская обл.	0,6	0,0	0,0	1,3	1,2	1,0	1,2	1,5	1,0	1,3	1,3	1,1	1,0	1,2	0,9	1,0
Орловская обл.	1,3	0,0	0,0	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,7	0,0	0,3	0,9	1,0	0,6	0,4	0,5
Рязанская обл.	1,4	0,2	0,0	0,9	0,7	0,3	0,5	0,5	0,6	0,0	0,4	0,9	0,9	0,7	0,4	0,6
Смоленская обл.	0,9	0,0	0,0	0,7	1,1	0,7	0,6	0,5	0,6	0,0	0,3	0,9	0,8	0,7	0,4	0,5
Тамбовская обл.	1,8	0,0	0,0	0,4	0,3	0,8	0,8	0,4	0,5	0,0	0,2	0,8	0,7	0,6	0,4	0,5
Тверская обл.	0,8	0,0	0,0	0,7	1,4	1,0	0,6	0,7	0,7	0,0	0,5	1,0	0,8	0,8	0,6	0,6
Тульская обл.	0,9	0,0	0,0	1,0	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,3	0,7	0,8	0,7	0,8	0,5	0,6
Ярославская обл.	0,6	0,0	0,0	1,1	0,9	0,8	0,6	0,8	1,2	0,0	0,5	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
г. Москва	0,0	0,0	0,0	2,5	3,1	1,4	5,5	2,7	2,7	9,3	5,7	2,0	2,2	2,3	5,6	3,0
Респ. Карелия	0,7	2,8	0,3	0,6	0,8	0,5	0,4	0,6	1,2	0,0	0,4	1,7	1,1	1,3	0,7	0,9
Респ. Коми	0,6	0,0	4,1	0,8	1,6	2,3	0,7	0,7	1,3	0,0	1,2	1,9	1,2	1,4	0,7	1,2
Архангельская обл.	0,7	6,4	3,5	0,8	0,5	1,0	0,6	0,9	1,5	0,0	0,5	1,6	1,1	1,2	0,7	1,4
Вологодская обл.	1,0	0,6	0,0	1,7	0,8	0,8	0,4	0,5	1,0	0,4	0,3	1,0	0,8	1,0	0,7	0,7
Калининградская обл.	0,9	4,8	0,6	0,8	0,4	0,9	0,9	0,7	0,5	0,3	0,8	1,2	0,9	0,9	1,1	1,1
Ленинградская обл.	1,5	0,4	0,3	2,1	1,6	2,6	0,6	0,8	1,5	0,0	0,6	0,8	0,7	1,0	0,7	1,0

Регионы	Отрасли															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Мурманская обл.	0,2	30,2	1,2	1,1	1,4	0,5	0,6	1,4	1,2	0,0	0,6	2,1	1,4	1,9	1,1	3,0
Новгородская обл.	1,0	0,3	0,0	1,6	0,9	0,9	0,7	1,0	0,9	0,0	0,4	1,1	0,7	1,0	0,7	0,7
Псковская обл.	0,7	0,2	0,0	0,5	0,5	0,3	0,5	0,8	0,7	0,0	0,2	1,0	0,7	0,7	0,6	0,5
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	2,0	1,3	1,6	1,6	1,8	1,4	0,8	2,1	1,1	1,8	1,8	2,3	1,3
Респ. Адыгея	1,4	0,0	0,0	0,4	0,2	0,6	0,5	0,4	0,2	0,0	0,2	0,8	0,8	0,6	0,4	0,4
Респ. Калмыкия	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Краснодарский край	19,4	2,7	0,4	4,6	4,5	15,4	6,9	20,2	12,5	0,0	4,4	7,4	7,7	9,5	6,4	8,1
Астраханская обл.	1,2	1,7	0,2	0,6	0,5	1,5	0,4	1,0	0,9	0,0	0,5	1,0	0,8	1,0	0,5	0,8
Волгоградская обл.	15,0	0,0	2,9	8,4	4,7	4,5	4,7	4,6	6,3	1,1	4,1	7,1	7,1	7,4	4,1	5,5
Ростовская обл.	14,2	2,1	0,5	6,4	5,6	8,8	5,7	7,4	5,9	4,2	4,0	6,8	7,6	6,6	4,3	6,0
Респ. Дагестан	5,1	0,6	0,1	0,4	1,3	4,9	2,4	5,8	1,6	0,0	0,4	1,8	2,4	1,6	1,6	2,0
Респ. Ингушетия	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1
Кабардино-Балкарская Респ.	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1
Карачаево-Черкесская Респ.	0,3	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Респ. Северная Осетия – Алания	1,1	0,0	0,0	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,0	0,1	0,7	0,5	0,4	0,2	0,3
Чеченская Респ.	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,5	0,3	0,2	0,1	0,1
Ставропольский край	0,6	0,1	0,0	0,2	0,4	0,3	0,3	0,5	0,3	0,1	0,2	0,4	0,4	0,6	0,2	0,3
Респ. Башкортостан	1,4	0,0	0,6	0,9	0,6	0,7	0,7	0,8	0,8	0,3	0,4	0,5	0,9	0,8	0,5	0,7
Респ. Марий Эл	1,5	0,0	0,0	0,6	0,5	0,5	0,2	0,5	0,3	0,0	0,2	0,8	0,7	0,5	0,6	0,5
Респ. Мордовия	1,8	0,0	0,0	0,6	0,5	0,7	0,4	0,3	0,4	0,0	0,3	0,9	0,7	0,5	0,3	0,5
Респ. Татарстан	1,6	0,0	2,3	1,0	0,7	1,4	0,8	1,2	0,8	0,6	0,9	0,6	0,8	0,6	0,7	0,9
Удмуртская Респ.	1,2	0,0	1,6	0,8	0,4	0,5	0,4	0,7	0,5	0,0	0,3	0,7	0,8	0,8	0,5	0,6
Чувашская Респ.	1,0	0,0	0,0	0,7	0,7	0,6	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,6	0,7	0,7	0,5	0,5
Пермский край	0,5	0,0	1,1	1,5	0,8	0,8	0,6	1,1	0,9	0,2	0,8	0,9	0,8	0,9	0,4	0,7
Кировская обл.	0,9	0,0	0,0	0,6	0,5	0,3	0,3	0,7	0,6	0,0	0,3	0,9	0,7	0,8	0,5	0,5
Нижегородская обл.	0,6	0,0	0,0	1,2	0,7	1,0	0,6	0,8	0,8	1,1	0,7	0,8	0,8	0,8	0,5	0,7
Оренбургская обл.	1,6	0,0	3,0	0,5	1,6	0,6	0,4	0,8	0,7	0,0	0,3	0,7	0,8	0,8	0,4	0,8

Регионы	Отрасли															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Пензенская обл.	1,2	0,0	0,0	0,5	0,4	0,5	0,4	0,4	0,6	0,0	0,4	0,7	0,7	0,7	0,4	0,5
Самарская обл.	0,9	0,0	0,9	1,0	0,8	0,5	0,6	1,0	1,0	0,3	0,8	0,7	0,9	0,8	0,5	0,7
Саратовская обл.	1,5	0,0	0,2	0,7	1,3	0,5	0,3	0,6	0,7	0,0	0,3	0,7	0,9	0,7	0,4	0,6
Ульяновская обл.	0,8	0,0	0,1	0,6	0,7	0,6	0,5	0,3	0,8	0,3	0,3	0,7	0,7	0,7	0,5	0,5
Курганская обл.	1,5	0,0	0,0	0,5	0,3	0,6	0,4	0,6	0,8	0,0	0,3	0,9	0,8	0,7	0,3	0,5
Свердловская обл.	0,6	0,0	0,2	1,4	0,9	0,6	0,9	1,0	0,7	0,0	0,7	0,8	0,9	1,1	0,6	0,7
Тюменская обл.	3,5	0,0	68,1	5,2	9,3	16,3	6,7	8,3	10,5	10,2	10,5	6,2	6,1	6,8	5,3	11,5
ХМАО	0,3	0,0	31,8	0,9	3,2	4,7	1,4	2,0	3,4	4,7	3,7	1,7	2,0	2,4	1,6	4,3
ЯНАО	0,2	0,0	24,7	0,5	3,5	10,7	3,3	3,6	3,7	1,0	3,6	3,1	2,3	2,3	2,3	4,3
Челябинская обл.	1,2	0,0	0,1	1,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,8	0,1	0,4	0,7	0,8	0,8	0,5	0,6
Респ. Алтай	1,6	0,0	0,1	0,1	0,3	0,7	0,2	0,5	0,3	0,5	0,2	1,5	1,2	0,8	0,4	0,6
Респ. Бурятия	0,8	0,2	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,9	1,3	0,0	0,2	1,1	1,0	0,8	0,5	0,6
Респ. Тыва	0,6	0,0	0,2	0,1	0,2	0,3	0,2	0,2	0,3	0,0	0,2	1,6	1,6	1,2	0,4	0,5
Респ. Хакасия	0,7	0,3	0,7	0,5	2,5	0,5	0,3	0,7	0,7	0,0	0,6	1,2	0,9	0,9	0,5	0,7
Алтайский край	1,8	0,0	0,0	0,5	0,5	0,3	0,5	0,3	0,4	0,0	0,3	0,7	0,7	0,7	0,4	0,5
Забайкальский край	0,7	0,0	0,4	0,1	0,5	0,5	0,5	0,6	1,4	0,1	0,3	1,3	1,0	1,2	0,5	0,6
Красноярский край	1,3	0,0	0,9	2,2	1,2	1,6	0,6	0,8	1,1	0,2	0,6	1,3	1,2	1,1	0,8	1,0
Иркутская обл.	1,3	0,0	0,4	0,8	1,2	0,7	0,5	0,6	1,7	0,1	0,5	1,1	1,1	1,0	0,6	0,8
Кемеровская обл.	0,6	0,0	2,0	0,8	0,9	0,5	0,6	0,7	0,7	0,3	0,5	0,8	0,8	0,9	0,6	0,7
Новосибирская обл.	1,2	0,0	0,3	0,7	0,7	0,4	0,6	0,6	1,0	1,0	0,9	0,9	1,1	1,0	0,7	0,7
Омская обл.	1,6	0,0	0,0	1,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,6	0,3	0,4	0,8	0,9	0,8	0,7	0,7
Томская обл.	1,1	0,4	2,3	0,9	0,8	0,8	0,5	0,9	1,2	0,0	1,1	1,2	1,4	1,0	0,8	1,0
Респ. Саха (Якутия)	1,1	0,0	4,3	0,2	1,4	3,9	0,7	1,4	1,7	0,3	0,8	1,9	2,5	1,7	1,4	1,6
Камчатский край	0,9	100,4	0,5	0,6	2,3	1,0	0,7	1,6	0,7	0,0	0,5	3,5	1,8	2,1	0,9	7,8
Приморский край	0,8	16,5	0,1	0,4	0,9	1,6	0,8	0,8	1,4	0,4	0,6	1,4	0,9	0,9	0,6	1,9
Хабаровский край	1,2	4,9	0,4	0,5	0,9	1,3	0,7	0,8	1,4	0,3	0,7	1,7	1,3	1,1	0,7	1,2
Амурская обл.	1,3	0,0	0,8	0,2	1,1	1,5	0,5	0,6	1,7	0,0	0,3	1,3	1,0	1,0	0,4	0,8
Магаданская обл.	0,7	26,6	2,4	0,2	2,2	1,1	0,7	0,9	0,9	0,2	0,7	4,9	2,0	2,3	1,2	3,2
Сахалинская обл.	0,6	35,4	18,6	0,9	1,2	4,8	1,0	2,7	1,6	0,0	1,4	2,6	1,7	2,6	1,1	5,1

Регионы	Отрасли															Среднее
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Еврейская автономная обл.	1,7	0,0	0,0	0,2	0,8	1,1	0,3	0,6	1,0	0,0	0,3	1,7	0,9	1,2	0,6	0,7
Чукотский автономный округ	0,9	13,7	16,3	0,1	12,1	8,5	1,0	1,6	1,9	0,0	0,8	7,5	3,7	4,4	2,3	5,0
Магаданская обл.	0,7	26,6	2,4	0,2	2,2	1,1	0,7	0,9	0,9	0,2	0,7	4,9	2,0	2,3	1,2	3,2
Максимальное по отрасли	19,4	100,4	68,1	8,4	12,1	16,3	6,9	20,2	12,5	10,2	10,5	7,5	7,7	9,5	6,4	–
<p>Примечание – Расшифровка условных номеров отрасли</p> <p>1 – Сельское хозяйство 2 – Рыболовство и рыбоводство 3 – Добыча полезных ископаемых 4 – Обрабатывающие производства 5 – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды 6 – Строительство 7 – Оптовая и розничная торговля 8 – Гостиницы и рестораны 9 – Транспорт и связь 10 – Финансовая деятельность 11 – Операции с недвижимостью 12 – Государственное управление 13 – Образование 14 – Здравоохранение 15 – Прочие услуги</p>																

**ПРИЛОЖЕНИЕ В
(ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ)**

**ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ
НА НАЧАЛО 2018 Г.**

Таблица В.1

Регион	Отрасли*															Макс.	Сред.	Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
Белгородская обл.	51,8	0,0	6,5	25,1	3,6	8,2	15,2	0,7	3,8	0,0	3,5	2,8	3,2	2,3	0,6	51,8	8,5	127,2
Брянская обл.	9,8	0,0	0,0	7,0	1,7	1,4	7,7	1,0	7,0	0,0	1,9	6,3	2,7	2,9	0,2	9,8	3,3	49,6
Владимирская обл.	6,6	0,0	0,0	31,4	2,5	3,2	5,7	0,7	5,0	3,8	3,8	5,4	2,7	3,5	0,9	31,4	5,0	75,2
Воронежская обл.	27,0	0,0	0,0	13,9	7,7	6,9	21,0	0,6	9,8	0,4	7,6	9,4	5,5	4,4	0,7	27,0	7,7	114,9
Ивановская обл.	1,9	0,0	0,0	5,5	2,6	3,1	3,8	0,4	2,3	0,0	0,7	6,4	3,2	3,8	1,0	6,4	2,3	34,7
Калужская обл.	8,1	0,0	0,0	26,1	1,9	6,3	5,4	0,3	2,1	0,0	2,9	4,7	2,3	2,6	0,4	26,1	4,2	63,1
Костромская обл.	7,0	0,0	0,0	6,3	5,5	0,8	2,4	0,2	2,6	0,0	0,6	5,1	1,6	2,0	0,3	7,0	2,3	34,3
Курская обл.	18,0	0,0	2,1	7,8	29,5	1,9	4,4	0,1	2,9	0,0	1,5	4,6	2,6	1,8	0,3	29,5	5,2	77,4
Липецкая обл.	11,5	0,0	0,0	78,3	1,8	11,9	3,4	0,2	2,6	0,0	1,5	3,1	1,6	2,1	0,6	78,3	7,9	118,6
Московская обл.	7,2	0,0	0,0	131,1	29,2	29,2	112,7	10,4	47,9	4,2	92,9	31,2	15,0	27,6	6,6	131,1	36,4	545,3
Орловская обл.	10,0	0,0	0,0	5,1	1,1	1,0	4,1	0,2	5,2	0,0	0,9	4,6	4,3	1,6	0,3	10,0	2,6	38,4
Рязанская обл.	13,0	0,0	0,0	17,7	3,4	1,1	6,7	0,4	5,0	0,0	2,0	6,0	3,6	2,6	0,4	17,7	4,1	61,8

Регион	Отрасли*															Макс.	Сред.	Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
Смоленская обл.	4,5	0,0	0,0	9,5	6,2	3,7	8,0	0,3	3,8	0,0	1,0	5,5	2,7	2,4	0,2	9,5	3,2	47,8
Тамбовская обл.	20,8	0,0	0,0	3,8	0,8	6,6	14,8	0,2	3,9	0,0	0,9	4,7	2,4	1,9	0,4	20,8	4,1	61,1
Тверская обл.	4,4	0,0	0,0	10,2	13,5	8,9	10,7	0,7	7,3	0,0	4,0	7,7	3,3	3,6	0,7	13,5	5,0	74,9
Тульская обл.	6,9	0,0	0,0	31,2	2,6	4,6	7,4	0,4	4,2	0,1	9,5	5,8	3,1	4,3	0,7	31,2	5,4	80,7
Ярославская обл.	2,5	0,0	0,0	25,1	4,4	5,1	7,1	0,8	19,4	0,0	3,9	5,6	3,2	3,1	1,3	25,1	5,4	81,5
г. Москва	0,0	0,0	0,0	242,5	107,5	30,0	1327,1	17,5	182,3	115,8	914,0	52,5	40,2	51,7	124,1	1327,1	213,7	3205,3
Респ. Карелия	1,4	1,5	0,7	4,0	1,9	1,0	2,5	0,3	10,2	0,0	1,5	10,5	2,8	4,7	0,5	10,5	2,9	43,6
Респ. Коми	0,9	0,0	79,1	5,1	5,5	16,1	3,7	0,2	7,7	0,0	7,2	9,1	2,4	4,0	0,4	79,1	9,4	141,4
Архангельская обл.	1,6	8,3	96,7	8,9	0,7	4,9	4,7	0,6	17,2	0,0	2,2	10,6	3,4	4,5	0,6	96,7	11,0	164,8
Вологодская обл.	4,9	0,1	0,0	53,8	3,5	4,6	2,9	0,3	11,5	0,1	1,3	6,2	2,3	4,3	0,8	53,8	6,4	96,7
Калининградская обл.	3,4	5,0	2,7	8,7	0,6	4,6	12,6	0,4	2,3	0,0	6,1	6,1	2,2	2,9	1,6	12,6	4,0	59,4
Ленинградская обл.	10,1	0,0	1,0	70,8	11,8	44,0	6,5	0,6	21,6	0,0	4,6	3,7	1,7	3,9	0,7	70,8	12,1	181,1
Мурманская обл.	0,1	133,3	7,6	10,5	5,1	1,0	3,8	1,0	8,3	0,0	2,3	12,8	3,8	8,3	1,1	133,3	13,3	199,2
Новгородская обл.	2,6	0,0	0,0	23,0	2,1	3,0	4,2	0,6	5,0	0,0	0,9	3,4	0,9	2,0	0,4	23,0	3,2	48,1
Псковская обл.	2,1	0,0	0,0	4,5	1,2	0,6	5,0	0,6	5,3	0,0	0,4	5,9	1,6	2,1	0,6	5,9	2,0	29,8
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	139,5	17,7	39,7	105,4	7,5	45,2	0,7	117,4	14,7	24,5	29,9	19,2	139,5	37,4	561,5
Респ. Адыгея	7,2	0,0	0,0	1,5	0,1	2,0	3,0	0,1	0,2	0,0	0,4	2,8	1,4	1,2	0,2	7,2	1,3	20,2
Респ. Калмыкия	14,7	0,0	0,0	0,1	0,1	0,5	0,3	0,0	0,3	0,0	0,2	3,8	1,2	0,9	0,1	14,7	1,5	22,3

Регион	Отрасли*															Макс.	Сред.	Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
Краснодарский край	88,6	0,1	0,1	16,8	4,6	76,1	41,7	20,3	78,1	0,0	10,9	14,7	10,0	18,1	3,2	88,6	25,6	383,3
Астраханская обл.	7,0	0,7	0,3	5,4	1,1	13,3	2,3	1,0	7,3	0,0	3,2	4,7	2,3	3,7	0,4	13,3	3,5	52,8
Волгоградская обл.	36,0	0,0	2,8	38,0	3,3	4,4	13,3	0,7	13,5	0,0	6,6	9,0	5,7	7,4	0,9	38,0	9,4	141,7
Ростовская обл.	49,6	0,1	0,1	34,4	7,3	26,4	29,7	2,8	18,1	0,5	9,5	12,9	10,1	9,2	1,5	49,6	14,2	212,3
Респ. Дагестан	36,2	0,0	0,0	0,8	2,1	47,0	30,7	9,8	7,7	0,0	0,5	5,0	5,5	3,0	1,1	47,0	10,0	149,5
Респ. Ингушетия	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,8	0,4	0,0	0,5	0,0	0,0	5,7	1,8	0,9	0,1	5,7	0,9	13,4
Кабардино-Балкарская Респ.	16,5	0,0	0,0	1,6	0,5	2,4	4,1	0,2	1,0	0,0	0,3	4,1	3,6	1,6	0,2	16,5	2,4	36,3
Карачаево-Черкесская Респ.	13,5	0,0	0,0	0,9	1,4	1,2	1,0	0,1	0,3	0,0	0,4	2,4	1,0	1,3	0,1	13,5	1,6	23,7
Респ. Северная Осетия	13,7	0,0	0,0	1,2	0,7	1,4	4,8	0,1	1,2	0,0	0,6	5,8	2,5	1,6	0,2	13,7	2,2	33,7
Чеченская Респ.	4,6	0,0	0,2	0,0	0,0	8,8	2,9	0,2	0,9	0,0	0,2	18,5	4,4	1,6	0,2	18,5	2,8	42,7
Ставропольский край	20,0	0,0	0,1	8,1	7,0	6,9	20,0	3,0	10,1	0,1	3,0	10,8	6,7	13,0	0,8	20,0	7,3	109,6
Респ. Башкортостан	39,7	0,0	12,8	57,9	6,7	12,7	31,0	2,8	23,1	0,1	7,7	6,4	11,2	9,4	1,5	57,9	14,9	223,1
Респ. Марий Эл	12,4	0,0	0,0	5,9	1,4	1,9	1,2	0,3	1,4	0,0	0,6	4,2	1,9	1,3	0,6	12,4	2,2	33,2
Респ. Мордовия	18,0	0,0	0,0	7,5	1,3	3,8	2,8	0,1	1,9	0,0	1,1	4,6	1,8	1,1	0,2	18,0	3,0	44,3
Респ. Татарстан	30,2	0,0	139,8	39,6	5,4	33,4	27,4	3,8	17,9	0,4	23,1	5,1	6,2	3,2	2,1	139,8	22,5	337,7
Удмуртская Респ.	10,1	0,0	41,5	15,0	1,3	2,6	4,2	0,8	4,3	0,0	2,1	4,1	3,3	4,1	0,5	41,5	6,3	94,0
Чувашская Респ.	8,4	0,0	0,0	16,3	4,3	4,1	4,8	0,3	2,2	0,1	2,7	3,6	3,3	3,6	0,6	16,3	3,6	54,4

Регион	Отрасли*															Макс.	Сред.	Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
Пермский край	2,9	0,0	28,2	72,2	5,6	8,2	15,4	2,4	16,4	0,0	16,0	8,3	5,0	6,5	0,7	72,2	12,5	187,9
Кировская обл.	8,9	0,0	0,0	11,6	2,5	1,6	4,6	1,0	6,8	0,0	2,5	8,5	3,3	5,2	0,8	11,6	3,8	57,2
Нижегородская обл.	5,9	0,0	0,0	73,4	7,5	23,0	23,8	2,0	20,2	2,0	17,3	11,1	6,4	8,3	1,3	73,4	13,5	202,1
Оренбургская обл.	20,1	0,0	150,5	8,3	18,5	4,6	5,3	1,0	7,4	0,0	2,0	4,5	3,4	4,0	0,4	150,5	15,3	230,2
Пензенская обл.	14,4	0,0	0,0	8,8	1,6	3,3	6,4	0,4	6,5	0,0	4,1	5,5	3,0	4,1	0,6	14,4	3,9	58,6
Самарская обл.	10,0	0,0	24,7	46,4	7,6	4,8	20,7	3,0	29,0	0,1	19,0	8,2	7,5	6,6	1,1	46,4	12,6	188,7
Саратовская обл.	32,8	0,0	0,8	23,5	25,0	5,3	5,7	1,0	14,4	0,0	3,8	8,8	8,9	7,2	0,8	32,8	9,2	137,8
Ульяновская обл.	5,5	0,0	0,2	9,1	3,5	4,3	7,4	0,2	10,6	0,1	2,1	5,1	2,8	3,2	0,6	10,6	3,6	54,7
Курганская обл.	13,8	0,0	0,0	5,0	0,5	2,8	3,6	0,5	9,1	0,0	1,1	5,4	2,7	2,7	0,3	13,8	3,2	47,6
Свердловская обл.	6,5	0,0	1,8	119,3	14,6	10,0	56,7	3,6	21,0	0,0	19,8	13,6	11,3	18,0	2,3	119,3	19,9	298,3
Тюменская обл.	0,4	0,0	323,5	3,0	2,7	12,0	5,5	0,5	7,8	0,4	8,8	1,4	0,9	1,3	0,3	323,5	24,6	368,4
ХМАО	0,1	0,0	2113,5	2,5	9,7	30,4	6,8	0,9	23,7	2,5	33,2	3,3	2,8	4,9	0,9	2113,5	149,0	2235,2
ЯНАО	0,0	0,0	445,4	0,3	4,0	54,5	13,7	1,0	10,2	0,0	10,8	3,8	1,3	1,6	0,6	445,4	36,5	547,2
Челябинская обл.	23,7	0,0	0,2	118,9	3,2	7,4	21,1	1,7	21,7	0,0	7,4	10,4	6,9	9,0	1,3	118,9	15,5	232,9
Респ. Алтай	4,1	0,0	0,0	0,0	0,2	1,2	0,3	0,1	0,3	0,1	0,2	4,5	1,9	1,0	0,1	4,5	0,9	13,8
Респ. Бурятия	3,9	0,0	2,0	3,2	1,1	1,3	3,1	1,0	20,2	0,0	0,7	8,4	4,0	3,1	0,5	20,2	3,5	52,5
Респ. Тыва	0,9	0,0	0,2	0,0	0,1	0,3	0,6	0,0	0,4	0,0	0,2	8,6	5,0	3,4	0,2	8,6	1,3	20,0
Респ. Хакасия	1,4	0,0	2,5	2,5	15,1	0,9	1,1	0,3	3,1	0,0	2,4	4,4	1,4	1,6	0,2	15,1	2,5	36,9

Регион	Отрасли*															Макс.	Сред.	Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
Алтайский край	56,2	0,0	0,1	15,5	4,0	1,9	16,1	0,4	5,5	0,0	3,1	10,7	5,8	7,2	0,9	56,2	8,5	127,3
Забайкальский край	3,4	0,0	2,3	0,4	1,5	1,9	5,2	0,5	26,4	0,0	1,4	12,9	4,5	8,1	0,5	26,4	4,6	69,0
Красноярский край	15,0	0,0	15,5	139,3	11,7	28,3	10,3	1,1	22,5	0,0	7,9	16,3	8,7	8,6	1,7	139,3	19,1	287,0
Иркутская обл.	17,3	0,0	3,6	21,5	13,5	7,1	11,2	0,7	62,8	0,0	5,1	14,9	8,3	8,9	1,1	62,8	11,7	175,9
Кемеровская обл.	4,0	0,0	98,9	25,7	9,4	4,2	17,6	1,3	11,1	0,1	6,7	8,8	5,3	8,5	1,2	98,9	13,5	202,8
Новосибирская обл.	17,0	0,0	1,7	20,2	6,4	2,3	15,4	1,0	24,6	1,5	25,1	11,8	11,1	9,6	1,8	25,1	10,0	149,5
Омская обл.	24,2	0,0	0,0	81,8	2,3	3,9	9,1	0,5	7,5	0,1	4,3	6,8	5,1	5,3	1,5	81,8	10,2	152,4
Томская обл.	3,9	0,0	36,4	8,3	2,3	2,8	3,6	0,6	11,0	0,0	9,0	5,1	4,8	3,1	0,7	36,4	6,1	91,5
Респ. Саха (Якутия)	2,6	0,0	79,6	0,2	4,0	43,9	4,0	0,8	13,3	0,0	3,1	8,4	9,0	5,2	1,4	79,6	11,7	175,5
Камчатский край	0,7	519,6	0,5	1,0	4,6	1,2	1,6	0,5	0,9	0,0	0,5	12,7	2,1	3,6	0,3	519,6	36,6	549,7
Приморский край	5,0	122,6	0,2	3,6	6,0	26,8	20,5	1,1	34,3	0,2	6,9	17,2	5,0	6,1	0,9	122,6	17,1	256,3
Хабаровский край	7,2	7,1	1,9	4,1	4,1	11,6	9,6	0,7	23,1	0,1	6,7	17,8	6,4	6,0	0,9	23,1	7,2	107,3
Амурская обл.	5,9	0,0	5,0	0,6	3,8	12,0	2,9	0,3	21,7	0,0	0,9	7,6	2,8	3,2	0,2	21,7	4,5	66,9
Магаданская обл.	0,2	16,1	4,9	0,1	1,9	0,7	0,7	0,1	0,8	0,0	0,5	11,2	1,2	1,9	0,2	16,1	2,7	40,4
Сахалинская обл.	0,2	35,2	367,0	1,4	0,7	16,2	1,9	0,8	2,8	0,0	2,3	3,7	1,0	2,8	0,2	367,0	29,1	436,3
Еврейская авт. обл.	2,8	0,0	0,0	0,1	0,5	1,6	0,4	0,1	2,3	0,0	0,2	3,3	0,5	1,3	0,1	3,3	0,9	13,5
Чукотский авт. округ	0,0	0,4	22,3	0,0	5,5	3,9	0,2	0,0	0,3	0,0	0,1	2,5	0,4	0,7	0,1	22,3	2,4	36,4

Регион	Отрасли*															Макс.	Сред.	Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			
Максимальное по отрасли	88,6	519,6	2113,5	242,5	107,5	76,1	1327,1	20,3	182,3	115,8	914,0	52,5	40,2	51,7	124,1	-	-	-

Примечание – Расшифровка условных номеров отрасли

- 1 – Сельское хозяйство
- 2 – Рыболовство и рыбоводство
- 3 – Добыча полезных ископаемых
- 4 – Обрабатывающие производства
- 5 – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
- 6 – Строительство
- 7 – Оптовая и розничная торговля
- 8 – Гостиницы и рестораны
- 9 – Транспорт и связь
- 10 – Финансовая деятельность
- 11 – Операции с недвижимостью
- 12 – Государственное управление
- 13 – Образование
- 14 – Здравоохранение
- 15 – Прочие услуги

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
(ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ)

ЗНАЧЕНИЯ ОБЩИХ КОЭФФИЦИЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
РЕГИОНОВ РОССИИ НА НАЧАЛО 2018 Г.

Таблица Г.1

Регион	Отрасли															ИКС
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Белгородская обл.	40,7	0,0	5,1	19,7	2,9	6,4	11,9	0,6	2,9	0,0	2,8	2,2	2,5	1,8	0,5	2295,8
Брянская обл.	19,7	0,0	0,0	14,0	3,5	2,8	15,5	2,0	14,2	0,0	3,8	12,7	5,5	5,8	0,5	1290,3
Владимирская обл.	8,8	0,0	0,0	41,7	3,3	4,2	7,6	0,9	6,7	5,1	5,1	7,1	3,6	4,7	1,2	2088,9
Воронежская обл.	23,5	0,0	0,0	12,1	6,7	6,0	18,3	0,5	8,6	0,4	6,6	8,2	4,8	3,8	0,6	1335,1
Ивановская обл.	5,6	0,0	0,0	15,8	7,4	9,0	11,0	1,1	6,6	0,0	2,1	18,4	9,2	10,8	3,0	1135,3
Калужская обл.	12,9	0,0	0,0	41,3	3,0	10,0	8,5	0,5	3,4	0,0	4,6	7,5	3,6	4,1	0,7	2174,2
Костромская обл.	20,5	0,0	0,0	18,4	15,9	2,3	6,9	0,7	7,5	0,0	1,8	14,8	4,6	5,8	1,0	1396,1
Курская обл.	23,3	0,0	2,7	10,1	38,1	2,4	5,6	0,2	3,7	0,0	1,9	5,9	3,3	2,3	0,4	2210,9
Липецкая обл.	9,7	0,0	0,0	66,0	1,5	10,0	2,9	0,1	2,2	0,0	1,3	2,6	1,3	1,8	0,5	4583,6
Московская обл.	1,3	0,0	0,0	24,0	5,4	5,4	20,7	1,9	8,8	0,8	17,0	5,7	2,7	5,1	1,2	1503,6
Орловская обл.	26,1	0,0	0,0	13,3	2,9	2,7	10,7	0,5	13,6	0,0	2,2	11,9	11,2	4,0	0,8	1463,7
Рязанская обл.	21,0	0,0	0,0	28,7	5,5	1,8	10,9	0,6	8,0	0,0	3,2	9,6	5,8	4,3	0,6	1636,3
Смоленская обл.	9,5	0,0	0,0	19,8	12,9	7,8	16,8	0,6	7,9	0,0	2,1	11,5	5,7	4,9	0,5	1246,4
Тамбовская обл.	34,1	0,0	0,0	6,1	1,2	10,8	24,2	0,3	6,4	0,0	1,5	7,7	4,0	3,0	0,6	2030,7
Тверская обл.	5,9	0,0	0,0	13,6	18,0	11,8	14,2	1,0	9,8	0,0	5,3	10,3	4,4	4,8	1,0	1157,7
Тульская обл.	8,5	0,0	0,0	38,6	3,2	5,7	9,2	0,5	5,2	0,1	11,7	7,1	3,8	5,4	0,9	1950,0
Ярославская обл.	3,1	0,0	0,0	30,8	5,4	6,3	8,7	1,0	23,8	0,0	4,8	6,8	3,9	3,8	1,6	1771,0
г. Москва	0,0	0,0	0,0	7,6	3,4	0,9	41,4	0,5	5,7	3,6	28,5	1,6	1,3	1,6	3,9	2664,4
Респ. Карелия	3,3	3,4	1,7	9,2	4,3	2,4	5,7	0,6	23,5	0,0	3,5	24,0	6,4	10,9	1,2	1469,1
Респ. Коми	0,6	0,0	55,9	3,6	3,9	11,4	2,6	0,2	5,4	0,0	5,1	6,4	1,7	2,8	0,3	3400,0
Архангельская обл.	1,0	5,0	58,7	5,4	0,4	3,0	2,8	0,4	10,4	0,0	1,3	6,4	2,0	2,7	0,4	3677,6
Вологодская обл.	5,1	0,1	0,0	55,6	3,6	4,7	3,0	0,3	11,9	0,1	1,3	6,5	2,4	4,5	0,8	3378,2
Калининградская обл.	5,8	8,4	4,6	14,7	1,0	7,7	21,3	0,7	3,9	0,1	10,3	10,4	3,7	5,0	2,7	1126,7

Регион	Отрасли															ИКС
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Ленинградская обл.	5,6	0,0	0,6	39,1	6,5	24,3	3,6	0,3	11,9	0,0	2,6	2,0	0,9	2,2	0,4	2362,8
Мурманская обл.	0,0	66,9	3,8	5,3	2,6	0,5	1,9	0,5	4,2	0,0	1,2	6,4	1,9	4,2	0,6	4613,2
Новгородская обл.	5,5	0,0	0,0	47,8	4,3	6,2	8,7	1,2	10,4	0,0	1,9	7,0	1,8	4,2	0,8	2634,3
Псковская обл.	7,2	0,0	0,0	14,9	3,9	1,9	16,8	1,9	17,8	0,0	1,5	19,7	5,4	7,0	1,9	1370,2
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	24,8	3,1	7,1	18,8	1,3	8,1	0,1	20,9	2,6	4,4	5,3	3,4	1599,7
Респ. Адыгея	35,8	0,0	0,1	7,5	0,6	9,8	14,8	0,6	1,1	0,0	1,8	14,1	7,1	5,9	0,8	1944,6
Респ. Калмыкия	66,0	0,0	0,2	0,2	0,5	2,4	1,2	0,1	1,2	0,0	0,8	17,1	5,6	4,2	0,5	4700,6
Краснодарский край	23,1	0,0	0,0	4,4	1,2	19,9	10,9	5,3	20,4	0,0	2,8	3,8	2,6	4,7	0,8	1563,7
Астраханская обл.	13,3	1,4	0,6	10,2	2,1	25,2	4,4	1,9	13,7	0,0	6,1	8,8	4,4	7,0	0,7	1321,4
Волгоградская обл.	25,4	0,0	2,0	26,8	2,3	3,1	9,4	0,5	9,5	0,0	4,7	6,4	4,0	5,2	0,6	1669,0
Ростовская обл.	23,4	0,0	0,1	16,2	3,4	12,5	14,0	1,3	8,5	0,2	4,5	6,1	4,8	4,3	0,7	1344,1
Респ. Дагестан	24,2	0,0	0,0	0,5	1,4	31,4	20,6	6,6	5,1	0,0	0,3	3,4	3,7	2,0	0,8	2098,5
Респ. Ингушетия	7,3	0,0	0,2	0,1	0,2	20,6	3,3	0,0	3,7	0,0	0,2	42,9	13,8	6,9	0,7	2582,9
Кабардино-Балкарская Респ.	45,6	0,0	0,0	4,4	1,4	6,6	11,4	0,6	2,8	0,0	0,9	11,4	10,0	4,5	0,4	2529,5
Карачаево-Черкесская Респ.	57,1	0,0	0,1	3,8	5,9	4,9	4,1	0,5	1,3	0,0	1,8	10,2	4,1	5,7	0,6	3512,5
Респ. Северная Осетия - Алания	40,6	0,0	0,0	3,4	2,0	4,0	14,4	0,2	3,4	0,0	1,9	17,4	7,3	4,7	0,6	2279,3
Чеченская Респ.	10,8	0,0	0,6	0,1	0,1	20,7	6,9	0,4	2,2	0,0	0,4	43,4	10,2	3,7	0,6	2600,9
Ставропольский край	18,2	0,0	0,0	7,3	6,4	6,3	18,3	2,8	9,2	0,1	2,8	9,9	6,2	11,9	0,7	1177,7
Респ. Башкортостан	17,8	0,0	5,7	25,9	3,0	5,7	13,9	1,3	10,3	0,1	3,5	2,9	5,0	4,2	0,7	1430,3
Респ. Марий Эл	37,5	0,0	0,0	17,9	4,1	5,9	3,7	0,8	4,1	0,0	1,9	12,7	5,8	3,9	1,8	2022,8
Респ. Мордовия	40,7	0,0	0,0	17,0	2,9	8,6	6,3	0,3	4,3	0,0	2,5	10,5	4,0	2,5	0,4	2221,7
Респ. Татарстан	8,9	0,0	41,4	11,7	1,6	9,9	8,1	1,1	5,3	0,1	6,8	1,5	1,8	1,0	0,6	2180,9
Удмуртская Респ.	10,8	0,0	44,2	15,9	1,4	2,7	4,5	0,9	4,6	0,0	2,2	4,3	3,5	4,4	0,6	2429,5
Чувашская Респ.	15,4	0,0	0,0	30,0	7,8	7,5	8,8	0,6	4,1	0,2	5,0	6,7	6,0	6,7	1,1	1500,9
Пермский край	1,6	0,0	15,0	38,4	3,0	4,4	8,2	1,3	8,7	0,0	8,5	4,4	2,7	3,5	0,4	1986,9
Кировская обл.	15,6	0,0	0,0	20,3	4,3	2,8	8,0	1,7	11,9	0,0	4,3	14,9	5,7	9,1	1,4	1246,5

Регион	Отрасли															ИКС
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Нижегородская обл.	2,9	0,0	0,0	36,3	3,7	11,4	11,8	1,0	10,0	1,0	8,5	5,5	3,1	4,1	0,6	1843,1
Оренбургская обл.	8,7	0,0	65,4	3,6	8,0	2,0	2,3	0,4	3,2	0,0	0,9	2,0	1,5	1,8	0,2	4460,2
Пензенская обл.	24,5	0,0	0,0	15,0	2,8	5,5	10,9	0,6	11,1	0,0	7,0	9,3	5,1	7,0	1,0	1322,5
Самарская обл.	5,3	0,0	13,1	24,6	4,0	2,5	11,0	1,6	15,4	0,1	10,1	4,3	4,0	3,5	0,6	1333,7
Саратовская обл.	23,8	0,0	0,6	17,0	18,1	3,9	4,1	0,7	10,5	0,0	2,8	6,4	6,5	5,2	0,6	1443,5
Ульяновская обл.	10,1	0,0	0,3	16,7	6,4	7,9	13,6	0,3	19,4	0,1	3,9	9,4	5,1	5,9	1,1	1207,1
Курганская обл.	29,0	0,0	0,0	10,5	1,0	6,0	7,6	1,0	19,1	0,0	2,3	11,4	5,8	5,8	0,5	1616,7
Свердловская обл.	2,2	0,0	0,6	40,0	4,9	3,3	19,0	1,2	7,0	0,0	6,6	4,6	3,8	6,0	0,8	2166,9
Тюменская обл.	0,1	0,0	87,8	0,8	0,7	3,3	1,5	0,1	2,1	0,1	2,4	0,4	0,2	0,4	0,1	7734,7
ХМАО	0,0	0,0	94,6	0,1	0,4	1,4	0,3	0,0	1,1	0,1	1,5	0,1	0,1	0,2	0,0	8946,3
ЯНАО	0,0	0,0	81,4	0,1	0,7	10,0	2,5	0,2	1,9	0,0	2,0	0,7	0,2	0,3	0,1	6738,5
Челябинская обл.	10,2	0,0	0,1	51,0	1,4	3,2	9,0	0,7	9,3	0,0	3,2	4,5	3,0	3,9	0,6	2944,6
Респ. Алтай	29,9	0,0	0,1	0,2	1,3	8,6	1,9	0,7	1,8	0,4	1,2	32,6	13,5	7,1	0,7	2271,2
Респ. Бурятия	7,4	0,0	3,8	6,1	2,1	2,4	5,8	1,8	38,4	0,0	1,3	15,9	7,7	6,0	1,0	1983,1
Респ. Тыва	4,3	0,0	0,8	0,2	0,7	1,4	3,2	0,1	2,2	0,0	1,1	43,1	25,1	16,8	0,9	2811,4
Респ. Хакасия	3,8	0,0	6,7	6,7	41,1	2,4	2,9	0,7	8,4	0,0	6,5	11,9	3,8	4,4	0,6	2095,2
Алтайский край	44,1	0,0	0,0	12,1	3,2	1,5	12,6	0,3	4,4	0,0	2,4	8,4	4,5	5,7	0,7	2415,4
Забайкальский край	5,0	0,0	3,3	0,6	2,2	2,8	7,5	0,8	38,2	0,0	2,0	18,7	6,5	11,7	0,7	2098,7
Красноярский край	5,2	0,0	5,4	48,5	4,1	9,8	3,6	0,4	7,8	0,0	2,8	5,7	3,0	3,0	0,6	2657,5
Иркутская обл.	9,8	0,0	2,0	12,2	7,7	4,1	6,4	0,4	35,7	0,0	2,9	8,5	4,7	5,1	0,6	1767,8
Кемеровская обл.	2,0	0,0	48,8	12,7	4,6	2,1	8,7	0,6	5,5	0,1	3,3	4,3	2,6	4,2	0,6	2728,3
Новосибирская обл.	11,3	0,0	1,1	13,5	4,3	1,5	10,3	0,7	16,5	1,0	16,8	7,9	7,4	6,4	1,2	1154,1
Омская обл.	15,9	0,0	0,0	53,7	1,5	2,6	6,0	0,3	4,9	0,0	2,8	4,5	3,3	3,5	1,0	3253,6
Томская обл.	4,2	0,0	39,7	9,1	2,5	3,1	3,9	0,6	12,1	0,0	9,8	5,6	5,3	3,3	0,7	2022,4
Респ. Саха (Якутия)	1,5	0,0	45,4	0,1	2,3	25,0	2,3	0,5	7,6	0,0	1,7	4,8	5,1	3,0	0,8	2816,5
Камчатский край	0,1	94,5	0,1	0,2	0,8	0,2	0,3	0,1	0,2	0,0	0,1	2,3	0,4	0,7	0,0	8941,6
Приморский край	1,9	47,8	0,1	1,4	2,3	10,4	8,0	0,4	13,4	0,1	2,7	6,7	2,0	2,4	0,3	2713,9

Регион	Отрасли															ИКС
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Хабаровский край	6,7	6,6	1,8	3,8	3,8	10,8	8,9	0,6	21,5	0,1	6,3	16,6	6,0	5,6	0,8	1163,2
Амурская обл.	8,8	0,0	7,5	0,9	5,7	17,9	4,3	0,4	32,4	0,0	1,4	11,3	4,1	4,8	0,3	1728,5
Магаданская обл.	0,4	39,8	12,2	0,1	4,7	1,8	1,8	0,2	1,9	0,0	1,3	27,8	2,9	4,6	0,5	2565,6
Сахалинская обл.	0,0	8,1	84,1	0,3	0,2	3,7	0,4	0,2	0,6	0,0	0,5	0,9	0,2	0,6	0,0	7157,7
Еврейская авт. обл.	21,0	0,0	0,0	1,0	4,0	12,2	3,0	0,6	16,9	0,0	1,5	24,6	4,1	10,0	1,0	1628,7
Чукотский авт. округ	0,1	1,2	61,4	0,0	15,0	10,8	0,4	0,1	0,9	0,0	0,2	6,9	1,1	1,8	0,2	4169,9

Пр и м е ч а н и е – Расшифровка условных номеров отрасли

- 1 – Сельское хозяйство
- 2 – Рыболовство и рыбоводство
- 3 – Добыча полезных ископаемых
- 4 – Обрабатывающие производства
- 5 – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
- 6 – Строительство
- 7 – Оптовая и розничная торговля
- 8 – Гостиницы и рестораны
- 9 – Транспорт и связь
- 10 – Финансовая деятельность
- 11 – Операции с недвижимостью
- 12 – Государственное управление
- 13 – Образование
- 14 – Здравоохранение
- 15 – Прочие услуги